

ЦЕНТР СИСТЕМНЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ
ИИПК ЮФУ И ИСПИ РАН

Южнороссийское обозрение
Выпуск 58

*К 90-летию чл.-корреспондента АН СССР
и РАН Юрия Андреевича Жданова*

ПОЛИТИКА И СИЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ
НА ЮГЕ РОССИИ

*Ответственный редактор
В.В. Черноус*

Ростов-на-Дону
Издательство СКНЦ ВШ ЮФУ
2009

ББК 66.3(2Рос)6

П 50

Редакционная коллегия серии: Акаев В.Х., Волков Ю.Г., Добаев И.П. (зам.отв.ред.), Попов А.В., Ханбабаев К.М., Черноус В.В. (отв.ред.), Тхагапсоев Х.Г., Ненашева А.В. (отв.секретарь)

Рецензенты: Верещагин В.Ю., д.ф.н., профессор (Ростов-на-Дону), Гасанов М.Р., д.и.н., профессор (Махачкала) Пляскин В.П., д.и.н., профессор (Москва)

П 50 **Политика и силовые структуры на Юге России** / Отв. редактор В.В. Черноус / Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН. Вып. 58. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. 146 с.

В сборнике научных статей авторы с учетом исторического опыта анализируют современные проблемы использования силовых структур в политическом процессе и влияния политики на силовиков на Юге России.

Адресован политологам, регионоведам, научным экспертам, госслужащим и сотрудникам силовых ведомств.

Д – 01 (03) 2009 Без объявл.
ISBN 978-58-7872-371-8

© Авторы статей, 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Силловые структуры, т.е. совокупность органов управления, сил и средств, функционирующих для обеспечения национальной и региональной безопасности, в истории России всегда играли значительную и разноплановую роль, сохраняя в видоизмененном виде ее в современных условиях (силы Министерства Обороны, МВД, ФСБ и др.).

Настоящий сборник научных статей продолжает рассмотрение темы, обозначенной в выпуске 12 «Южнороссийского обозрения» в 2002 г. За прошедшие годы появилось несколько серьезных исследований о деятельности силовых структур на Юге России, но практически все они (исключая публицистику) посвящены истории XIX – первой половины XX вв.¹

Союзно-вассальные отношения в XVI – XVIII в. владетелей и союзов сельских обществ Северного Кавказа с Россией, которые при всех внутрикавказских противоречиях в целом были взаимовыгодны и относительно мирными, с XVIII в. перерастают в подданнические, а с конца XVIII в. начинается установление администрации Российской империи на Кавказе, не сводимой к какому-то одному знаменателю. В ее реализации решающее значение отводилось вооруженным силам России.

Наряду с основными функциями – военной безопасности и репрессивной – силовым структурам приходилось выполнять и другие: комплексное изучение новых народов и территорий империи, основание городов, строительство дорог и других коммуникаций, поиск форм управления Кавказом, просветительство, распространение модернизационных форм культуры, медици-

¹ Силловые структуры в этнополитических процессах на Юге России / Южнороссийское обозрение ЦСРИП ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН. Вып. 12. Ростов н/Д., 2002; *Клычников Ю.Ю., Литец С.И.* Северо-Кавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки). Пятигорск, 2006; Силловые структуры и политическая власть: история, современность и перспективы взаимоотношений. Доклад Всероссийской конференции. Екатеринбург, 2007; *Рябиков А.Н.* Военно-политический аспект деятельности России на Кавказе. Славянск-на-Кубани, 2008; *Пылков О.С.* Участие российской армии в социально-экономическом и культурном развитии Северного Кавказа (1 пол. XIX в.): Дис. ...к.и.н. Ставрополь, 2008; *Алмазов И.Г.* Ингушская военная интеллигенция в русской императорской армии. Назрань, 2008; и др.

на и система рекреации, интеграция горской знати в правящую элиту Российской империи и др. Столь значительная и многообразная роль силовых структур объясняется как своеобразием государственного устройства Российской империи, так и более широко – особенностями российской цивилизации в целом.

В советский период силовые структуры также не были ограничены функциями обеспечения внешней и внутренней безопасности, тем более не сводимы к гипертрофированной репрессивной функции. Все мирные достижения в развитии экономики, социальной сферы, культуры на Северном Кавказе в той или иной степени связаны с силовиками.

В позднесоветский и постсоветский периоды в XX в. роль силовых структур в государственном управлении изменилась, более того были подорваны механизмы поддержания социального порядка, разрушена система координации силовых структур, а сами они превратились в объект диффамаций, вынуждены были выполнять противоречивые указания уклоняющейся от ответственности политической власти без необходимого правового обеспечения как на Южном, так и на Северном Кавказе. В этом одна из причин кровавых последствий конфликтов в Абхазии, Южной Осетии, Нагорном Карабахе, Баку, в Пригородном районе, Чечне. К тому же силовые структуры были больны тем же, что и все российское общество: депрофессионализацией, коррупцией, неуважением к закону.

С рубежа XX – XXI вв. ситуация меняется, начинает постепенно восстанавливаться вместе с государственностью авторитет и престиж силовых структур. Результатом стали разгром агрессии международных террористов с территории Чечни против Дагестана с последующей ликвидацией сепаратистского режима А. Масхадова и в целом успехи в ходе антитеррористической операции на Северном Кавказе, несмотря на проблемы материального обеспечения, отсутствие универсального правового подхода к силовым методам подавления конфликтов, шокирующих преступлений против личности со стороны отдельных (но, к сожалению, не редких) сотрудников правоохранительных органов, что всегда имеет мощный общественный резонанс.

Опыт российских силовиков в борьбе с международными

террористическими организациями и сетями, миротворческая деятельность на постсоветском пространстве и в разных уголках мира, несмотря на постоянные коммуникативные атаки, формирует их позитивный образ у населения как России, так и в других странах на фоне военных преступлений США и НАТО на Балканах, в Ираке и Афганистане, циничном попрании любых прав и свобод «незападного» (якобы нецивилизованного) человека.

Престиж силовых структур, особенно армии и МЧС, укрепился в ходе военного конфликта в Южной Осетии в августе 2008 г., когда российская армия разгромила агрессора – ударные подразделения геноцидального диктаторского режима М. Саакашвили, который, имея за спиной поддержку США и НАТО, в целом стремился осуществить этническую чистку Абхазии и Южной Осетии по модели, использованной НАТО в Косово, но в более варварской форме, традиционной для части шовинистически настроенной правящей элиты Грузии, которую на Западе умудряются преподнести обывателю едва ли не за образец демократии и свободолюбия.

Объективный и всесторонний анализ деятельности силовых структур в период присоединения Кавказа к Российской империи, формирования в регионе российской идентичности, в обеспечении целостности и безопасности России на Южных рубежах – настоятельная задача ученых. Предстоит преодолеть как стереотипы политизированного шельмования силовиков, так и уйти от апологетики, замалчивания трагических страниц использования силового компонента в кавказской политике.

К изучению всех форм деятельности силовых структур, роли военной интеллигенции Российской империи и Советского союза по интеграции российского социокультурного и политического пространства неоднократно призывал член-корреспондент АН СССР, многолетний ректор РГУ и председатель Северо-Кавказского научного центра высшей школы Юрий Андреевич Жданов (1919 – 2006). Многие ученые, в том числе и некоторые авторы настоящего сборника, обратились к данной проблематике под влиянием Ю.А. Жданова. Он был внимательным рецензентом первых исследований в этой области. Сборник посвящается светлой памяти Юрия Андреевича Жданова, который вместе с

соратниками из всех республик, краев и областей заложил фундамент современной науки и высшего образования на Северном Кавказе, все силы направлял на укрепление интеграционных связей. 20 августа 2009 г. Юрию Андреевичу Жданову исполнилось бы 90 лет.

В.В. Черноус

ВОЕННАЯ КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА:
ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

В последнее время заметно усилилось внимание ученых различных школ и направлений к проблемам войны и мира, армии, к коллизиям вокруг вооруженного насилия в целом. Примером тому являются доклады А.Н. Исакова «Судьба военного мифа: политика, этика, искусство», А.К. Секацкого «Идея войны и дисциплина духа», В.Ю. Сухачева «Война: хтонизм и современность», В.Л. Рабиновича «Враг в зеркале культуры – друг», сделанные ими на одной из прошедших в Санкт-Петербурге конференций¹. Войне посвящаются и фундаментальные исследования начала XXI в., в которых рассматривается как сама идея войны, так и ее образ в культуре². Роль и значение военной культуры общества в решении политических проблем на Северном Кавказе показана, например, в подготовленном и изданном Южным научным центром РАН «Атласе социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России»³. Эти и ряд других работ последних лет предоставляют богатый материал для обсуждения роли вооруженного насилия в современном обществе.

Пульсирующее состояние вооруженного насилия на Северном Кавказе, драматические события начала XXI в. в Нью-Йорке, связанные с применением насилия в его экстремистской форме, и последующая эскалация военных действий еще более усиливают внимание ученых и политиков-практиков к проблеме генерации вооруженного насилия в обществе.

Следует заметить, что когда власть войны проецируется в человеческий мир, в этой ситуации обычный человек уже не может

¹ См.: Седьмой Международный философско-культурологический симпозиум «Символы, образы, стереотипы современной культуры». Санкт-Петербург, 25-30 августа, 1999 г. // http://www.rfbr.ru/default.asp?doc_id=4771.

² См.: *Гамов В.И.* Образ войны в культуре... Дисс... докт. филос. наук. Армавир, 2000; *Калинин Б.А.* Идея войны: философско-культурологический анализ. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001; и др.

³ См.: *Матишов Г.Г., Авксентьев В.А., Батиев Л.В.* Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. III. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008.

быть услышан, он – просто сырье, пространство для развертывания нечеловеческого. Война вводит такой предел интенсивности духовного, за которым фактически невозможен диалог, но за этим пределом «Я» втягивается в игры, где перед «Я» всегда стоит проблема выбора: быть непризнанным и погибнуть или получить признание, лишаясь человеческого. Мало того, на этом пределе ставится единственная безальтернативная задача – выжить, и поэтому война представляет собой пример жестокой ресимволизации, которая именно в силу своей интенсивности способна выступать мощным катализатором самых непредсказуемых событийных рядов (героизм, мужество, верность долгу и рядом же трусость, предательство и т.д.).

Осмысливая проблемы войны необходимо подчеркнуть, что в рамках одного государства невозможно разработать весь необходимый теоретический и концептуальный базис военнополитического пространства государства, и мы вынуждены импортировать идеи, стратегии и концепции, развиваемые в иной культурной и социальной среде. Примером этого является трактат древнекитайского военного теоретика Сунь-Цзы «Искусство войны», или труд К. Клаузевица «О войне», или «Наука побеждать» А.В. Суворова.

Процесс такого взаимного заимствования есть органический процесс, так как мир идей и стратегий достаточно многообразен и универсален и крайне важно иметь как можно более широкий диапазон для выбора. Это повышает шанс отобрать и адаптировать к реальности того или иного государства наиболее близкие и адекватные идеи и концепции, касающиеся насилия в его крайней вооруженной форме, так как война и стратегия, меняя формы и способы выражения, сохраняют природу свою неизменной. Новые теоретики войны в своих попытках понять и интерпретировать наблюдаемые ими явления обращаются к тысячелетнему наследию военной мысли, пытаясь там найти ответы на новые вызовы, с которыми сталкивается общество в своем развитии.

Попытки понять окружающую военную реальность, наряду с необходимостью изучать противника, требуют познания самого себя, своего общества, являющегося важнейшим элементом победы. Данная истина была осознана уже в Древнем Китае и сфор-

мулирована китайским военным мыслителем Сунь-Цзы. Устойчивое развитие и безопасность общества во многом зависят от способности его элиты эффективно работать с новыми идеями, его умения разглядеть за новыми формами и интерпретациями старые идеи и подходы, облегчая тем самым задачу формирования адекватного отклика на новые вызовы. Военные идеи при этом играют весьма важную роль, так как недопонимание или неправильная их интерпретация может иметь катастрофические последствия для общества.

Проведение четкой границы между военной и политической сферами общества весьма условно. Тезис о том, что мирная жизнь есть забота «гражданских», а ведение войны – это задача и обязанность военных-профессионалов вряд ли можно считать продуктивным, так как война и политика тесно взаимосвязаны и неразрывно взаимодействуют. Иногда в своих крайних выражениях «подозрительность» политиков по отношению к военным, их частое и неоправданное вмешательство в процесс выработки и принятия военных решений ставит под вопрос необходимость военной профессии как таковой. Однако следует напомнить о том, что такое разделение на военных и гражданских подрывает единство народа. Так, еще Е.Н. Трубецкой, подчеркивая духовную силу единения русского народа в его стремлении победить в войне с Германией, писал о том, что не болезненный паралич воли, а доведенная до крайнего напряжения воля победить «составляет характерную черту нынешнего общественного настроения». Ошибочно было бы заключить, что одной воли победить достаточно для того, чтобы одержать победу. Но с другой стороны, без этой воли и без той веры, которая горы передвигает, ни о какой победе не может быть речи. «Не сила оружия, отдельно взятая, – отмечал Е.Н. Трубецкой, – решает участь сражений, а та духовная сила, которая управляет оружием и без которой оно – мертво». Именно уверенность в правоте своего дела, борьба за великие идеи, а не только за территории собирает народ, выдвигая из его рядов полководцев и героев, которые служат высоким образцом, примером для подражания.

Рассматривая точки соприкосновения военной культуры и политики, необходимо подчеркнуть, что критерием профессио-

нализма в любой сфере деятельности выступают знания и опыт. Общество, выказывая признание знаниям и опыту конкретных профессионалов, распространяет его на всю профессию. Если политические лидеры вмешиваются в проведение военной кампании, это означает, что необходимое доверие к военным как профессионалам отсутствует или недостаточно глубоко. То есть, по мнению политиков, объем знаний, на который опирается военная профессиональная деятельность, недостаточен для принятия решений, касающихся войны, и, значит, военной профессии нельзя предоставлять соответствующие полномочия. Доведение до логического конца цепочки рассуждений приводит к выводу о том, что говорить о военном профессионализме и военных профессионалах становится некорректным, и, следовательно, военная деятельность может осуществляться любителями и дилетантами, но это противоречит практике и здравому смыслу. Постараемся с этих позиций оценить роль и значение военных в политике.

Всматриваясь в мозаику сегодняшней российской жизни, мы с некоторым удивлением обнаруживаем весьма необычный, если не сказать странный, на первый взгляд, рисунок, в котором все явственней проступает изображение «человека с ружьем». Генерал А. Руцкой (бывший вице-президент СССР, бывший губернатор), генерал А. Лебедь (бывший кандидат в президенты, бывший секретарь Совета Безопасности, бывший губернатор), генерал Д. Дудаев (бывший президент Ичкерии), полковник А. Масхадов, генерал Р. Аушев (бывший президент Чечено-Ингушской республики), генерал В. Семенов (бывший президент Карачаево-Черкесии), генерал Громов (губернатор Московской области) – это далеко не полный список должностей, занимаемых так называемыми «силовиками». Появилась и своеобразная мода на военных (примеры тому появление в Государственной думе В. Жириновского в форме полковника или А. Починка на телеэкране в генеральском мундире). Военнослужащих как действующих, так и в отставке, а также в запасе, достаточно много в среде депутатов, они занимают весьма крупные посты в администрациях различного уровня. Такая ситуация с хождением во власть «силовиков» в последнее время становится скорее правилом, чем

исключением и уже никого не удивляет назначение начальника Генерального штаба Вооруженных Сил РФ А. Квашнина полномочным представителем Президента Российской Федерации в Сибирском федеральном округе.

Даже по внешним признакам можно говорить о присутствии как в системе государства, так и в массиве общественного сознания неких мотивов, которые определяют именно такую, достаточно странную роль людей в погонах с точки зрения их сущностных функций. Кстати говоря, если учесть не столь давний опыт Франции, Чили или недавний опыт Израиля, то генерал во главе государства, а не только правительства – это явление не только чисто российское.

Можно было удивиться и на том поставить точку, если бы не явно просматривающаяся тенденция к росту спроса со стороны общества на военных в современном российском обществе. В чем причины подобного явления? Не скрываются ли за этим явлением глубинные подвиги, которые могут являться предвестником изменений в нашем обществе? Не является ли увеличение числа «силовиков» во власти барометром состояния нашего общества? Попытаемся рассмотреть хотя бы некоторые аспекты поставленной проблемы.

«Тень летящей птицы никогда не движется», - писал китайский философ Хуэй Ши. Используя эту аллегорию, можно предположить, что усиливающийся спрос со стороны общества и государства на людей в погонах имеет, вне всякого сомнения, объективные причины и может быть связан со следующими обстоятельствами.

Первое обстоятельство формируется военной компонентой российской ментальности и особенностью российской государственности. Образ воина-защитника, воина-заступника, сформированный многовековым развитием России, не смог уничтожить даже самый яркий шквал нападков на вооруженные силы, развязанный не без помощи самой действующей тогда власти. Певец и композитор О. Газманов поет: «Офицеры, офицеры, ваше сердце под прицелом», но под прицелом оказалось не только сердце. Стреляли в ум, и даже в тело «человека с ружьем» (месяцами не выплачивали денежное довольствие, обрекая людей на физиче-

скую и физиологическую неполноценность). События в Югославии, Дагестане, Чечне уменьшили дискредитационные потуги и заставили власть поправить положение в части ее отношения к военным.

Второе обстоятельство связано со снятием непосредственной военной угрозы со стороны США, снижением уровня военного (прежде всего ядерного) противостояния. Это снижение (неплохое с точки зрения оздоровления международной обстановки в целом) породило в нашей стране ничем не оправданный пацифизм не только в сфере обыденного сознания. Самое печальное, что «сверхпацифизм» поразил теоретиков, формирующих политическое и правовое поле при организации государственного управления в области военной политики. От милитаризованного сознания мы бросились в другую крайность: отменили военную подготовку в школе; стали подавать через систему СМИ уклонение от воинской службы как нечто «героическое» и т.п. Проникающая коррупция в среду военных делает вооруженные силы все более «рабоче-крестьянскими». Перспективы развития такой «демилитаризации» в деталях очень трудно прогнозируемы, но положительный результат маловероятен.

Третье. Нарастание нестабильности внутри страны вследствие политического и экономического кризиса, этнические коллизии, усиливающаяся криминализация общества, сращивание всего и вся (прежде всего власти и криминала) породили хаос, но хаос тянется к порядку, так как сам является одной из его форм. Из всех государственных институтов, доставшихся нам от так называемого советского времени, «демократы» не успели, а скорее всего, не смогли в силу непонимания сути и значения насилия (в том числе и вооруженного) в жизни общества «реформировать» только вооруженные силы. Законодательная и исполнительная власть, судебные органы, МВД, КГБ и прочие атрибуты государства подверглись «реформированию», и причем неоднократно. Результаты подобного реформирования очень напоминают действия, когда левая рука не знает, что делает правая. Однако становой хребет армии, ее дух, ментальность остались в принципе стабильным, хотя и не без изъянов. Появились новые веяния и в армии – дух стяжательства, неуважение к собрату по оружию и

др., но глубинных основ существования вооруженных сил проводимое реформирование пока еще не вытравило. Вероятно, общество интуитивно чувствует этот островок стабильности и стремится к нему, наделяя своими избирательными голосами «человека с ружьем».

Четвертое. Требования к людям политики, связанные с сегодняшними обстоятельствами российской жизни, иные, чем они были 10-15 лет назад. «Демократы» сделали свое дело, но время таскания жареных каштанов из огня уже прошло, каштаны закончились, огонь погас. «Олигархи» и же с ними стали обладателями этих каштанов, в то время как подавляющая часть населения в итоге, кроме дыма от костра, ничего не получила. Не за горами возможный естественный передел олигархической собственности, в том числе связанный и со сменой декораций среди «олигархов», и, возможно, именно от военных, ждут подспудно выполнения роли «третьейского судьи», так как ожидать, что «человек с ружьем» будет рьяно защищать собственность «олигархов» можно, но крайне осторожно.

Одно замечание, связанное с проблемой выдвижения во власть «силовики». Игнорирование военной компоненты российской ментальности с начала 90-х гг. XX в. привело к просчетам в сфере управления общественным сознанием. Ставка на «оборонное сознание», отказ от понятия «борьба», в том числе и «вооруженная борьба», привели к государственному инфантилизму. Дело дошло до того, что упоминание терминов «насилие», «борьба», «война» стали в последнее десятилетие XX в. в российской научной среде едва ли не признаком дурного тона. Об опасности игнорирования «борьбы», в том числе и ее форм, нас предупреждают даже зарубежные ученые. Так, Ж. Делез, например, пишет: «Есть немало опасностей в обращении к чистым различиям, свободным от тождественного, ставшим независимыми от отрицания. Самая же большая опасность – власть в прекраснотушное представления: имеются, мол, только различия, примиримые и соединимые, далекие от кровопролитной борьбы».

Прекраснотушие говорит: мы разные, но не противостоящие... Понятие проблемы, связанное, как мы увидим, с понятием различия, также как бы питает состояние прекраснотуши: толь-

ко задачи и вопросы имеют значение... Однако мы считаем, что как только проблемы достигают степени свойственной им положительности, как только различия становятся предметом соответствующего утверждения, они высвобождают силы агрессии и отбора, которые разрушают прекрасноту, лишают его самождественности, разбивая его благие намерения»⁴.

Именно реальная жизнь российского общества сегодня заставляет нас вновь обратиться к употреблению слов, которые характеризуют вооруженное насилие (война, битва, поле брани, сражение, военная агрессия и т.д.). Необходимо иметь в виду, что истинный смысл подобных слов доступен по большому счету профессиональным политикам и военным, а это также явилось причиной приглашения обществом во власть «человека с ружьем». Оправдают ли военные надежды, возлагаемые на них обществом и государством, покажет время. Но то, что в менталитете российского народа опять зазвучали забытые было военные мотивы, становится все более заметным. Подобные объективные причины и обстоятельства формируют поле, на котором произрастает спрос общества на «человека с ружьем», что в свою очередь приводит к необходимости более подробно и глубоко исследовать военную культуру российского общества.

⁴ Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998. С. 10.

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ ИРРЕГУЛЯРНЫХ
МИЛИЦИОННЫХ ЧАСТЕЙ В РУССКОЙ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ ИЗ ИНГУШЕЙ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – НАЧАЛО XX ВВ.)

Временной отсчет на службе российскому оружию северокавказские горцы начинают вести практически с периода Отечественной войны 1812 г., когда небольшие ополченские части горцев Северного Кавказа, сформированные по Высочайшему соизволению, приняли активное участие в военной кампании России 1812 г. в составе казачьих полков атамана Платова. Говоря об участии горских ополченских частей в этой освободительной войне, известный академик и военный историк XIX в. Е.В. Тарле отмечал: «...Представители национальных меньшинств и отдельных групп не уступали коренному русскому населению в желании защищать общее Отечество. Донские казаки, башкиры, татары, горцы Кавказа сражались, судя по всем отзывам, замечательно стойко и мужественно»¹.

В истории России известны отдельные моменты содействия северокавказских горцев русскому оружию еще с XVIII в. Историк-кавказовед Ф.В. Тотоев, занимавшийся вопросами общественно-экономического строя Ингушетии и Чечни XVIII в. – 40-х гг. XIX в., считает, что на борьбу с завоевателями (имеются в виду экспансии султанской Турции и шахской Персии на Кавказ) неоднократно поднималась мощная конфедерация из ингушей, чеченцев и карабулаков².

Уже в 80-х гг. XVIII в. Правительство Российской империи для защиты Кавказа начало воплощать в жизнь ранее намеченные планы создания военных иррегулярных милиционных отрядов, состоящих целиком из горцев.

В 1786 г. по инициативе Военного министерства была создана Ингушская милиция, состоявшая из горцев Галгаевского, Назрановского, Камбилеевского, Цоринского и Хамхинского обществ,

¹ Тарле Е.В. 1812 год. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1959. С. 611.

² Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVII – XIX вв. М., 1958. С. 132.

для охраны построенной за два года до этого крепости Владикавказ. Причем в случае необходимости Кавказской военной администрации «...разрешилось сформировать и большое число войск из ингушей и осетин для действий в их крае»³.

Наиболее активный характер эта политика приняла в начале XIX в. Начиная с этого времени иррегулярные милиционные формирования из горцев Кавказа, в том числе и из ингушей, привлекались к участию почти во всех боевых действиях Отдельного Кавказского корпуса, частью и во внешних войнах Российской империи.

В середине 30-х гг. XIX в. по инициативе Наместника на Кавказе генерал-фельдмаршала графа И. Паскевича было создано первое полноценное иррегулярное военное соединение из горцев Северного Кавказа – Кавказский конно-горский полк. Местом его дислокации стала Варшава, столица царства Польского; в 1849 г. полк принял участие в известном Венгерском походе русских войск. Всадники полка мужественно сражались против англо-франко-турецких войск в Крымской войне 1853 – 1856 гг. Через его ряды прошло до 40 ингушей, для которых полк стал первой «кузницей» формирования офицерских кадров в военной истории ингушей. В этой военной кампании более значительные отдельные горские кавалерийские милиционные формирования сражались на Кавказском фронте⁴. Общее же число ингушей, участников Крымской войны на обоих фронтах, было гораздо больше. Среди награжденных после окончания Крымской войны памятной бронзовой медалью были 325 ингушей-всадников и 80 офицеров иррегулярной милиции, принимавших участие в боевых делах «...против непокорных горцев и турок на Кавказском театре войны»⁵.

Особенно была отмечена деятельность отдельных частей. Своими мужественными и решительными действиями получила известность 2-х сотенная Горская милиция (так называемая Охранная стража), в 1885 г. воевавшая на Кавказском фронте Крымской военной кампании. В составе этих сотен вместе с кабардинцами,

³ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Ч. I. СПб., 1869. С. 122-123.

⁴ ЦГА РСФСР. Ф.53, оп.1, д.1750, лл.3, 10-16

⁵ ЦГИА Республики Грузия. Ф.1087, оп.1, д.805, л. 66 об.

карачаевцами и ногайцами находились и *ингушские* всадники.

Верность горцев-ингушей воинскому долгу и содействию русскому оружию, боеготовность и личная храбрость каждого из ингушских всадников неоднократно и особо отмечались военными специалистами Отдельного Кавказского корпуса во второй половине XIX в. на страницах авторитетных военно-научных изданий. Так, Военно-статистическое обозрение Российской империи на своих страницах писало: «...*По совершенной покорности и преданности Ингушевских и Осетинских племен, живущих в пределах Владикавказского округа, все они охотно выставляют милицию, смотря по требованию Начальника Владикавказского военного округа. Но обыкновенно, вне чрезвычайных обстоятельств, от них ежегодно для наблюдения внутри населения каждого племени, собирается приблизительно следующее число милиции: от Джераховцев, Кистинцев, Цоринцев, Галашевцев и Тагаурцев пешей и конной - 232; <...> от Назрановского и Камбилеевского обществ – 137. <...> Из милиции горских народов Начальник Владикавказского округа отмечает, что **Назрановская самая лучшая по воинственности** (выделено мною. – А.И.). Осетинская уступает первой во многих отношениях <...>»⁶.*

В конце XIX в. Правительство Российской империи переходит от практики создания иррегулярных милиционных частей к регулярным (на постоянной основе). В 1870 г. Военное министерство Российской империи учреждает Терскую постоянную милицию. Отличительной чертой Терской постоянной милиции являлось формирование ее из состава туземного (местного) населения Терской области, с разделением по внутреннему национальному признаку, т.е. кабардинский, ингушский, осетинский составы. Командованием Кавказской армии и администрацией Терской области личный состав Терской постоянной милиции привлекался, «...*по мере особой на то надобности против непокорных горцев*», но в основном они несли сторожевую и патрульную службу в тылу Кавказской армии, охраняя стратегически важные объекты и коммуникации – дороги, мосты, перекрестки и перевалы, поддерживая общественный порядок. Численный

⁶ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XVI. Ч. I. СПб., 1851. лл. 135-136.

состав ее менялся в зависимости от складывавшейся военно-политической обстановки в северокавказском крае, Терской области и непосредственно на Кавказской линии.

В 1909 г. Военное министерство внесло на рассмотрение Совета министров Империи законопроект о преобразовании Терской постоянной милиции в Терскую стражу. Об этом писало одно из печатных изданий Терской области – газета «На Кавказе»⁷. По новому Положению состав новой Терской стражи – стражники и урядники – должны были назначаться начальником Терской области только из числа отставных и запасных нижних и младших чинов казаков Терского и Кубанского казачьего войска, т.е. горский состав милиции исключался (в том числе и ингушский состав). Однако вскоре, в следующем 1910 г., администрация Терской области (в лице ее начальника) вынуждена была обратиться с ходатайством в Военное министерство с прошением о «восстановлении горского туземного населения в Терской постоянной милиции, ввиду большой их надобности в деле установления и несения порядка» в полумирных горных обществах и по ряду других объективных причин. Практика доблестной службы горцев убедительно доказала чиновникам Военного министерства, что «лояльные» самодержавию казаки иногда во многом уступают по службе горцам, прирожденным воинам и наездникам, со своим неписанным кодексом воинской чести и вековыми устоями крепкого боевого братства.

Офицеры и всадники Терской постоянной милиции приняли самое деятельное участие в Первой мировой войне (1914 – 1918 гг.) в составе кавалерийских частей русской армии. Наравне с русским воинством они внесли большой вклад в дело защиты интересов общего Отечества – России.

В августе 1914 г., в связи с началом формирования из горцев Терской области Кавказской Туземной конной дивизии, большинство горских офицеров и всадников Терской постоянной милиции влились в ряды формируемых национальных полков дивизии – Ингушского, Кабардинского, Черкесского, Чеченского и 2-го Дагестанского. Имея уже наработанный опыт военной службы, они составили первую боевую основу полков, помогая

⁷ На Кавказе. 1909. № 3.

новобранцам постигать азы нелегкой военной службы. Многие из них за проявленные в многочисленных боях с неприятелем отвагу и мужество, личную храбрость и боевые отличия были награждены боевыми орденами и медалями. Многие из них стали Полными Георгиевскими кавалерами, а наиболее отличившиеся были удостоены одной из почетных наград русской императорской армии – Золотым Георгиевским оружием.

Были и потери, большие потери – горцы, офицеры и всадники Терской постоянной милиции кровью своей увековечили память верности воинскому долгу, присяге и России.

Горцы-всадники Терской постоянной милиции, находившиеся в глубоком тылу, в Терской области, также достойно несли нелегкую военно-охранительную службу вплоть до конца 1917 г., в преддверии Октябрьского переворота 1917 г., ввергнувшего некогда одну из великих и сильных держав Европы в хаос революции, распада государственного и общественного строя, и последовавшей затем братоубийственной гражданской войны и разрухи в экономике.

СИЛОВОЙ КОМПОНЕНТ СТАБИЛИЗАЦИИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ

Этнополитические процессы в их современном региональном выражении занимают особое место в системе общественно-политических отношений субъектов Северо-Кавказского региона. Это тем более очевидно, что на государственном уровне в последние 20 лет существенно менялся взгляд на проблемы национальных и федеративных отношений. Позиция российского демократического, правового, социального государства обозначена в Федеративном договоре 1992 г., Конституции РФ 1993 г., Концепции государственной национальной политики РФ 1996 г., Федеральном законе «О национально-культурной автономии» 1996 г. и некоторых последующих федеральных законах.

Данные политические и нормативно-правовые акты стали основой для новых принципов, направлений, форм и методов управления в сфере этнополитических процессов, которые реализуются, начиная с 90-х гг. XX в. В управленческих стратегиях российского государства в сфере межэтнических отношений выраженным становится этнокультурное направление. Усилия государства нацелены на выведение этничности из сферы политики в сферу культуры, т.е. деполитизация этничности за счет максимального удовлетворения этнических интересов граждан в сфере культуры. Среди главных проблем реализации государственной национальной политики РФ выделяются несколько. Это прежде всего развитие федеративных отношений, которые должны обеспечить самостоятельность субъектов РФ и в то же время целостность РФ. Также это обеспечение политической и правовой защищенности малочисленных народов и национальных меньшинств. Также акцентируется поддержка соотечественников, проживающих в государствах-участниках СНГ – Содружества Независимых Государств, а также в странах Балтии¹.

¹ См.: *Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А., Чичановский А.А.* Национальная политика Российской Федерации: от концепции к реализации. М.: Славянский диалог, 1997.

Особо выделяются достижение и поддержание стабильности, прочного межнационального мира и согласия на Северном Кавказе, закономерно в связи с внутривнутриполитической и геополитической значимостью региона в составе РФ и в составе Каспийско-Черноморского региона².

Закономерно, что терроризм в Северо-Кавказском регионе имеет не чисто региональную природу. Его природа тождественна природе мировой террористической закулисы, формы и методы совершенных в регионе актов напрямую соотносятся с формами и методами известных в мировой практике террористических групп и движений – баскских, ирландских, курдских и др. Антироссийские силы интенсивно разрабатывают и в некоторых регионах Северного Кавказа «обкатывают» сценарии дестабилизации обстановки путем нагнетания страха, неуверенности, взаимной неприязни народов. В субъекты Северо-Кавказского региона проникают экстремистски настроенные элементы, прежде всего с Ближнего Востока, из Сирии, Иордании, Турции, что рождает проблемы межэтнических отношений и провоцирует межэтнические конфликты.

Достижение стабильности этнополитических процессов, межэтнического согласия на Северном Кавказе является важнейшей задачей и одновременно существенной проблемой политического и геополитического свойства. Эта задача и одновременно проблема остается актуальной и в настоящее время, хотя качество «северокавказских этнополитических рисков» меняется в контексте изменения социально-экономической ситуации в регионе. В последний период отмечаются позитивные сдвиги, прежде всего в достижении определенного уровня безопасности разноуровневых отношений. Это – отношения субъектов региона, отношения народов и этнических групп, отношения власти и общества, отношения мигрантов и старожилов и др.³

Достижение определенного уровня стабильности общественных отношений возможно лишь в условиях безопасности как комплекса составляющих. Среди них выделяются: экологи-

² См.: Российская цивилизация на Северном Кавказе / Гл. ред. В.А. Шаповалов. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001.

³ Российский Кавказ. Книга для политиков / Под ред. В. Тишкова. М.: ФГНУ «Росинформграптоех», 2007.

ческая, экономическая, политическая, этнополитическая и др. Главная безопасность – это безопасность жизнедеятельности, здоровья при отсутствии угроз имуществу, жилищу, собственности, достоинству и др.

Для достижения и поддержания безопасности необходима ликвидация факторов угроз и рисков. Первым в ряду таких факторов выступает терроризм, который имеет как международную, так и региональную природу.

Терроризм и религиозный экстремизм выступают важнейшим конфликтогенным фактором межэтнических отношений. Терроризм имеет не только прямые последствия – гибель людей, уничтожение материальных ценностей, основных фондов. Важнейшим следствием терроризма является существенный ущерб межэтническим и этноконфессиональным отношениям. В этом плане терроризм выступает важнейшим фактором конфликтного процесса в целом, и конфликтных ситуаций в отдельности⁴.

С начала 90-х гг. XX в. население субъектов Северного Кавказа подвергается определенному террористическому воздействию. Терроризм расшатывает всю систему общественных отношений. Это происходит, во-первых, из-за самих террористических актов. Кроме того, на общественные отношения негативно влияет проведение антитеррористических операций (например, *«Граница-заслон»*, *«Вихрь-антитеррор»*, *«Моджахед»*, *«Сирена»*, *«Ураган»*, *«Перехват»* и др.). Также терроризм сопровождается и порождает множество сопутствующих процессов разрушительного, конфликтогенного характера. Это незаконный оборот оружия и наркотиков, криминальные разборки, заказные убийства. Также сами сюжеты поимки и уничтожения террористов и суды над террористами травмируют общество, тем более, что вера населения в неизбежность наказания и возмездия весьма шатка. Как отмечают исследователи, сами террористические акты и дальнейшие следствия и суды имеют политический характер. Также они затрагивают разные аспекты межэтнических отношений и этнополитических процессов, так как многие граждане связывают терроризм с этнической принадлежностью

⁴ См.: Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии. Ежегодные доклады / Под ред. В.А. Тишкова, Е.И. Филипповой. М.: ИЭА РАН, 2000-2007.

исполнителей. Особенно это проявляется в Северо-Кавказском регионе, где общественность обращает внимание прежде всего на то, к какому этносу, какой этнической группе, какому клану, какой фамилии принадлежит преступник⁵.

Очевидно, что терроризм в северокавказском полиэтничном регионе при сохранении своей сущности изменился содержательно и формально. Террористические акты с 2004 г. осуществляются в трех основных направлениях: а) террористические акты против силовых структур как акты влияния; б) террористические акты против гражданского населения как акты устрашения; в) террористические акты против руководителей властных структур, органов местного самоуправления как акты шантажа.

Террористические акты в субъектах Северного Кавказа (Ростовская обл., Краснодарский, Ставропольский кр., Республики Дагестан, Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и др.) привели не только к гибели людей. Эти акты масштабны не только по своим прямым последствиям – гибель большого числа людей (в том числе, женщин, молодежи, детей). Эти акты рождают тревогу, недоверие к власти, взаимные подозрения, обвинения людей⁶. Террористические и криминальные акты рождают конфликтогенные проявления в отношениях этнических групп⁷.

После совершенных террористических актов (Беслан, Буденновск, Владикавказ, Ворошиловск, Минеральные Воды, Каспийск, Кисловодск-Ессентуки, Пятигорск, Невинномысск и др.) в общественном дискурсе проявляются негативные мнения в отношении определенных народов. В сумме террористических угроз, в коллективных мифах, жалобах и слухах отмечается взаим-

⁵ Национальные особенности, культурные традиции и наследственные факторы народов, проживающих на Северном Кавказе (Этноэтикет народов Северного Кавказа) / Авт.-сост. В.В. Чебан. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 2007.

⁶ См.: Хоперская Л.Л. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 1997; Проблемы этнополитических отношений на Северном Кавказе / Отв. ред. М.А. Аствацатурова. Ростов н/Д; Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2001.

⁷ Слепцов Н.С., Гаташов В.В. Этноконфликтогенный потенциал Юга России: тенденции эволюции и меры по снижению уровня этнополитической напряженности // Конфликты на Северном Кавказе и пути их разрешения. Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС. 2003. С. 3-8.

ные страх и недоверие, а также адресные обвинения⁸. Объектом таких обвинений чаще всего являются чеченцы, карачаевцы, ногайцы, представители которых соотносятся в общественном мнении с «*чеченским следом*», «*карачаевским делом*», «*ногайским батальоном*», «*вахабиттской ячейкой*», «*радикальным исламом*». С одной стороны, это объясняется реалиями состоявшихся террористических актов. С другой стороны, очевидно, что в общечеловеческом и общественно-политическом плане терроризм не связан с этнической принадлежностью⁹.

В СМИ также постоянно отражается проблема терроризма как проблема не только политическая, но и проблема человеческих отношений, например: «*Мы помним Буденновск*», «*Трагедия в Эссентуках*», «*Слишком часто гремят взрывы*», «*Акция устрашения?*», «*Наступает час «ИКС»*», «*Мы живем в опасное время и в самом тревожном регионе*», «*Нельзя экономить на безопасности*», «*Терроризму – нет*», «*Взыщется с них Богом*», «*Людям ада – гореть в аду*», «*Россию не запугать*».

В связи с данной ситуацией магистральной задачей органов власти и управления является достижение безопасности. Безопасность гарантируется прежде всего системой мероприятий органов власти и управления, направленной на профилактику терроризма, противодействие террористическим институтам, ликвидацию незаконных бандформирований, и ликвидацию лидеров террористического подполья, дезавуацию схронов оружия и боеприпасов. Данная задача является комплексной, решение которой возможно лишь при эффективном взаимодействии власти и общества.

В общей системе акторов противодействия терроризму выделяется роль силовых структур, органов безопасности которые реализуют масштабную комплексную работу по предотвращению и ликвидации террористической угрозы, угрозы экстремизма разной природы.

Особое внимание уделяется таким опасным процессам, как

⁸ Социальные конфликты. Экспертиза. Прогнозирование. Технологии разрешения. Региональная конфликтология. Ставрополье / Гл. ред. Е.И. Степанов. М.; Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000.

⁹ Санглибаев А.А. Этнополитические процессы и конфликты на Северном Кавказе. Черкесск: Изд-во КЧИГИ, 2008.

смыкание терроризма и религиозных течений, терроризма и молодежных движений, терроризма и этнических движений. Также разрабатывается и такое опасное направление современного терроризма, как целенаправленные действия против силовых структур и работников органов власти и управления, которые приводят к большим потерям в профессиональном и кадровом корпусе силовиков и управленцев (Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Чечня). Особое внимание силовые структуры уделяют целенаправленным террористическим актам против религиозных деятелей, занимающих патриотические, государственнические позиции, позиции активного миротворчества и социального служения. Такие акты проведены в отношении священников Русской православной церкви (Дагестан, Карачаево-Черкесия, Чечня), а также в отношении имамов духовных управлений мусульман субъектов Северного Кавказа (Дагестан, Ставропольский кр., Карачаево-Черкесия). Эти акты имеют тяжелые последствия для состояния этнополитических процессов и общественных отношений и настроений в целом.

Самостоятельной проблемой в разработке силовых структур являются террористические акты, которые осуществляются против русских семей, возвращающихся к местам проживания в республиках региона – Ингушетии, Чечне. Эти акты являются особыми по жестокости и последствиям в системе этнополитических процессов. Самостоятельным вектором работы силовых структур является отслеживание проникновения террористических методов и приемов в общие криминальные процессы, участия террористов в борьбе кланов, конкурирующих группировок, например, в Республиках Северная Осетия-Алания, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария и др.

В общем контексте социально-политических отношений с меньшей активностью и частотой, но все еще проявляется деятельность отдельных экстремистски и националистически настроенных элементов. В некоторых населенных пунктах и районах Дагестана, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии-Алании, Ставрополя отмечается деятельность ваххабитских ячеек, которые избирают объектом своего воздействия прежде всего молодежь.

Вопросы безопасности и противодействия терроризму актуальны для Ставропольского края (далее – СК) как для субъекта Северо-Кавказского региона. По экспертным оценкам ряда специалистов-аналитиков, ситуация в крае оценивается как относительно стабильная, однако, со значительным скрытым конфликтогенным потенциалом¹⁰. Также сохраняется относительно высокий уровень готовности отдельных граждан и общественных объединений к участию в протестных действиях¹¹. Также опасным является участие в конфликтах больших групп молодежи (от 30 до 3000 и более человек), необъективная оценка действий участников конфликта со стороны некоторых общественных организаций и средств массовой информации¹².

Край занимает особое геополитическое отношение в регионе и при этом с начала 90-х гг. XX в. подвергается существенному террористическому воздействию: убийства и похищения людей, вооруженные вылазки боевиков, убийства религиозных служителей, порча объектов жизнедеятельности и сельскохозяйственной техники. В СК состоялись масштабные по жестокости и причиненному ущербу террористические акты в Буденновске, Минеральных Водах, Пятигорске, Кисловодске-Ессентуках, Невинномысске, которые повлекли за собой массовую гибель людей. В этой связи силовые структуры и органы безопасности СК осуществляют систематическую, комплексную работу по предотвращению терроризма.

¹⁰ Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения // Вып. 22. Региональные конфликты: моделирование, мониторинг, менеджмент // Ред. группа Степанов Е.И., Матишов Г.Г., Авксентьев В.А. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2007.

¹¹ Материалы заедания «Межведомственной комиссии совета по экономической и общественной безопасности Ставропольского края по вопросам реализации государственной национальной политики и государственно-конфессиональных отношений» // По материалам Совета по экономической и общественной безопасности Ставропольского края. 2006 и 2007.

¹² См.: *Аставацатурова М.А.* Ставропольские события в контексте этнополитических отношений. Аналитический материал с предложениями по нормализации ситуации в комитет Ставропольского края по делам национальностей и казачества. Текущие материалы комитета Ставропольского края по делам национальностей и казачества, 2007, 2008 гг.; Ежеквартальная информация за 2006 и 2007 годы, направляемая Заместителю полномочного представителя Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе «О состоянии межнациональных отношений в Ставропольском крае за период ...» // Текущие материалы Комитета Ставропольского края по делам национальностей и казачества. 2006 и 2007.

Борьба с терроризмом осуществляется на фоне наличия широкого спектра противоречий общественно-политических отношений. Так, специфической чертой социально-экономических процессов, протекающих в регионе, являются: передел (в том числе и в криминальных формах) собственности в некоторых сферах; высокий уровень безработицы, особенно среди сельской молодежи; значительное количество мигрантов; конкуренция между этническими группами в экономико-хозяйственном комплексе, в сфере бизнеса и предпринимательства; деятельность тоталитарных и псевдорелигиозных сект.

Все это заметно увеличивает нагрузку на сформировавшиеся социальные структуры, «уплотнило» сферу межличностного и группового взаимодействия. Также эти процессы обостряют общественные отношения и, в определенной мере, усиливают межэтническую и этноконфессиональную напряженность¹³. В этой ситуации местные сообщества пытаются противостоять лавинообразной ломке привычного уклада жизни путем консолидации по этническому и религиозному признакам. Это становится питательной средой для национализма, сепаратизма и экстремизма и, соответственно, для терроризма.

Успех такой работы состоит не только в осуществлении специфических мероприятий и операций силовых структур и органов безопасности. Примечательно, что выявление и профилактика угроз безопасности в части предупреждения терроризма предполагает рассмотрение не только сущности терроризма, которая более или менее очевидна, но и рассмотрение динамики содержания и форм терроризма, которые не остаются неизменными. В этой связи силовые структуры выделяют особенности регионального терроризма в Северо-Кавказском регионе и соотносят их с социально-экономическими и политическими реалиями субъектов.

В последнее время силовые структуры, органы безопасности СК усиливают аналитический компонент деятельности. Профилактика, противостояние и борьба с терроризмом в субъектах Северного Кавказа строится на анализе совершенных террористи-

¹³ Региональные конфликты в контексте глобализации и становления культуры мира: сборник научных материалов / Под ред. В.А. Шаповалова. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. С. 433.

ческих актов, а также на анализе проведенных операций. Проводится постоянный мониторинг общественных настроений, СМИ, анализ деятельности общественных организаций, религиозных конфессий. Также отслеживаются массовые настроения в молодежной среде, причем специальное внимание уделяется студенческой молодежи столицы и крупных городов края, где учатся и проживают представители республик региона – студенты вузов Ставрополя, Пятигорска, Невинномысска, Кисловодска, Георгиевска, а также молодые представители многих диаспор и общин края (армянской, греческой, еврейской, карачаевской, черкесской, чеченской). Также внимание уделяется сельской молодежи тех районов края, в которых отмечаются существенные проблемы социально-экономического развития и которые граничат с Дагестаном, Чечней (Буденовский, Степновский, Туркменский, Курский и др.).

Трагические события в Новоалександровске и в Ставрополе в феврале и в конце мая – начале июня 2007 г. подтверждают, что сфера общественно-политических отношений, в том числе отношений общества и власти, требует постоянного внимания и управленческого воздействия. Это важно тем более, чем дольше сохраняется в регионе опасность террористического, экстремистского воздействия. В этой связи силовые структуры усиливают свое сотрудничество с органами власти и управления, а также с общественными организациями – советами ветеранов, комитетами солдатских матерей, общественными советами, национально-культурными организациями и автономиями, а также с конфессиональными лидерами и руководителями молодежных общественных объединений. Молодежное направление в работе силовых структур является чрезвычайно важным. Экстремизм сегодня взял на вооружение псевдодемократическую фразеологию, популистские лозунги и обещания. В качестве основных исполнителей экстремистских акций идеологи экстремизма используют неорганизованную молодежь, которая многочисленна, мобильна и легко поддается влиянию. Поэтому задачей силовых структур является выведение молодежи из-под возможного влияния и воздействия радикалов- экстремистов религиозного, националистического толка.

Помимо лидеров террористического подполья, членов незаконных вооруженных формирований в общем процессе дестабилизации этнополитических процессов необходимо выделить и иных акторов. На первый взгляд, эти акторы не представляют серьезной проблемы. Однако их возможное участие в общественных, в том числе этнополитических, процессах и межэтнических противоречиях весьма опасно. К таким акторам относятся:

1. Радикальные молодежные общественные объединения. В СК действует несколько неофициальных молодежных группировок, в том числе настроенных откровенно в националистическом или шовинистическом духе. Как правило, «молодежными» объединениями они являются только по составу. Руководят ими вполне сформировавшиеся взрослые личности, зачастую представляющие радикально настроенные движения и течения. Основная опасность указанных организаций состоит в значительном потенциале радикализма и экстремизма и в возможном воздействии на молодежь при объединении ее под радикальными лозунгами. Так, например, в 2007 г. в крае отмечалась активизация деятельности лидеров «Движения против нелегальной иммиграции» (ДПНИ) – молодежной группировки, примыкающей к национал-большевикам, а также ряда других деструктивных и потенциально опасных объединений¹⁴.

2. Деструктивные религиозные объединения (тоталитарные секты и псевдорелигиозные объединения). Из действующих в крае 220 религиозных объединений 60 оцениваются как деструктивные тоталитарные секты. Имея высокий уровень воздействия на своих приверженцев, они способны получить практически неограниченное влияние на сознание определенной части верующих.

Особую общественную опасность представляет деятельность в восточных районах края и на КМВ активных сторонников и последователей ваххабизма. В основном это лица, принимавшие участие в боевых действиях на стороне бандформирований, а также прошедшие обучение в зарубежных, так называемых «религиозных учебных центрах». Ваххабиты, благодаря зару-

¹⁴ Текущие документы комитета Ставропольского края по делам национальностей и казачества. 2006, 2007.

бежной финансовой подпитке, активной пропаганде и насилию (моральному, мировоззренческому), частично ослабили влияние официального мусульманского духовенства и старейшин на мусульманскую молодежь.

В крае насчитывается около 30 тыс. активных прихожан разных конфессий. При этом около 140 тыс. жителей края считают себя православными, около 40 тыс. – приверженцами ислама. Большую группу составляют прихожане Армянской апостольской церкви¹⁵.

Также в крае, в частности, действуют радикальные религиозные общины иной конфессиональной приверженности. Так, работает незарегистрированный **«Союз Славянских Общин Славянской Родной Веры»** (язычников), **община кришнаитов, иеговистские общины**, (количество активных членов этой организации, которая официально зарегистрирована, составляет около 30 тыс.). Зафиксирована деятельность **«Саентологической церкви»**, ячейки которой проявили себя в г. Ставрополе, Кисловодске и Невинномысске, где были организованы два **«Центра дианетики»**, которые своими задачами ставили внедрение своего вероучения в сферу крупного бизнеса и политики. Псевдорелигиозной сектой деструктивной направленности является **«Церковь объединения Муна»**. По данным правоохранительных органов, с 90-х гг. XX в. на территории СК также действуют миссионеры религиозных организаций **«Мормоны»**, **«Церковь Иисуса Христа Святых Последних Дней»**, **«Южная баптистская конвенция»**, **«Международная организация религиозной свободы»**.

Данные организации представляют опасность в нескольких направлениях. Во-первых, они выводят граждан из-под влияния государства, закона. Во-вторых, они подрывают сложившуюся на протяжении столетий систему духовно-нравственных ценностей. В-третьих, они провоцируют распад социальных, семейно-родственных, дружеских связей.

В этой связи силовые структуры и органы безопасности стремятся к приданию комплексного и системного характера как профилактической и аналитической, так и оперативной работе.

¹⁵ Отчетные документы комитета Ставропольского края по делам национальностей и казачества. 2006, 2007 гг.

РОССИЙСКАЯ АРМИЯ В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ В КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ (ИСТОРИЧЕ- СКИЙ КОНТЕКСТ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ)

Российская армия всегда была не просто силой, необходимой для защиты государственного суверенитета от внешних агрессоров, но и важнейшим фактором и инструментом проведения имперской политики и разрешения внутривнутригосударственных конфликтов. Северо-Кавказский регион в силу своего геополитического положения, наличия конфликтующих между собой этнических и религиозных групп является для вооруженных сил особенно приоритетным. Рассматривая вопрос о роли армии в региональных конфликтах, необходимо заметить, что участие российской армии в урегулировании вооруженных конфликтов именно в Кавказском регионе, являясь в контексте мирового опыта лишь одним из частных случаев, обладает комплексом специфических особенностей. Чтобы их выявить и дать им объективную научную оценку, необходимо опираться на существенные характеристики понятий армии, войны, природы региональных вооруженных конфликтов, а так же ввести современные проблемы, связанные с участием российской армии в конфликтах в Кавказском регионе, в более широкий исторический и культурологический контекст.

Армия всегда являлась крайним средством в решении политических конфликтов. Сейчас попытки ряда российских и зарубежных правозащитников, а также представителей научного сообщества критиковать армию за применение насилия, убийства, нарушения прав человека показывают, по меньшей мере, недостаточную профессиональную компетентность (например, критика действий российской армии в Чечне с правозащитных позиций, высказанная В.В. Серебрянниковым¹). Мировой исторический опыт показывает, что противоречия, конкуренция и войны как инструмент для разрешения конфликтов, а также агрессия, заложены в самой природе человека. Они входят и в число

¹ *Серебрянников В.В.* Войны России. М., 1998. С. 100-102.

базовых характеристик любого общества – от примитивного до самого современного и высокоорганизованного. Действия вооруженных сил и права человека диаметрально противоположны по самой своей природе. Война, какими бы нормами международного права ее не ограничивали, отрицает самое основополагающее право человека – право на жизнь, уничтожение противника является высшей доблестью и лучшим показателем эффективности вооруженных сил. Отрицается право на личную свободу – плен и интернирование потенциально опасных групп населения, на свободу распространения информации – информационные войны и необходимая в военное время цензура. Однако к оценке этих явлений нельзя подходить с морально-нравственной точки зрения. Их нужно рассматривать как необходимые, пусть и самые крайние, способы защиты государства и общества. Это жестокие инструменты и средства, от которых нельзя отказаться, не поставив под угрозу само существование национального государства. С этой точки зрения, утопическими выглядят и рассуждения в духе непротивленчества и толстовства о возможности посредством развития научного прогресса и через инструмент межгосударственных договоренностей и искоренения причин войн добиться их полного искоренения². Опыт по предотвращению крупных вооруженных конфликтов, на который ссылаются сторонники точки зрения о возможности искоренения войн (Берлинские кризисы 1948 – 1949, 1953, 1961 гг., Карибский кризис 1962 г.), говорит о том, что возможно предотвратить конфликт между крупными державами, которым в случае военного столкновения грозит гарантированное взаимное уничтожение и лишь в тех условиях, когда они в полной мере осознают эту возможность. Этот опыт не распространяется на региональный уровень. Но именно это должно определять ограниченный характер полноценного использования вооруженных сил в региональных конфликтах. Действия вооруженных сил должны быть кратковременными, но максимально интенсивными, чтобы в течение ограниченного времени добиться разгрома крупных вооруженных отрядов противника и перевести операции в полицейскую стадию, не предполагающую массированного применения тяжелого

² *Серебрянников В.В. Указ. соч. С. 312.*

вооружения. Предпочтительность такого сценария доказана социальными и политическими последствиями первой Чеченской войны и рядом вооруженных конфликтов, в которых участвовала армия на постсоветском пространстве и опытом армий других государств. Если региональный конфликт затягивается, то начинает сказываться целый комплекс негативных последствий: экономических – в связи с незапланированными, но большими по объему затратами на ведение боевых действий и гуманитарную помощь пострадавшим, социально-политических – нарушение политической стабильности и недовольство населения потерями и снижением жизненного уровня из-за ухудшения экономической ситуации, внешнеполитических – негативная реакция мирового сообщества на ведение боевых действий. Именно те качества и методы, которые пацифисты считают отталкивающими и преступными в современной армии, на самом деле позволяют ей эффективно решать поставленные перед ней задачи.

Современные тенденции таковы, что, исключив или сделав маловероятной возможность прямого конфликта между державами, состоящими в ядерном клубе, они одновременно усиливают вероятность возникновения интенсивных региональных вооруженных конфликтов.

Уменьшение количества необходимых природных ресурсов, рост населения, социального расслоения, этнического и религиозного экстремизма, делают в будущем региональные конфликты неизбежными как на межгосударственном, так и на внутригосударственном уровнях.

Современный религиозный, этнический и политические конфликты и порождающий их экстремизм многообразен в своих проявлениях. Здесь присутствуют как действия радикальных экстремистских политических, этнических, религиозных групп, так и политика региональных и мировых держав. И далеко не всем из подобных конфликтов противостоит собственно регулярная армия. Борьба с небольшими террористическими группами, которые силовыми методами добиваются достижения политических целей, находится в компетенции органов государственной безопасности и МВД, а не вооруженных сил подведомственных министерству обороны. Однако масштабы деятельности терро-

ристических организаций таковы, что они вышли за формат классических малых групп, пусть и объединенных в сетевые структуры. Сейчас деятельность террористов носит комбинированный характер. Отдельные группы, находящиеся в подполье, опираются на повстанческое движение или имеют зарубежную поддержку в лице террористических сетевых структур или отдельных государств. Такой комбинированный характер требует ответных действий со стороны всего сообщества служб, призванных обеспечивать безопасность страны, ее целостность и неприкосновенность конституционного строя. Правоохранительные органы, например, не имеют достаточно ресурсов, чтобы самостоятельно подавить массовое, организованное вооруженное сопротивление, здесь нужны располагающие тяжелым вооружением и подготовленные к ведению полномасштабных боевых действий армейские части. Это доказано опытом двух войн в Чечне и контртеррористическими операциями США их союзников в Ираке и Афганистане и ряде других стран.

В современной научной литературе принята следующая классификация операций вооруженных сил в региональных конфликтах, включающих в себя как гуманитарные, так и чисто военные, силовые аспекты.

Операции по оказанию гуманитарной помощи в кризисных зонах (гуманитарные операции), которые в свою очередь подразделяются на:

а) помощь при стихийных бедствиях и других чрезвычайных ситуациях (например, техногенных катастрофах);

б) помощь беженцам и перемещенным лицам;

в) обеспечение безопасности гуманитарной деятельности (облегчение доступа сотрудников международных гуманитарных организаций и служб к пострадавшему населению, защита гуманитарного персонала, охрана колонн беженцев и мест их временного размещения, конвоев и складов с гуманитарной помощью, а также морских портов и аэропортов, используемых для ее доставки);

г) техническую поддержку, например, в области «гуманитарного разминирования» (не связанного с непосредственной военной необходимостью).

Операции по поддержанию мира:

а) миротворческие операции, предполагающие согласие конфликтующих сторон на присутствие миротворческих контингентов, их беспристрастность, а также желательное неприменение силы, даже в целях самообороны – например, операции ООН на Кипре (с 1964 г.) и в Камбодже (1991 – 1992 и 1992 – 1993 гг.);

б) операции по силовому умиротворению или насильственно-му принуждению к миру, не связанные этими ограничениями, например, операции НАТО в Боснии (с 1995 г.) и Косово (с 1999 г.).

Антипартизанские действия и оказание поддержки в области национально-государственного строительства: помощь в создании местных (национальных) органов безопасности – обучение, вооружение, техническое и информационное обеспечение; гуманитарная и другая помощь, не носящая экстренного характера, т.е. осуществляемая в некризисных условиях.

Поддержка повстанческих (партизанских) движений в других странах.

Операции по эвакуации граждан из зон конфликтов или стихийных бедствий (например, операция «Восточный выход» по эвакуации граждан США и других стран из Сомали в 1991 г., операция «Быстрый подъем» в 1991 г. в Заире и др.).

Операции по контролю над соблюдением режима санкций (например, операция «Поддержка демократии» вдоль побережья Гаити с 1993 г.) и «запретных зон» (например, операции по контролю над зонами, закрытыми для полетов авиации, в Ираке («Южный часовой», с 1992 г.) и в Боснии («Запрет полетов», с 1993 г.)). Операции по демонстрации силы.

Если одни из вышеперечисленных видов участия армии в региональных конфликтах и операций невоенного типа изначально предполагают применение силовых методов (например, операции по силовому умиротворению), то другие виды (например, гуманитарные или «традиционные» миротворческие операции) могут проводиться и без ее применения. Ситуация осложняется тем, что часто операции этих двух типов проводятся одновременно: например, все более распространенным вариантом стало сочетание гуманитарной операции с операцией по силовому умиротворению (в Боснии, Косово и т.д.). Наконец, операции

невоенного типа могут носить как многосторонний (многонациональный), так и односторонний характер, т.е. осуществляться усилиями одной или нескольких стран. Отметим, что из всех видов операций невоенного типа нас будут интересовать два наиболее распространенных: операции по поддержанию мира и гуманитарные операции³.

Если перейти непосредственно к рассмотрению процесса продвижения России на Кавказ, а затем ее закрепление в этом регионе, то необходимо обратить внимание на то, что пройден ряд этапов, на каждом из которых армия сыграла свою важную, но различную роль, обусловленную изменениями во внешне- и внутривосточной обстановке и поставленными задачами. В контексте темы данной статьи можно обозначить следующие этапы, в рамках которых необходимо анализировать роль российской армии в кавказском регионе. Общие рамки – с начала XVIII в. по настоящее время, так как и сейчас армия остается важным элементом государственной политики в кавказском регионе, аналогов которому нет в других российских регионах. С первой четверти XVIII в. началась систематическая экспансия Российской империи в кавказском регионе, отличавшаяся от предыдущих попыток закрепиться на Кавказе продуманной и целенаправленной политикой, настойчивостью, несмотря на частичные неудачи в достижении поставленных целей, выделение значительных средств. Первоначально армия была инструментом политики Российской империи. Перед ней ставились задачи расширять ее границы и попутно проводить политику по усмирению горцев путем демонстрации им благ торговли и цивилизации и военной мощи. В советский период вооруженные силы были инструментом прежде всего тоталитарного партийного государства с единственной господствующей идеологией в условиях противостояния двух глобальных мировых систем. На современном этапе армия является также инструментом политики, но уже демократического государства. Она решает задачи по сохранению территориальной целостности страны, поддержанию мира между враждующими этническими группами и предстает как необхо-

³ Степанова Е.А. Военно-гражданские отношения в операциях невоенного типа. http://militera.lib.ru/research/stepanova_ea/index.html

димый элемент обеспечения геополитических интересов России. Это особенно важно в условиях, когда существуют как внешняя доминирующая сила в лице США, так и конгломерат различных блоков и союзов стран, преследующих собственные разнообразные интересы. Также армия участвует в глобальной борьбе с международным терроризмом.

В контексте данной статьи автор будет опираться на следующую периодизацию действий российской армии в Кавказском регионе.

Первый этап – с 1784 по 1864 гг. – время наиболее интенсивного ведения боевых действий, когда отработывалась как стратегия и тактика боевого противостояния, так и одновременно с этим вырабатывались методы мирного сосуществования и интеграции горцев в социокультурную среду Российской империи.

Второй этап – с 1864 по 1914 гг., т.е. от окончания большой Кавказской войны до начала Первой мировой войны. В этот период отсутствовали какие-либо значимые вооруженные конфликты, но русская армия продолжала оставаться важным фактором в противодействии попыткам теперь уже Англии начать экспансию в Кавказском регионе.

Третий этап связан с Первой мировой войной 1914 – 1917 гг. Русская Кавказская армия противостояла вооруженным силами Османской империи и попыткам ее агентов поднять антироссийские восстания среди горцев. В это время решались задачи, непосредственно связанные с участием в мировом вооруженном конфликте.

Четвертый этап – с 1917 по 1920 гг. – период Гражданской войны на Кавказе, распад государственности и формирование новой уже советской государственной машины, непосредственное и решающее участие в этом процессе Красной армии. Ее противоборство с белыми войсками, а также с вооруженными силами новых кавказских государств.

Пятый этап – с 1920 по 1941 гг., когда действия армии сводились к содействию партийным структурам и органам государственной безопасности в подавлении сопротивления горцев политике насильственной коллективизации и антирелигиозным репрессиям.

Шестой этап – с 1941 по 1945 гг. – часть территории Кавказа стала ареной боевых действий между Советской и Германской армиями, кроме того в тылу советских войск был поднят ряд восстаний фактически в пользу Вермахта и часто с прямыми попытками установить контакт с германским командованием с предложением военно-политического союза. В частности, восстание Хасана Исраилова⁴. Предложения подобного союза были отвергнуты германским командованием и политическим руководством.

Седьмой этап – с 1945 по 1953 гг., период обострения холодной войны. В это время антисоветские движения были в основном подавлены, но актуализировалось противостояние с США и их союзниками в этом стратегически важном регионе.

Восьмой этап – с 1954 по 1985 гг., мирный период, в рамках которого происходили скрытые процессы накопления межнациональных и религиозных противоречий, для разрешения которых органы государственной власти не предпринимали необходимых шагов, часто не осознавая глубину их сложности. Эти нерешенные проблемы оказали свое влияние на последующую эскалацию насилия, в частности войну между Арменией и Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха. Роль армии в это время сводилась к простому присутствию в регионе и выполнению задач по демонстрации силы странам НАТО.

Девятый этап – с 1985 по 1991 гг. На завершающем этапе перестройки вооруженным силам СССР пришлось участвовать в подавлении межнациональных конфликтов, в которых участвовали граждане СССР, т.е. фактически принять участие в вспышках гражданской войны и выполнять полицейские функции по подавлению повстанческого движения. Применение армии политическим руководством носило ограниченный и бессистемный характер, что свидетельствовало о начале распада советской государственности.

Десятый этап – с 1991 по 1994 гг. После распада Советского Союза начался ряд вооруженных конфликтов как между бывшими республиками и их автономиями, например война Грузии против Южной Осетии и Абхазии, и нарастание сепаратистских

⁴ Авторханов А.Г. Мемуары. Франкфурт-на-Майне, 1983. С. 526-527.

движений в самой Российской Федерации. Перед вооруженными силами стояли задачи по поддержанию мира и противодействию.

Одиннадцатый этап – с 1994 по 1999 гг. В это время отмечался рост межнациональных и межконфессиональных вооруженных конфликтов, в которых Российская армия, несмотря на резкое снижение боеспособности и уровня технического оснащения, вынуждена была принимать участие. Кульминацией стала неудачная первая война в Чечне, а завершением этапа – вторжение боевиков в Дагестан.

Двенадцатый этап – с 1999 по август 2008 гг. Его содержанием стала Вторая война в Чечне, в ходе которой удалось подавить организованные вооруженные силы сепаратистов и восстановить территориальную целостность страны. Активизировалось участие Российской армии в миротворческих операциях.

Тринадцатый этап – с августа 2008 г. по настоящее время. Этот этап начался войной с Грузией, событием, в значительной степени трансформировавшим геополитическую ситуацию в регионе и поставившим перед российской армией принципиально новые задачи по защите вновь образованных государств и поддержанию мира и безопасности.

Данная классификация связана с целым комплексом факторов. Факторы, обуславливавшие характеристики самой армии как инструмента государственной политики в кавказском регионе. Геополитический фактор, который связан с деятельностью в регионе иностранных держав и в соответствии с этим выстраиванием различных систем задач и стратегических комбинаций. В статье автор посчитал возможным рассмотреть роль армии как государственного института и инструмента общегосударственной внутренней и внешней политики на протяжении столь большого исторического периода, и независимо от того была ли это Российская империя, Советский Союз или Российская Федерация по следующей причине. Ряд важных факторов, касающихся роли армии в сохранении государственной целостности и подавлении сепаратистских выступлений, защиты геополитических интересов и особенностей, накладывавшихся спецификой политических режимов и идеологических доктрин, носит перемен-

ный характер, и они будут проанализированы в статье. Однако базовые характеристики остаются неизменными. Возможность создания исторической ретроспективы и использования накопленного опыта в современных условиях определяется тем, что на протяжении всего периода в Кавказском регионе так или иначе сохранялась имперская политика и армия рассматривалась как ее инструмент. Также необходимо учитывать, что в Кавказском регионе преобладает традиционная культура, обусловленная религиозными и национальными традициями его народов, что способствует воспроизводству исторически сложившихся моделей поведения в современных условиях.

Армия, безусловно, должна рассматриваться как один из инструментов большой государственной политики, но инструмент очень специфический, обладающий только присущими ему характеристиками. Армейское руководство не самостоятельно в принятии политических решений, а зачастую вообще не принимает участия в их разработке, являясь лишь исполнителем. Прежде всего, армия начинает действовать, когда мирные средства достижения политической цели исчерпаны или оказались неэффективными. Армия – элемент силы, действующий в экстремальных условиях вооруженного конфликта, осуществляющий силовое либо психологическое давление на оппонентов самим фактом своего присутствия и потенциальной возможностью применить оружие для достижения поставленных политическим руководством страны целей.

В Кавказском регионе и Закавказье методы имперской политики России проявились в полной мере и прошли путь сложной эволюции, характерной в похожих условиях и для других современных ей великих держав, в частности Великобритании, Франции, Испании. Ключевая роль армии как инструмента укрепления российской государственности четко прослеживается в кавказском регионе с конца 80 – 90-х гг. XVIII в. В это время российское правительство принимает ряд энергичных мер по закреплению за Россией Северного Кавказа и по обеспечению условий для последующего успешного противостояния с Турцией и Ираном и продвижения России в Закавказье.

Основанная А.В. Суворовым Кавказская линия, с ее левым

флангом по Тереку до Моздока, центром до Владикавказа и правым флангом по Кубани до Черного моря, представляла непосредственную военную угрозу горцам. Горские народы понимали, какое значение имеет для них основание этих линий, и для их ликвидации весной 1779 г. они начали войну с Россией⁵.

В 1783 г. Россия присоединила Крым и обеспечила тем самым безопасность своих южных губерний и необходимую базу для продвижения на Кавказ. Также был заключен Георгиевский трактат, установивший протекторат России над Восточно-Грузинским царством, что потребовало обеспечить его безопасность как от агрессии со стороны мусульманских региональных держав Османской империи и Ирана, так и от набегов Северо-Кавказских горцев. Протекторат предполагал оживление связей между Россией и Грузией через Дарьяльское ущелье, где началось строительство военно-грузинской дороги. В 1785 г. было основано Кавказское наместничество, и в это же время командующим войсками империи на Северном Кавказе генерал-аншефом И.В. Гудовичем был предложен план создания оборонительной линии по Кубани до впадения в нее реки Лабы. Заселение линии проводилось казаками. После решения проблемы Крыма приоритетом политики Российской империи на южном направлении стал Кавказ. Стремление России укрепить свои позиции в этом регионе натолкнулось, с одной стороны, на сопротивление местных горских народов, привыкших к набегам на слабую Грузию, которые составляли важную статью в их доходах, чего Россия допустить не могла, а с другой – на действия Османской империи, не имевшей возможности после недавних поражений к открытой войне с Россией и подстрекавшей горцев к нападению на русские войска и укрепления, призывая через своих агентов горцев к священной войне против проникших на Северный Кавказ неверных. Первым серьезным испытанием для русской армии стало начавшееся в 1785 г. восстание Шейха Мансура. Особую опасность придавала восстанию начавшаяся в 1787 г. война с Турцией, которая активно пыталась использовать горцев для ослабления русской армии. Уже это первое крупное столкновение русской

⁵ См. выдержку из книги Каспари А.А. «Покоренный Кавказ». 1904 г. цит. по: А.В. Суворов на Кавказе // Ахульго. 2008. № 6. Дек. // http://www.gazavat.ru/journal3.php?mag_id=16&article_id=113

армии с кавказскими горцами выявило важный фактор, который действовал во время всех вооруженных конфликтов в кавказском регионе. Кавказские горцы не были едины в своем противостоянии России. Мансура поддержали не только чеченцы, но и часть кабардинских и кумыкских феодальных семей, но в то же время на сторону России стали адыгские, абазинские и бесленеевские феодалы, участвовавшие в боевых действиях против Мансура. В 1791 г. восстание было окончательно подавлено. По Ясскому миру, большая часть горцев оказалась на землях, отошедших к России. Екатерина II пыталась проводить умеренную политику, гуманизмом и культурным превосходством привлекать к России местную аристократию. Однако представители военных кругов, в руках которых находилась реальная власть на Кавказе, предпочитали в этот период, после подавления восстания Мансура, ожесточившего войска, действовать исключительно силовыми методами, истребляя непокорные горские народы, отказавшись от приятного ранее деления на мирных и немирных горцев и от градации методов, применяемых по отношению к ним.

В действиях командования русской армии четко прослеживается определенная динамика. В ответ на набеги горцев, которые не признавались субъектом международного права, и, следовательно, по отношению которых допускались любые признаваемые целесообразными силовые действия, русская армия начинала продвигаться вперед, что в свою очередь вызывало еще более ожесточенное сопротивление и, как его следствие, еще более жесткую реакцию со стороны армии. Горцы, испытывая тяжесть ударов русской регулярной армии, не отказывались от набеговой системы как важного социально-хозяйственного института, обеспечивавшего средства к существованию⁶. Войны с Османской империей и Ираном происходили главным образом из-за их нападений на Грузию. Эти державы не воспринимали серьезно российский протекторат. Так, например, происходило в 1795 г. Более активной стала российская политика на Кавказе при Александре I, когда соответственно усилилось противостояние со стороны иностранных держав, и возросла роль российской армии. Значительно обострились отношения после присоединения к России в

⁶ Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994. С. 357.

сентябре 1801 г. Восточной Грузии (Карталийско-Кахетинского царства). Также поводом к войне стало присоединение в 1804 г. к России Гянджинского ханства. В ходе войны, окончившейся лишь в 1813 г., почти все феодалы Дагестана заявили о своем присоединении к России, были подавлены антироссийские восстания в Кабарде и Осетии, нанесено поражение тем дагестанским владетелям, которые отказались покориться России. Российское правительство постепенно перешло от тактики обороны и сдерживания кавказских горцев к политике полного присоединения Кавказа к империи. К 1813 г. в составе Российской империи была уже большая часть Закавказья. В 1803 г. присоединена Мингрелия, в 1804 г. – Имеретия, в 1810 г. – Абхазия. После завершения наполеоновских войн внимание правительства Российской империи снова было привлечено к Кавказу. Данные события предопределили впоследствии начало большой Кавказской войны и противостояние с Великобританией, также стремившейся к присутствию на Кавказе. В истории Кавказской войны было особенно заметно личное влияние, оказываемое командующими армией на ход событий. В принципе можно по сменявшимся друг друга командующим проследить смену военно-стратегических и политических подходов к решению общей задачи покорения Кавказа. Наиболее видными командующими отдельным кавказским корпусом, а затем Кавказской армией, были А.П. Ермолов, И.Ф. Паскевич, М.С. Воронцов, А.И. Барятинский, Вел. кн. Михаил Николаевич.

Именно военные власти, в частности М.С. Воронцов и его окружение, осознали, что одновременно с военным решением задачи подавления сопротивления горцев должна существовать и система экономических и социальных мер, которые бы способствовали приобщению горцев к мирному образу жизни. Такая политика не приносила быстрых результатов, а была рассчитана на отдаленную перспективу и объективно затрудняла решение конкретных военных задач, что вызывало сопротивление большого количества представителей высшего офицерского корпуса⁷.

Для этого этапа характерна очень большая роль собственно армейского командования в разработке и реализации полити-

⁷ Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. С. 513.

ки российской империи на Кавказе. Здесь можно определить следующие причины такого положения. Постоянно проводившиеся боевые действия уже сами по себе определяли ведущую роль армии. Кроме того, была неразвита система гражданского управления, отсутствовали необходимые кадры чиновников, знавших местную специфику. В этот период военные не только непосредственно проводили имперскую политику на Кавказе, но и формировали мнение императора. Армия была государственным институтом, обеспечивающим не только покорение горских народов, нейтрализацию внешних угроз, но и структурой, обеспечивавшей социализацию высших слоев горских обществ, посредством которой они воспринимали русскую культуру и приобщались к российской государственности. Этому в значительной степени способствовала служба представителей горской аристократии в русской армии или милиционных частях⁸. В отличие от современных ей Британской или Французской армий, в российской армии не формировались регулярные воинские части из числа туземного населения, аналогичные, например, сипаям в Британской армии или колониальным войскам Французской армии. В России туземные части оставались иррегулярными и, по сути, милиционными формированиями, игравшими вспомогательную роль. В то же время в отличие от указанных европейских армий в России была достаточно распространена практика службы в регулярных войсках представителей подчиненных империей народов, достаточно частыми были случаи, когда им удавалось сделать заметные военные и чиновничьи карьеры. В европейских странах получение, скажем, индусом или арабом офицерского звания и его продвижение по службе, когда он мог получить в подчинение представителей имперской нации, было немыслимо.

После установления советской власти задачи армии в значи-

⁸ Служба горцев в русской армии, как в регулярных войсках, так и в милиционных, изучена достаточно слабо. Хотя в мемуарной и научной литературе есть достаточно много упоминаний о самой этой практике. Например, значительную ценность представляют в этом отношении мемуары участника большой Кавказской войны Торнау Ф.Ф. «Воспоминания кавказского офицера». М., 2000, и относящиеся к более позднему периоду воспоминания полковника Магомеда Джафарова. Полковник Магомед Джафаров: Сборник материалов. Махачкала, 2005.

тельной степени трансформировались. Армия являлась инструментом не государственной, имперской, а партийной политики большевиков. Армия участвовала в качестве силового элемента в проведении антирелигиозной политики, насильственной коллективизации, подавляя народные восстания.

В советский период, во время наиболее активного противостояния с западом, во время Второй мировой войны и особенно после начала холодной войны перед армией был поставлен комплекс как чисто военных, так и полицейских задач, последние выполнялись во взаимодействии с войсками органов госбезопасности. Репрессивную политику И.В. Сталина в отношении кавказских народов нельзя рассматривать изолированно, как чисто внутриполитическую проблему. По мнению видного исследователя А.Г. Авторханова, причинами репрессивной политики И.В. Сталина в отношении Северо-Кавказских народов, обусловившей масштабы и методы применения армии, были: 1) перманентная борьба за национальную независимость и фактическое непризнание горцами советского колониального режима; 2) желание И.В. Сталина обезопасить Кавказ как тыл в будущих столкновениях с Западом от неизбежного внутреннего общекавказского национального фронта против советской метрополии; 3) ясно обозначенный курс советского правительства окончательно взять в имперские руки ведущую и основную для Советского Союза (до начала масштабной добычи нефти в Сибири. – *М.В.*) кавказскую нефтяную экономику; 4) стремление не только держать Кавказ как стратегическую базу вне внутренней опасности и уязвимости, но превратить его в надежный плацдарм для будущей экспансии против Турции, Ирана, Пакистана и Индии⁹.

Однако особенно важной стала роль армии в тех процессах, которые начались в кавказском регионе по мере ослабления СССР, роста сепаратистских настроений, приведших к серьезным межнациональным и межконфессиональным конфликтам, а после распада Советского Союза поставивших на грань существования и саму Россию.

Большинство определений региональных конфликтов, в кото-

⁹ Авторханов А.Г. (Александр Уралов). Народоубийство в СССР. Убийство Чеченского народа. Свободный Кавказ. Мюнхен, 1952. С. 69.

рых использовались «вооруженные силы», употребившихся в годы холодной войны, отличал ряд общих моментов: это характеристика региональных конфликтов преимущественно в качестве частных проявлений биполярного противостояния сверхдержав в «третьем мире» (при косвенном признании самостоятельного значения непосредственно породивших их локальных противоречий, конфликтов по территориальным, религиозным, этническим вопросам).

Для современной российской государственности и ее армии самым тяжелым испытанием стали войны в Чечне и Дагестане, когда речь шла о возможном территориальном распаде страны. 11 декабря 1994 г. на основании Указа Президента РФ Бориса Ельцина «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики» подразделения Минобороны и МВД России вошли на территорию Чечни. Федеральные войска и подразделения других силовых структур собирались из нескольких военных округов Северо-Кавказского ВО, из Пскова, с Волги, из Уральского ВО, из Хабаровска, Казани и ряда других мест. Со всех флотов были направлены подразделения морской пехоты. Экспедиционная группа была составлена из малых подразделений. В подготовке Федеральных войск существовал целый комплекс серьезных проблем, снижавших их боеспособность. Не было отработано взаимодействие между подразделениями, набранными из разных военных округов, не налажено взаимодействие между различными силовыми ведомствами, подразделения которых привлекались к участию в операции.

Положение, в котором оказалась российская армия в середине 1990-х гг., было по целому комплексу причин гораздо хуже, чем в Крымскую войну 1853 – 1856 гг. Если в XIX в., когда Российской империи противостояли первоклассные европейские армии и достаточно дееспособная армия Османской империи, проблемы заключались в технической и тактической отсталости русской армии, причем отчасти преувеличенной, если детально сравнить вооружение противоборствующих сторон и характер ведения боевых действий. В то время оставался незыблемым патриотический мировоззренческий фундамент армии, также несомненной

была поддержка российского общества, за исключением небольшой группы политических эмигрантов. В современных условиях армия Российской Федерации вынуждена была воевать с противником, состоящим из граждан России, т.е. налицо был один из важнейших признаков гражданской войны. Армия была деморализована распадом Советского Союза, когда были утрачены одни мировоззренческие и морально-психологические ориентиры, но на смену им не было предоставлено других, дедовщиной, падением социального статуса офицера и военнослужащего, снижением жизненного уровня. Армия очень слабо финансировалась, практически не поступали новые образцы вооружения, была остановлена боевая подготовка. В целом, интеллигенция и СМИ, а под их влиянием и большинство остального населения были настроены по отношению к армии резко отрицательно.

31 декабря 1994 г. по февраль 1995 г. шел первый штурм Грозного. В марте 1995 г. после завершения этих кровопролитных и первоначально неудачных для федеральных войск боев началось продвижение федеральных войск вглубь Чечни. Кризис, в котором после распада Советского Союза оказалась армия, отразился во всех аспектах ее деятельности. Бои в Грозном показали, что фактически опыт ведения боевых действий в прошедших войнах оказался неучтенным. Причем как опыт Великой Отечественной войны, так и опыт последующих вооруженных конфликтов, и особенно опыт войны во Вьетнаме и Афганистане. Например, только Советская армия в годы Великой Отечественной войны вела масштабные боевые операции по штурму укрепленных городов, и опыт показывал, что всегда в подобных операциях будут очень высокие потери в боевой технике. Новогодние бои в Грозном показали, что этот опыт учтен не был, и колонны российской бронетехники были сожжены боевиками. Большие недостатки были и в том, что касалось ведения боев в требовавшей специальной подготовки горной и лесистой местности. Здесь сказалось недостаточное внимание к войнам во Вьетнаме и Афганистане, хотя в действующих федеральных войсках было достаточно большое число офицеров-участников Афганской войны, их личный боевой опыт из-за фактического отсутствия в войсках боевой подготовки во время, предшествовавшее войне в Чечне, не

передавался новым поколениям солдат. Особо тяжелыми стали бои за селение Бамут. В результате тяжелых и кровопролитных боев федеральные войска, практически взяв под свой контроль основную часть территории Чечни, не смогли полностью решить задачу по подавлению вооруженных структур сепаратистов, перешедших к партизанской войне. Боевики сохранили потенциал для проведения крупномасштабных боевых операций, например, для фактического захвата Грозного в августе 1996 г. Последовавший за этими событиями Хасавюртский мирный договор стал фактическим признанием военного поражения России и уступкой сепаратистам. Несмотря на отложенный вопрос о статусе Чечни, она стала фактически независимым государством, на территории которого начали активно развиваться сетевые структуры международного терроризма и готовиться продвижение на весь Северный Кавказ. Логическим продолжением неудачной для Российской Федерации первой Чеченской войны стало осуществленное в августе-сентябре 1999 г. нападение боевиков Ш. Басаева и Хаттаба на Дагестан.

Операция боевиков в Дагестане планировалась в два этапа: атака Ботлихского района, операция «Имам Гази-Мухаммад» с 7 по 23 августа, а затем вторжение в Новолакский район, операция «Имам Гамзат-бек» с 5 по 11 сентября 1999 г. Целью первой операции была организация антироссийских выступлений во всем Дагестане, для чего «Исламская шура Дагестана» распространила «Декларацию о восстановлении Исламского Государства Дагестан» и «Постановление в связи с оккупацией Государства Дагестан» и распространяла призывы к началу Газавата. Вторая операция была более локальной и направленной на отвлечение федеральных войск от ваххабитских сел Чабанмахи и Карамахи в Кадарской зоне. Логическим продолжением операции в Дагестане стала вторая война в Чечне. В этой кампании, по мнению участвовавших в боевых действиях и консультировавших автора статьи военных специалистов, удалось избежать многих ошибок, характерных для компании 1994 – 1996 гг. В частности, было улучшено взаимодействие между различными силовыми структурами, участвовавшими в боевых операциях. В основном удавалось избегать характерной для 1994 – 1996 гг. практики, когда

одно подразделение федеральных сил могло получить сразу несколько взаимоисключающих друг друга приказаний от не согласовавших свои действия командных инстанций.

Сейчас положение на Северном Кавказе в значительной степени изменилось. На данном этапе крупным вооруженным формированиям сепаратистов нанесено военное поражение, и они уничтожены, перейдя от полномасштабного вооруженного противостояния к партизанской войне, а сейчас к террористическим акциям.

С окончанием противостояния СССР и США термин «региональный конфликт» и роль в нем армии стали пересматриваться. Современные региональные конфликты конца XX – начала XXI вв. обусловлены сложным и зачастую противоречивым комплексом различных социально-экономических, этнических, религиозных, межличностных и т.д. факторов. Ситуация вокруг региональных конфликтов усложнялась и увеличением степени международного вмешательства в их ход, которое часто имеет противоречивый характер и неоднозначные и часто негативные последствия. Как показывает мировой опыт, участие вооруженных сил в разрешении региональных конфликтов в очень большой степени затрудняет деятельность международных сетевых террористических организаций, которые вводят региональные конфликты в контекст нового глобального противостояния. Основная проблема состоит в том, что армия в силу своих специфических характеристик не предназначена для точечного воздействия. Это меч, а не скальпель хирурга. В то время как специфика современного терроризма, в отличие от войн и противодействия массовым повстанческим движениям, заключается в том, что террористов практически невозможно отличить от гражданского населения, в войнах же, даже революционных и гражданских, есть различие между мирным гражданским населением и комбатантами. Это делает бессмысленными правовые основы ведения боевых действий, а, следовательно, использование армии. Сами по себе террористы – «гражданские лица» и их цель – «гражданские лица», и они прячутся среди гражданского населения, и гражданское население финансирует их и оказывает им поддержку¹⁰.

¹⁰ Дершовиц А. Почему терроризм действует. М., 2005. С. 209.

Есть различные подходы к участию армии в действиях, не являющихся полномасштабной войной между государствами. К подобным операциям невоенного типа иногда также относят операции по борьбе с распространением оружия массового уничтожения, терроризмом, принуждению к миру, по контролю над вооружениями¹¹. И поэтому важным исследовательским инструментом является сравнение действий армий великих держав в региональных конфликтах.

При всем различии ситуаций, когда в противодействие террористическим группировкам применялась армия, есть все-таки важные общие черты, которые могут послужить основой для системного анализа таких частных случаев, как действие армии США в Афганистане и Ираке и российской армии в Чечне.

США действуют на территории иностранных государств, куда была введена американская армия, российская же армия выполняла боевые задачи по защите территориальной целостности страны – это фундаментальное различие. Не упуская из виду существующие различия, можно выявить и общие черты в указанных частных военных кампаниях. Во всех случаях армиям противостоят опирающиеся на международные сетевые структуры и масштабное повстанческое движение террористические группы. Во всех указанных случаях существует проблема организации координации действий между различными силовыми структурами по предметам их компетенции и привлечения представителей местного населения к противодействию террористическим группам.

В современный период российской армии в Северо-Кавказском регионе и на прилегающих территориях приходилось решать целый комплекс связанных между собой военных, миротворческих и гуманитарных задач: проводить миротворческие операции, обеспечивать борьбу с сепаратистами и защищать территориальную целостность страны, оказывать поддержку другим силовым структурам в проведении контртеррористических мероприятий, вести полномасштабные боевые действия против армии, подготовленной по стандартам НАТО. В

¹¹ *Bonn K.E., Baker A.E.* Guide to Military Operations Other Than War. Tactics, Techniques and Procedures for Stability and Support Operations, Domestic and International. Mechanicsburg (Penn.), 2000. P. 12–17.

отличие от императорского и советского периодов, сейчас характерна большая мобильность высшего руководства и кратковременность занятия высших командных должностей в регионе. Так, с 1999 г. на посту командующего объединенной группировкой войск по проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации сменились 12 командующих: Казанцев В.Г. (сентябрь 1999 – февраль 2000 гг.), Трошев Г.Н. (и.о. февраль – март 2000 г., ком. апрель – июнь 2000 г.), Баранов А.И. (и.о. март 2000 г.), Баранов В.П. (и.о. июль – сентябрь 2000 г., ком. сентябрь 2000 – октябрь 2001 гг., сентябрь 2003 – май 2004 гг.), Молтенской В.И. (и.о. май – август 2001 г., ком. октябрь 2001 – сентябрь 2002 гг.), Макаров С.А. (и.о. июль – август 2002 г., ком. октябрь 2002 – сентябрь 2003 гг.), Паньков М.А. (и.о. май 2004 г.), Дадонов В.А. (и.о. июнь 2004 – июль 2005 гг.), Лазебин Е.П. (июль 2005 – июнь 2006 гг.), Баряев В.В. (июнь – декабрь 2006 гг.), Недобитко Я.В. (декабрь 2006 – январь 2008 гг.), Сивак Н.И. (с января 2008 г.).

Для сравнения: в ходе первой Чеченской войны командующих Объединенной группировкой федеральных сил в Чеченской Республике в период с декабря 1994 по август 1996 гг. сменилось семь человек: Митюхин А.Н. (декабрь 1994 г.), Квашнин А.В. (декабрь 1994 – февраль 1995 гг.), Куликов А.С. (февраль – июль 1995 г.), Романов А.А. (июль – октябрь 1995 г.), Шкирко А.А. (октябрь – декабрь 1995 г.), Тихомиров В.В. (январь – октябрь 1996 г.), Пуликовский К.Б. (и.о. июль – август 1996 г.). Двое из этого списка, Куликов А.С. и Шкирко А.А., – генералы МВД и внутренних войск.

Рассмотренный материал позволяет сделать ряд выводов, касающихся как роли российской армии в Северо-Кавказском регионе и во всем южном ареале в целом, так и относительно форм современного регионального конфликта, в котором участвуют силы регулярных армий и местных ополченцев.

Пятидневная война с Грузией с 8 по 12 августа 2008 г. стала событием, в значительной степени изменившим параметры участия Российской Федерации в региональных военно-политических процессах и конфликтах. Ход боевых действий

показал, что, по крайней мере, опыт боевых действий двух войн в Чечне оказался востребованным и сыграл свою положительную роль в достижении конечного результата, разгрома грузинской армии и защиты населения Южной Осетии и Абхазии от геноцида. Опыт этой войны показал, что у российской армии есть навыки не только самостоятельного ведения боевых действий, но и использования для решения оперативных и тактических задач сил местного ополчения.

Война с Грузией трансформировала геополитическую ситуацию в регионе и поставила на первый план ряд задач, ранее не входивших для российской армии в число приоритетных. Боевые действия и последующее признание независимости Южной Осетии и Абхазии показали, что российская армия и основывающаяся на ее успехах дипломатия способны решать комплексные задачи по обеспечению безопасности в регионе. Но также стали заметны и недостатки в подготовке и управлении российской армией и пути их устранения. Сейчас актуализировались задачи защиты от возможной повторной агрессии со стороны Грузии Южной Осетии и Абхазии, так же как и силовая поддержка контртеррористических операций. По мнению военных экспертов, российская армия, вступив в боевое соприкосновение с подготовленной по стандартам НАТО грузинской армией, доказала свое превосходство в тактике, боевой выучке и боевом духе. Авиация и артиллерия, бронетанковые части, пехота действовали, скоординированно, избегая ненужных жертв среди мирного населения. Медицинские подразделения, подразделения снабжения и боевого обеспечения действовали слаженно, обеспечив эффективную тыловую поддержку операций¹². Важным психологическим последствием войны с Грузией является то, что у потенциальных противников Российской Федерации нет сомнений, что она готова использовать вооруженную силу для защиты своих интересов и союзников, и у союзников России нет сомнений в ее решимости их защитить, хотя современное международное право теоретически запрещает прибегать к вооруженной силе для разрешения конфликтов без соответствующей санкции Совета

¹² *Джадан И.* Пятидневная война. Россия принуждает к миру. М., 2008. С. 135.

безопасности ООН¹³. Другим итогом войны с Грузией стало осознание необходимости ускорить перевооружение частей постоянной готовности современными видами вооружения, а также необходимость приведения в соответствие с современными требованиями систем связи и управления. В настоящий момент ведущими мировыми военными экспертами обсуждается вопрос о том, как участие в региональных конфликтах сказывается на готовности армии к ведению полномасштабных боевых действий, т.е. на выполнение ей своих непосредственных задач. В целом господствует мнение, что подобные конфликты и особенно выполнение армейскими подразделениями несвойственных им миротворческих и гуманитарных функций снижают боеспособность. В частности, по мнению американских военных экспертов, чтобы из бывшего «миротворца» вновь сделать полноценного «солдата», ему нужно пройти специальную переподготовку от двух месяцев до полугода. В военной доктрине США предполагается в самые короткие сроки после выполнения невоенных задач передислоцировать те или иные формирования для переподготовки для того, чтобы восстановить их способность к ведению полномасштабных войн¹⁴.

Из представленного теоретического осмысления проблемы участия российской армии в региональных конфликтах на Кавказе и данной исторической ретроспективы можно сделать следующий вывод. Российская армия, будучи инструментом государственной политики, будет выступать сразу в нескольких качествах. Российская армия по-прежнему остается важнейшим элементом, обеспечивающим силовую составляющую проведения контртеррористической операции на Северном Кавказе. Также появление в результате успешной войны с Грузией новых государств Южной Осетии и Абхазии актуализирует задачу по их защите, учитывая наличие в грузинском

¹³ Подробней о правовых аспектах региональных конфликтов см.: Ямсков А. Межнациональные конфликты в Закавказье. Предпосылки возникновения и тенденции развития // Политические исследования. 1991. № 2.

¹⁴ Peace Operations. FM 100–23. U.S. Dep. of the Army. Wash., 1994; Joint Doctrine for Military Operations Other Than War. Joint Pub. 3–07. Joint Chiefs of Staff. Wash.: 1995. P. 4 - 12.

руководстве реваншистских настроений и двусмысленной политики НАТО. Присутствие российской армии в южном регионе остается и важным геополитическим фактором, обеспечивающим защиту стратегических интересов Российской Федерации.

АРМИЯ В КОНТЕКСТЕ ИДЕОЛОГИИ НАЦИОНАЛИЗМА

Существующие теории глобализации исходят из объективности отмирания национальных государств. Но, на мой взгляд, национальному государству еще далеко от заката. И как раз отсутствие эффективной национальной государственности является причиной многих проблем, связанных с внутривнутриполитическим и международным положением локальных сообществ.

Национальное государство можно, как писал Ю. Хабермас, отнести к завоеваниям эпохи модерна. В равной степени это суждение относится и к армии. Армия неслучайно считается условием и атрибутом национальной государственности. И конечно, такая диспозиция, связанная с реализацией принципа национального самоопределения, не может оставлять безучастным национализм как идеологию национальной интеграции и формирования консолидированного национального сообщества. Для национализма армия выступает «идеальным» социальным институтом с принципами общности и подчиненности. Иерархичность замкнутой армейской системы соответствует представлению о корпоративности общества, в котором есть лидерские, творческие классы и субдоминантные группы, связанные, тем не менее, единой национальной судьбой.

Притязания национализма на монополизацию армейской проблематики имеют долгую политическую традицию. Как отмечает Э. Гелнер в статье «Пришествие национализма»: «Люди не слишком склонны доверять националистам, поскольку убеждаются в ежедневном общении на работе, в свободное время, что их «этническая принадлежность» существенно влияет на отношение к окружающим, которые либо испытывают к ним уважение и симпатию, либо ненависть и презрение. Источником национализма является не идеология, а конкретный повседневный опыт»¹. Из замечания Гелнера следует, что идеология отступает перед националистическим чувством как логикой обыденной жизни.

¹ Нации и национализм. М., 2002. С. 176.

Однако, на наш взгляд, такая формулировка достаточно спорна. Во-первых, само националистическое чувство, формируемое на уровне обыденной, частной жизни, все-таки является следствием экспансии идеологии национализма. Национализм постоянно воспроизводит культурные и гражданские различия и ориентирован на дискриминацию, обособление групп, не попадающих под предъявляемые им требования к личности или отдельным группам. Во-вторых, обыденная жизнь человека протекает в воспроизводстве определенных социальных практик, к каковым относится и армейская служба, и неслучайно, что армия в национальном государстве считается институтом социализации, формирования национальной идентичности. Другое дело, что в армейской жизни могут поддерживаться локальные, клановые различия, но это связано, скорее, с практикой внутриармейской сегрегации, а не с доминированием чувств над идеологией.

В современном обществе идеология национализма утрачивает привкус этнонационализма, претендуя на политический статус. И действительно, в условиях сокращения экономического неравенства происходит снижение накала националистических чувств, которые связаны с этнонациональным критерием как возможностью экономических и социальных преференций. Но вместе с тем, более значимыми становятся именно культурные различия, и символы армейской жизни используются как аргументация для закрепления культурных различий. Ведь армия воспитывает не только навыки организованности, дисциплины и подчинения, но и формирует отношение к «чужим» и на уровне потенциального противника, и тех, кто относится к армейской жизни как к неосновной или несущественной обязанности. В такой ситуации «альянс» национализма и армии приводит к выдвиганию на первый план не просветителей и интеллектуалов, а политиков и военных. В качестве примера можно привести Францию, где политический национализм в эпоху Шарля де Голля совмещался с высоким статусом военно-политической элиты.

Идеология национализма видит в армии свидетельство историчности нации, ее жизнеспособности к реализации своей исторической миссии. Для национализма насилие, если перефразировать изречение немецкого философа Х. Хофмайстера, «являет-

ся актуализацией возможностей нации и обладает конструктивным характером»². Конечные цели нации состоят в преодолении противодействия тех сил, которые выступают помехой на пути реализации национальных целей и могут представлять угрозу существования нации. Бесспорно, в таком состоянии армия выступает не просто инструментом предотвращения агрессии, но и средством реализации национальной политики как таковой.

Для национализма проявление силы есть не просто реализация мощи нации, но и ее свободы, возможности действовать беспрепятственно в силу данного или приписываемого ей исторического выбора. Тем самым, армия возвышается над другими институтами общества, поскольку устанавливает не только различия между «своими» и «чужими», между другом и врагом, но и распоряжается насилием как правом, данным ей нацией. Династические войны, характерные в эпоху предмодернити, являлись схваткой личностей, схваткой правителей, но не наций, и солдат по долгу службы был призван убивать, относя это только к «делу сражающихся». Национализм же радикализирует понятие борьбы, предполагая, что необходимо проводить четкое разграничение не только между воинами и невоинами, но и между дружественными и недружественными нациями, между «чужими» и «своими». То есть речь идет о том, что армия несет в себе импульс самопожертвования и, в какой-то степени, аморальности, поступлением принципом «не убий» ради высокой цели защиты нации, ради того, чтобы нация оставалась свободной.

Армия приобретает символический смысл, обозначая не просто отношения между государствами, но и в идеологическом конструкте национализма определяет субъектность нации. Это означает, что армейский статус имеет решающее значение для определения связи и государства со своими гражданами и в отношениях между различными социальными и этническими группами.

Армия как символ неоднозначна в представлении идеологии национализма. Во-первых, отношение к армии служит критерием легитимации того или иного политического или социального движения потому, что «чужие» как раз и отличаются настрожен-

² *Хофмайстер Х.* Воля к войне или бессилие политики. СПб., 2006. С. 39.

ным или предубежденным отношением к армии как национально-государственному институту. Так как по своей сути национализм есть классифицирующий дискурс, через армию осуществляются призывы ко всей нации и устанавливаются ассоциативные связи между людьми, которых могут и не связывать определенные формы культуры или традиции.

Э. Хобсбаум определяет «Два принципиальных смысла нации в новое время, как отношения, в рамках которых нацию составляет коллективный суверенитет, основанный на общеполитическом участии и отношения, известные как этничность, в рамках которых в нацию включаются все те, кого предположительно связывают общий язык, история или культурная идентичность в более широком понимании»³. Национализм, по мнению Хобсбаума, сосредотачивается на втором смысле, но в отношении к армии национализм, как это ни парадоксально звучит, делает упор на первом смысле, и это порождает немалые противоречия в оценке национализма в восприятии армии, его возможностей для формирования национальной идентичности и, в свою очередь, оценки национализма военнослужащими.

Ведь армейская жизнь, которая является унифицирующей, не совпадает с национализмом в одном существенном пункте: превознесении символических духовных качеств над военно-профессиональными. Следование критериям этнонационализма неизбежно порождало бы риск военно-профессиональной стагнации и иммобильности и существенно сужало базу для обновления кадрового потенциала армии, если следовать строго этнонациональному критерию. Армия в этом отношении больше склоняется к принятию критерия общего политического участия, т.е. вне зависимости от этничности, гражданской и профессиональной позиции военнослужащего.

В этом смысле национализм, чтобы проникнуть в дискурс армейской жизни, формирует такой идеал отношений между военнослужащими и государством, который мы могли бы назвать «органицистским». Полагается, что из сущности государства как души нации вытекает сакральность армейской жизни, и состояние армии определяется не столько профессионализмом, сколько

³ Нации и национализм. С. 298.

духом коллективной идентичности и готовности к самопожертвованию. Таким образом, национализм пытается «застолбить» свое легитимирующее воздействие на армию и хотя бы утвердиться в позиции военнослужащих как реально действующая социальная и идеологическая сила.

Принадлежность к армейской жизни национализм рассматривает наподобие этнической принадлежности, как аспект формирования личности, фактически делая армию осью социальной классификации, и в этом смысле «принуждая» армию к участию в процессе гомогенизации. Национализм идеальным считает мононациональное государство, но в армейской жизни большую роль играет не этничность, которая ассоциируется с локальностью и национальностью, а корпоративизм, поэтому мы можем рассматривать армию как пространство унификации, но не посредством исключения «чужих», а как раз их интеграции через армейскую среду в национальное сообщество. В этом случае упор на однородность ведет к принятию политической, государственной, а не национальной идентичности и, таким образом, национализм «проигрывает» армии по интенсивности гомогенизирующих усилий.

Есть определенные сомнения по поводу того, что идеология национализма способствует модернизации армии. Как правило, в качестве аргумента приводят роль армии в превращении традиционных обществ в современные (Турция, Пакистан, некоторые африканские страны). Однако, скорее имеет место, что армия использует националистическую аргументацию как наиболее адекватную для реализации целей поддержания национального государства и закрепления своего доминирования в обществе в силу того, что соперничающие политические группы хотели бы, используя религиозную или гражданскую политическую риторику, утвердить собственную монополию на лидерский статус.

Идеология национализма приемлема в той ситуации, когда общество переживает кризис традиционного сознания и не выработаны формы гражданского, политического национализма, предусматривающего широкое политическое участие и коллективную гражданскую идентичность. В этом, как показывает исторический опыт, армия отказывается от националистической

риторики, когда национальное государство не испытывает проблемы внутренней консолидированности в условиях сокращения социального и экономического неравенства и затухания локальных настроений.

Проблему отношений армии и национализма как идеологии невозможно анализировать вне трансформации национального государства. Ориентация национализма на мононациональное государства фактически закрепляет подчиненный статус армии и возможность оказания на нее идеологического давления и признание национализма в качестве государственной политики. Изменения, связанные со становлением гражданской нации, предполагают такие процессы, когда различия становятся основой интеграции, а не ассимиляции или устранения, и этнические конфликты, а тем более «этнические чистки», рассматриваются как угрозы существованию государства, и армия обязана предпринимать все усилия для их предупреждения и устранения.

Как отмечено в коллективной монографии «Вера. Этнос. Нация», «Процесс самоидентификации культурно-исторических общностей (становления коллективного МЫ противопоставляемого коллективному ОНИ) осуществляется двояко. Во-первых, посредством формирования определенного образа мышления и поведенческих норм этнического самосознания. Во-вторых, через посредничество институтов, инкорпорированных в то или иное общественное устройство, имеющее определенную этническую самобытность»⁴.

Армия, по логике национализма, и является инкорпорированным институтом, подтверждающим этническую самобытность, но в условиях становления гражданского общества и политической нации армия претендует на иную роль – на роль института, выполняющего специфические функции по обеспечению национального суверенитета и национальной безопасности и формирования образа мышления и поведенческих форм, ориентированных на верность государству, а не этнонации.

В поисках избежать расхождения с армией и отвести от себя подозрения в насаждении этнической конфликтности внутри армейской среды, национализм предлагает идею национальной

⁴ Вера. Этнос. Нация. М., 2007. С. 113.

солидарности, которая гармонизирует отношения внутри государства и в армейской среде. Но мы полагаем, что есть существенное возражение против обозначенной аргументации. Даже если не считать национализм непредсказуемой и стихийной силой, цивилизованность национализма определяется готовностью стать политическим движением, выражающим одну из возможных позиций на общественно-политическое устройство вместе с конкурирующими политическими силами. Претензии на монополизацию армейской проблематики перечеркивают все эти усилия, даже если они исходят из позиции вмешательства от имени государства.

Желание создать такое национальное государство, которое бы игнорировало принципы правового равенства и политической ответственности, заставляют задуматься над тем, что хотя национализм, при наличии популистских элементов, и может позиционировать свое участие в деятельности армии, но, с другой стороны, сфера политики все более соотносится с институциональными формами, которые либо ориентированы на элитарность, исключают эгалитаризм национализма, либо коммуналистские интенции, связанные с идеями гражданского общества.

Если националистический проект в отношении армии имеет историческое оправдание в обществах, когда-то находившихся в колониальной зависимости, то в эпоху модерна он укладывается в сферу борьбы за власть, и если возможен компромисс между армией и национализмом, то, как показывает исторический опыт, «идеологи» оказываются «задвинутыми» и при установлении военного правления, и во «временных» объединениях в борьбе с противниками государства. Вероятно, если армия есть пространство, в котором должно господствовать единодушие как «основа профессиональной корпоративной деятельности», то национализм определяет единодушие скорее как принуждение общества к согласию для реализации конституируемых национализмом миссий нации. Такое положение позволяет говорить о том, что если армия является референтным институтом, в представлении идеологов национализма, из этого отнюдь не следует, что армия ищет поддержку или доказательство своего влияния в обществе в идеологии национализма.

Если согласиться с упомянутым выше Х. Хофмайстером в том, что война демонстрирует политическое бессилие, можно предположить, что политическое участие предполагает существование армии как гаранта суверенной внешней и внутренней политики и целесообразность привития армии идеологии политической нации.

ОСЕТИНЫ НА ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ В РУССКОЙ АРМИИ В ГОДЫ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877 – 1878 ГГ.

В конце 70-х гг. XIX в. балканские (славянские) народы вели хорошо организованную национально-освободительную борьбу против многовекового турецкого ига. Россия не была готова к войне на Балканах. Военный министр России Д.А. Милютин писал: «Может выйти то же, что было в Крымскую войну, опять вся Европа опрокинется на нас»¹. Мнение Д.А. Милютина разделяли и некоторые авторитетные и опытные государственные деятели и политики. Александр II и его ближайшие советники опасались, что участие России в войне на Балканах «отрицательно скажется на внутреннем и особенно на ее внешнеполитическом положении»². И все же Россия поддержала национально-освободительную борьбу балканских народов. В России усилилось движение в поддержку справедливой борьбы балканских народов против многовекового турецкого ига. В 1876 г. маленькая Сербия объявила войну Турции. В этой войне симпатии многих русских и других народов России, в том числе осетин, были на стороне сербов, которые вели справедливую войну за свободу и независимость. Во время этой войны «несколько тысяч лучших сынов России – рабочих и крестьян, профессиональных революционеров, врачей, учащихся – добровольно отправились на Балканы, чтобы с оружием в руках помочь справедливому делу национального освобождения своих братьев»³. В России началось широкое движение за оказание материальной помощи балканским народам⁴. В сборе пожертвований активное участие приняли и осетины, в целом население Осетии. В августе 1876 г. во Владикавказе был создан Владикавказский славянский комитет. Инициаторами его были известные представители осетинской интеллигенции И. Шанаев, Н. Жускаев и другие, которые

¹ Дневник Д.А. Милютина. М., 1949. Т. 2. С. 58.

² История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. С. 285.

³ Там же.

⁴ Там же.

пропагандировали справедливый характер борьбы балканских народов против 500-летнего османского ига. Они же выступали со страниц областных газет и агитировали население Осетии, в целом Терской области, принять участие в сборе пожертвований в пользу борющихся за свободу народов на Балканах. Так, например, рабочие Алагирского серебряно-свинцового завода собрали для борющихся балканских народов около 800 рублей, что по тем временам считалось приличной суммой. Осетины, как и другие народы Терской области, принимали активное участие в национально-освободительной борьбе балканских народов. Как известно, русско-турецкая война 1877 – 1878 гг. явилась следствием обострения противоречий европейских держав, прежде всего Англии, Франции, России, Австро-Венгрии в решении так называемого Восточного вопроса. Анализируя сущность восточного вопроса, Ф. Энгельс подчеркивал, что это был «вопрос о дальнейшей судьбе турецкого господства в областях со славянским, греческим и албанским населением, а также спор из-за обладания входом в Черное море»⁵. Заметим, что национально-освободительная борьба балканских народов против турецкого владычества в 70-е гг. XIX в. достигла своего пика и стала одной из главных причин глубокого кризиса Оттоманской империи. Многолетняя борьба балканских народов за свою свободу и независимость находила симпатию и поддержку в широких слоях российского общества. Тем более, что в первой половине XIX в. с помощью России получила независимость Греция, а Сербия и Румыния – автономию. Теперь, во второй половине 70-х гг. XIX в. от России ожидали реальной помощи братья-славяне на Балканах. 12 (24) апреля 1877 г. Россия объявила Турции войну. Осетины, как и многие другие народы Кавказа, добровольно стали в ряды иррегулярных (милицейских) частей и показали в боях образцы мужества и героизма. Заметим, что русско-турецкая война 1877 – 1878 гг. разворачивалась на Балканах и в Закавказье. Военные действия в Закавказье как для Турции, так и для России были второстепенными, лишь вспомогательными для главных сражений, которые развернулись на Балканском полуострове, где в боях отличились многие представители Осетии. В боях с турец-

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 49.

кой армией «прославился Осетинский дивизион, сформированный из добровольцев и принявший активное участие в военных действиях на Балканском полуострове»⁶. Следует подчеркнуть, что царское правительство большое значение придавало иррегулярным частям (лат. *irregularis* – неправильный, не подчиненный определенному положению), т.е. не имеющим постоянной организации, твердой системы комплектования, прохождения службы и обучения. Эти части в основном комплектовались из народов Кавказа, в том числе и из осетин. Уже с конца 1876 г. из осетин, ингушей, чеченцев, грузин и представителей других народов Кавказа стали создавать полки, дивизионы, сотни и дружины иррегулярных частей. Военные власти России признавали ту легкость, с которой формировалась милиция, отсутствие понудительных к сему мер и немыслимость отказа в этом деле со стороны населения»⁷. Набор в иррегулярные части накануне и в годы русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. прошел с успехом по задуманному военным руководством страны плану. Заметим, что в иррегулярные части охотно записывались как христиане, так и мусульмане. Среди добровольцев были люди разных национальностей, вероисповеданий, возрастов, профессий. Добровольцами ушли на фронт крестьяне, рабочие, журналисты, государственные служащие и т.д. В числе добровольцев, например, были коллежский регистратор Бекмурза Каргиев, чиновник канцелярии межевого управления Терской и Кубанской областей Ислам Тхостов, отставные офицеры подпоручик Бекузаров и корнет Кануков, «которые обратились с просьбой, чтобы их приняли на службу в иррегулярные войска»⁸. В целом население Осетии с воодушевлением приняло известие о призыве на воинскую службу, желая помочь балканским народам освободиться от многовекового османского ига. С первого и до последнего дня русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. на Балканском полуострове воевал против турок Терско-Горский конно-иррегулярный (милицейский) полк, численностью 400

⁶ Санакоев М.П. Из истории боевого содружества русского и осетинского народов (XVIII – нач. XX вв.). Цхинвали, 1987. С. 107.

⁷ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на кавказско-малоазиатском театре. Т. 1. СПб., 1904. С. 1.

⁸ Санакоев М.П. Указ. соч. С. 108.

всадников, состоящий из осетин и ингушей. Командиром и организатором осетинского дивизиона стал ротмистр Асламурза (Аслан-Мурза) Бесланович Есиев (ранее на эту должность предполагалось назначить штабс-капитана Бекмурзу Кубатиева), дослужившийся до чина подполковника, а командирами сотен были назначены корнет Агубекир Дударов и подполковник Тотраз Зембатов. Субалтерн-офицерами (младшими офицерами) в 1 (Осетинский) дивизион были зачислены прапорщики Мисирби Гутиев, Джамбулат Цереков, Гетагаз Тхостов, Александр Дзугаев, Генардуко Абислов, Темурко Боров и Эльзаруко Гиданов.

Командиром Терско-Горского полка был назначен начальник Владикавказского округа полковник П.Ф. Панкратов. На должность полкового адъютанта был назначен хорунжий А. Железников, а на должность полкового казначея и квартирмейстера – хорунжий И. Кособрюхов. Следует подчеркнуть, что власти опасались проникновения различных революционных и других «крамольных идей» в среду иррегулярных воинских частей, создаваемых на Кавказе. Поэтому было решено брать с каждого добровольца подписку, где говорилось: «Я, нижеподписавшийся, дал сию подписку в том, что ни к каким масонским ложам и тайным обществам, думам, управам и прочим, под каким бы они названиями не существовали, я не принадлежал и впредь принадлежать не буду и что не только членом оных обществ по обязательству через клятву или честное слово, не был, да и не посещал и даже не знал об них, и через подговоры вне лож, дум, управ, как об обществах, так и членах тоже ничего не знал и обязанность без форм и клятв никаких не давал»⁹.

Каждый дивизион выступил в поход со своим почетным знаменем. Эти знамена были пожалованы за верность и преданность России ингушскому народу в 1841 г., а осетинскому – в 1845 г.¹⁰ Осетинское знамя было небесно-голубого цвета, а ингушское – алого. Каждое знамя вывозилось в строй со всеми почестями, присвоенными знаменам и штандартам по уставу.

⁹ ЦГА РСФСР-А. Ф.53, оп.1, д.873, л.4; Муталиев Т.Х. В одном строю. Грозный, 1978. С. 36.

¹⁰ *Газетти А.Л.* Сборник сведений о Георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий кавказских войск. Ч. 2. Тифлис, 1901. С.101-102, 106-107.

Каждая сотня также имела свой, отличный от других сотенный значок, служивший как бы сотенным знаменем¹¹.

К концу ноября 1876 г. на сборном пункте (в с. Ольгинском) Осетинский дивизион был полностью собран и готов к походу. Военное командование России решило придать горцам-добровольцам единые внешние атрибуты армейского порядка и дисциплины. Было решено одеть всех добровольцев в единую форму одежды по примеру регулярных войсковых частей. Черкески горцев должны были быть черного цвета, без обшивок вокруг галуном. Бешметы (стеганные полукафтаны у народов Кавказа) должны были быть белого цвета, папахи черного курпея с большими верхами, а также одинаковые мягкие сапоги. Погоны на черкесках были синего цвета с буквами «Т-Г», т.е. «Терско-Горский».

1 декабря 1876 г. Осетинскому дивизиону было вручено знамя, а 7 декабря Терско-Горский конно-иррегулярный полк под командованием полковника П.Ф. Панкратова отправился по Ростово-Владикавказской железной дороге в Кишинев, где находились части российской армии, задействованные на Балканском полуострове (так называемая Дунайская русская армия). Здесь же находились Владикавказский конный казачий полк, а также собственного его величества конвоя Кубанский и Терский эскадрон¹².

Успехи Терско-Горского конно-иррегулярного полка на поле боя побудили начальство приступить к более широкому формированию иррегулярных частей из народов Кавказа.

На Кавказском фронте (его еще называли Малоазиатским) русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. в боевых действиях приняли участие представители Осетии, служившие во втором и третьем Дагестанском, а также Черкесском, Кабардино-Кумыкском конно-иррегулярных полках шестисотенного состава. Осетины, проживавшие в Тифлисе, Гори, Кутаиси и других городах и населенных пунктах Тифлисской и Кутаисской губерниях, зачислялись добровольцами в первую и вторую пешие Грузинские дружины. Осетины из Горийского, Душетского, Рачинского и

¹¹ *Крестовский В.В.* Двадцать месяцев в действующей армии. Т. 1. СПб, 1879. С. 27-30.

¹² *Муталиев Т.Х.* В одном строю. Грозный, 1978. С. 37.

других уездов находились в Грузинской пешей дружине, а также в составе Александропольского, Ахалцихского и других конноиррегулярных полков¹³. В августе 1877 г. главнокомандующий Кавказской армией издал приказ о сборе двух сотен милиции из осетин Горийского уезда¹⁴.

Добровольцы должны были иметь исправное личное оружие и здоровых лошадей. Для сбора были отпущены и деньги (500 рублей)¹⁵. Отношение большинства осетин и ингушей к русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг., их патриотический порыв и воинскую доблесть прекрасно показал писатель и журналист В.В. Крестовский в книге «Двадцать месяцев в действующей армии», где он писал, что «осетины и ингуши очень огорчились тем, что зачем-де формируют только один полк, зачем их берут так мало, когда джигитов хватит у них на десять таких полков. И действительно, случись только в них надобность, они все явятся на призыв с величайшей готовностью»¹⁶. Каждый доброволец-милиционер явился по призыву на своей лошади, одетый и вооруженный за свой счет. Газета «Терские ведомости» в 1877 г. о добровольцах писала: «Почти каждый из всадников оставил дома детей и жену, дела свои..., а есть и такие, которые продали последнее для снабжения себя в дальний поход, но все охотно заявили о готовности пожертвовать жизнью, имуществом и всем, что дорого и мило сердцу»¹⁷. В этой связи заметим, что достаточно много фактов свидетельствуют о большом желании осетин, как, впрочем, и некоторых других горцев Кавказа, сражаться за интересы России в рядах иррегулярной кавалерии. Поток добровольцев из Осетии, в целом из Терской области, не иссяк и с началом боевых действий в 1877 г. Нередко среди добровольцев-милиционеров были отцы с сыновьями, дяди с племянниками или братья. Об этом очевидец военных событий писатель и журналист В.В. Крестовский писал: «Интересно и то, что между горскими добровольцами стоят в рядах отцы с сыновьями, и дяди с племянниками, и по несколько родных братьев. Между офицерами найдется, пожалуй,

¹³ Санакоев М.П. Указ. соч. С. 109.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 110.

¹⁶ Там же. С. 111.

¹⁷ Терские ведомости. 1877. № 15.

несколько неграмотных, но зато все они с практического навыка прекрасно знают свое дело, все они украшены тремя – четырьмя серебряными и золотыми знаками военного ордена с почетными боевыми шрамами на лице и на теле; есть между ними и люди с отрубленными в бою пальцами, а все-таки служат по доброй воле и снова рвутся в бой»¹⁸.

В созданных на Кавказе иррегулярных частях служили представители разных народов, что способствовало укреплению их взаимопонимания, а иногда настоящей дружбы. Так, например, в Терско-Горском полку наряду с осетинами и ингушами служили русские, чеченцы, кумыки, грузины и т.д. В Кабардино-Кумыкском полку помимо кабардинцев, балкарцев, карачаевцев, кумыков и аварцев служили осетины, русские и украинцы. В составе Чеченского полка кроме чеченцев служили осетины (например, Знаур Тхостов, Петр Хуцистов и др.), русские, украинцы, немцы, евреи и т.д.

В марте 1877 г. был сформирован Кубанский конно-иррегулярный полк, куда были зачислены черкесы, карачаевцы и осетины¹⁹. Таким образом, осетины, служившие в различных иррегулярных и регулярных частях российской армии, принимали активное участие в русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг.

Любопытно выглядит вооружение личного состава добровольцев-милиционеров. Пешие части были вооружены 6-линейными скорострельными винтовками Карле; конные – оружием различных систем, собственными ружьями азиатского образца, ружьями 7-линейными нарезными и 6-линейными винтовками Таннера казачьего образца²⁰.

Военное руководство России в период русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. сформировало две армии. Первая из них (условно названная Дунайской), основная, была дислоцирована в Бессарабии, недалеко от румынской границы, готовой к наступательным военным операциям против турок на территории Болгарии. Вторая российская армия, вспомогательная, дислоцировалась в Закавказье. Военное руководство считало необходимым исполь-

¹⁸ Крестовский В.В. Указ. соч. С. 28-29.

¹⁹ Санакоев М.П. Указ. соч. С. 113.

²⁰ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на кавказско-малоазиатском театре. Т. 1. СПб, 1904. С. 29.

зывать воинственных горцев-добровольцев из Кавказа в военных операциях против турок «в гористых условиях», максимально приближенных к кавказским горам. Это – одна из главных причин того, что Терско-Горский иррегулярный полк был направлен в состав Дунайской армии. К этому следует добавить, что много осетин-казаков, находившихся на действительной службе во Владикавказском казачьем полку и в Терском эскадроне, также воевали против турок на Балканском полуострове.

Терско-Горский конно-иррегулярный полк остановился недалеко от Кишинева, в деревне Гура-Галбино, жители которого, по словам очевидца этих событий В.В. Крестовского, были довольны поведением и благородством кавказских милиционеров. Жители Гура-Галбина отзывались о своих постояльцах как о честных и трезвых людей, которые не приемлют «ни воровства, ни буйства», ни других пороков²¹.

Командование Дунайской армии сразу обратило внимание на примитивное для того времени вооружение Терско-Горского полка, добровольцы которого имели свои собственные устаревшие кремневые ружья. Командование армии обратилось к военному министру России Дмитрию Алексеевичу Милютину с просьбой о том, что прибывший с Кавказа Терско-Горский полк «в коем две сотни сформированы из осетин и две из ингушей, славный полк так и дышит Кавказом, но они вооружены кремнёвыми ружьями...»²². Далее Д.А. Милютина просили о высылке для кавказских добровольцев «более совершенного оружия»²³. При этом в просьбе подчеркивалось, что «все казаки снабжены прекрасными ружьями, совестно ставить возле них горцев с их старым оружием; конечно, сравнение не в их пользу»²⁴. Просьба командования Дунайской армии была удовлетворена и милиционеры Терско-Горской конно-иррегулярного полка были перевооружены «берданками»²⁵, однозарядными винтовками системы американского изобретателя Х.

²¹ *Крестовский В.В.* Указ. соч. С. 34.

²² Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. СПб, 1890. Вып. I. С. 119; Сборник материалов по русско-турецкой войне на Балканском полуострове. СПб, 1898. Вып. II. С. 111.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Винтовка системы американского изобретателя Х. Бердана («берданка») была на вооружении российской армии в 1868-1891 гг.

Бердана, усовершенствованная в 60-х гг. XIX в. российским инженером А.П. Горловым. Добровольцы не были знакомы с новыми образцами оружия, плохо разбирались в уставных требованиях армейской жизни, в тактике боев, которые ведут воинские части во время большой войны и т.д. Поэтому всадники Терско-Горского полка прошли в Бессарабии «курсы» по обучению военной техники. Каждый доброволец, как подчеркивалось выше, явился в призывной пункт на своей лошади, одетый и обутый за свой счет. За время призыва в действующую армию офицеры и рядовые милиционеры получили от военного ведомства России деньги и фураж. Рядовые получили по десять рублей в месяц, фураж и пищу натурой. Все всадники Терско-Горского полка получили деньги на приобретение сапог²⁶ (обувь, в которой они приехали на Балканский полуостров, была весьма неудобной, особенно зимой).

7 января 1877 г. была создана Кавказская казачья дивизия, в которую вошли Кубанский казачий полк, Терско-Горский конноиррегулярный полк и Донская горная бригада. Следует подчеркнуть, что Осетинский дивизион был прикомандирован к Владикавказскому казачьему полку, а Ингушский дивизион прикомандирован к Одесскому военному округу (впоследствии ингуши принимали активное участие в боевых операциях русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. и многие из них показали образцы мужества, стойкости и героизма). Затем Кавказская казачья дивизия была расформирована, и образована Кавказская казачья бригада, командиром которой назначили полковника И.Ф. Тутолмина²⁷, ставшего чуть позже генерал-лейтенантом. Осетины вместе с другими солдатами и офицерами Дунайской армии показали себя дисциплинированными, стойкими, ответственными и мужественными в боевых операциях против турок. Они принимали активное участие в форсировании Дуная, в боях за Никополь, Ловчу (Ловеч), Плевну (Плевен), Шумлу (Шумен), Софию, Филиппополь (Пловдив) и т.д. Дисциплиной, смекалкой, мужеством и стойкостью Осетинского дивизиона восхищались видные российские генералы, например, И.В. Гурко, М.Д. Скобелев, И.Ф. Тутолмин, П.Д. Паренсов, Т.М. Лорис-Меликов, А.И. Куропаткин, А.А.

²⁶ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. СПб., 1890. Вып. I. С. 119.

²⁷ *Санакоев М.П.* Указ. соч. С. 116.

Чавчавадзе и др. Так, например, хорошо знавший осетин генерал М.Д. Скобелев писал генералу А. Зотову о кровопролитных боях под Плевной: «Имея этих молодцов (осетин. – *Авт.*) под рукой, я чувствовал свое положение более обеспеченным, ибо решился в случае перехода турок ночью в наступление пожертвовать этими казаками, в беззаветную отвагу которых верил, бросив их в атаку на неприятеля»²⁸.

Заметим, что «эти молодцы», как назвал осетин М.Д. Скобелев, еще несколько раз выручали русских в чрезвычайно сложных ситуациях, оправдывая каждый раз доверие прославленного генерала. В критический момент следующего боя генерал М.Д. Скобелев, снова с надеждой на успех, бросил на турок осетин. В своих воспоминаниях об этом генерал П.Д. Паренсов писал: «Эти молодцы (осетины. – *Авт.*) образцовый тип воинов, не теряющихся ни при какой обстановке, сильно ударили на турок и оттеснили их по своей малочисленности, конечно, только на время, и, подавляемые превосходящими силами, вынуждены были вместе со стрелками перейти в отступление»²⁹. Тот же генерал П.Д. Паренсов неоднократно подчеркивал бойцовские и человеческие качества добровольцев Терско-Горского полка, в которых, как он писал, влюбился. «Далеко не доезжая Гуро-Галбино, нас встретили всадники Терско-Горского полка и конвоировали до места, – писал он. – Любо было смотреть на этих лихих, изящных наездников, для которых езда – удовольствие, нормальное состояние, а не обязанность, как в нашей регулярной кавалерии... В Гуро-Галбино поинтересовался я поближе познакомиться с осетинами и ингушами и совершенно в них влюбился. Это была настоящая кавалерия, кентавры. Колодец был очень близко от нашей квартиры, и я любовался, какими молодцами они ездили на водопой: без седел, на недоуздках, скачут и гарцуют, джигитуя при возвращении от колодца»³⁰. В одном из первых приказов по Кавказской казачьей дивизии генерал Скобелев-старший (в Ду-

²⁸ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Вып. 41. СПб., 1903 (Рапорт генерала М.Д. Скобелева начальнику западного отряда генералу Зотову от 3 сентября).

²⁹ *Паренсов П.Д.* Из прошлого. Воспоминания офицера Генерального штаба. Ч. 1-2. СПб., 1901. С. 334.

³⁰ Там же. Ч. 1. С. 190; 194.

найской армии служил и его сын, генерал М.Д. Скобелев. – *Авт.*), хорошо знавший психологию и характер горцев Кавказа, подчеркивал, что «вступая в первый раз в состав армии, действующей вне Кавказа, представители славных кавказских войск должны помнить всю важность их задачи. Кавказ на них надеется и Кавказ хочет их славы»³¹. Генерал Скобелев-старший, как опытный военачальник и уверенный в боевых качествах своих солдат, недвусмысленно напомнил представителям «славных Кавказских войск», что их боевой славы хочет весь Кавказ. И действительно успехами кавказских войск на поле боя гордились и на фронте, и в тылу. Так, например, они отличились в одной из самых кровопролитных сражений русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. – Плевненской эпопее. Генерал М.Д. Скобелев 3 сентября 1877 г., снова восхищаясь героизмом и мужеством всадников Осетинского дивизиона, писал, что «деятельное содействие стрелкам и либавцам оказала сотня Осетинского полка, рассыпанная мною в цепи левее цепи стрелков. Вообще, поведение Осетинского дивизиона по беспримерному самоотвержению и рыцарской храбрости выше всякой похвалы»³². Следует подчеркнуть, что представители Осетии, защищая на поле боя интересы России и показывая героизм, несли и большие потери. Об этом писал, например, генерал А.И. Куропаткин, служивший в тот период начальником штаба Кавказской казачьей дивизии под командованием генерала М.Д. Скобелева. «Не имея под рукой пехотного резерва, – писал А.И. Куропаткин, – генерал Скобелев отдал приказ сотне осетин спешиться и усилить левый фланг цепи стрелков, наиболее теснимый. Осетины, как всегда, с боевым пылом исполнили возложенное на них поручение, смело двинувшись вперед и приостановив временно во много раз сильнеего противника. Но затем подавляемые превосходством неприятеля в силах, стрелки и осетины, понеся большие потери, должны были отступить»³³. О «героизме кавказцев» и больших потерях среди них писал и главнокомандующий Дунайской армии. В телеграмме, направленной в Тифлис, он подчерки-

³¹ ЦГА РСО-А, ф.83, оп.1, д.21, л.3; *Муталиев Т.Х.* Указ. соч. С. 49.

³² Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Вып. 41. СПб., 1903. С. 219.

³³ *Куропаткин А.* Действия отрядов генерала Скобелева в русско-турецкую войну 1877-1878 гг. Ловча и Плевна. Ч. 1. СПб, 1880. С. 503.

вал: «Кавказцы служили великолепно и поддержали свою славу, но зато и людей потеряли много. Необходимо их пополнить. Осетины так работали, что буду просить им Георгиевское знамя»³⁴. При этом главнокомандующий просил выслать на передовую «по сотне конных человек на пополнение кубанцев и владикавказцев, а осетин пришли сколько можешь»³⁵. Эти характеристики боевых и человеческих качеств «кубанцев, владикавказцев и осетин» свидетельствуют о героизме и мужестве простых людей разных национальностей, которые преданно служили интересам России.

Лестные отзывы осетинам, в целом представителям Осетии, участвовавшим в русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг. давал командир Кавказской казачьей бригады генерал И.Ф. Тутолмин, который отмечал, что «осетины во главе Кавказской казачьей бригады первыми вступали в бой, и если им приходилось бывать последними, то только при отступлении»³⁶. Начальник полевого штаба Дунайской армии генерал-адъютант А.А. Непокойчицкий докладывал Александру II: «Терско-Горский конно-иррегулярный полк, прибывший с Кавказа... Славный полк, так и дышит Кавказом»³⁷.

Осетинский дивизион, как отмечалось выше, был влит во Владикавказский конный полк, который в составе Кавказской казачьей бригады участвовал во многих кровопролитных боях, показав образцы мужества и храбрости. Командир бригады генерал И.Ф. Тутолмин доносил командующему западным отрядом генералу А. Зотову: «Этот народ (осетины. – *Авт.*) заслуживает из ряда вон выходящей награды своею безупречною, безграничною храбростью. С первого шага за Дунаем, с 22 июня, они открыли для Кавказской бригады целый ряд дел с неприятелем, полной безупречной отваги, и собственной кровью значительно более других окропили путь от Дели-Сула через Градешти до самого Самовида и оттуда через Плевну до окопов Ловеч»³⁸. О воинской закалке, отличной дисциплине и готовности представителей Осе-

³⁴ Тутолмин И.Ф. Конница за видом. СПб., 1881. С. 62.

³⁵ Там же.

³⁶ Санакоев М.П. Указ. соч. С. 116.

³⁷ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Вып. 2. СПб., 1889. С. 111.

³⁸ Там же. Вып. 26. СПб., 1899. С. 346-347.

тии сражаться за интересы России писали и другие известные и авторитетные очевидцы. Так, например, в кровопролитном бою у деревни Дели-Сула русские разгромили турок, и в этом немалая заслуга принадлежала Владикавказскому казачьему полку (выше уже отметили, что Осетинский дивизион влили в этот полк), командир которого Оскар Александрович Левис писал: «Осетины дрались со свойственной им отвагой. . . , считаю своим долгом доложить об отличной распорядительности командира Осетинского дивизиона ротмистра Есиева (Асламурза Бесланович. – *Авт.*), об отличиях, оказанных сотниками и субалтерн-офицерами (младшими офицерами. – *Авт.*), а также нижними чинами»³⁹. Осетинский дивизион в составе русских войск участвовал в форсировании Дуная, в боях у деревень Турско-Сливо, Бресляницы, Самовид, Омаркия-Павликаны и др. Отвага и мужество осетинских добровольцев-конников, проявленные в боях, удивляли очевидца этих кровавых событий князя Л.В. Шаховского. Он писал, что невзрачная на вид кавалерия (осетинские всадники. – *Авт.*) навеяла панический страх на все ряды турецкой кавалерии»⁴⁰. Всадники Осетинского дивизиона вместе с русскими войсками участвовали в кровопролитных боях во взятии Ловеч и Плевны, в боях у Телиша, Горного Дубняка, Селян, Радомирцев, Луковиц, Правца, Этрополя, Чумаковиц и т.д. Осетины и представители других народов Осетии участвовали в переходе через Балканы под командованием талантливого русского генерала И.В. Гурко (Ромейко-Гурко).

Очевидцы из Болгарии, восхищенные мужеством и героизмом всадников Осетинского дивизиона, также высоко ценили вклад представителей Осетии в разгроме турок. Так, например, болгарский публицист Георгий Котов писал: «Особенно грозна была картина нападения Владикавказского казачьего полка и осетин (в боях с турками в г. Ловеч. – *Авт.*) . . . , которые «разбили три неприятельских батальона»⁴¹. Следует подчеркнуть, что в боях за город Ловеч, где участвовал Владикавказский казачий полк, погибло много российских солдат и офицеров, в том числе и осетин.

³⁹ Там же. Вып. 23. СПб., 1899. С. 115.

⁴⁰ Шаховский Л.В. Два похода на Балканы 1877-1878. (С театра войны). М., 1897. С. 68.

⁴¹ Котов Г.И. Мавзолей на горе Плевен. СПб., 1907. С. 203.

Но и сами владикавказцы уничтожили несколько тысяч турок. Профессор М.П. Санакоев, посвятивший несколько солидных работ различным аспектам русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг., пишет: «Здесь в бою (у г. Ловеч. – *Авт.*) 3 и 4 сотни Владикавказского казачьего полка, 1 и 2 сотни Осетинского дивизиона и Терский эскадрон изрубили около 4 тысяч человек»⁴². Кровавые события этого боя запечатлены и в воспоминаниях бывшего командира 30-го Донского полка М. Грекова, который подчеркивал, что у города Ловеч «лежало более тысячи тел, поверженных исключительно ударами шашек. Эти удары были ужасны: или череп пополам, или голова совсем прочь снесена, или грудь с плеча глабоко рассечена»⁴³.

Представители Осетии показали образцы героизма, смелости и отваги в боях за г. Ловеч. Владикавказский казачий полк был награжден Георгиевским знаменем, а бойцы – знаками отличия на папахах «За взятие Ловеча 22 августа 1877 года». Более 200 казаков-владикавказцев были награждены знаком отличия военного ордена⁴⁴. Среди них Генардуко Абисалов, Боцка Айляров, Василий Гажеев, Асланбек Кубагиев и др. За мужество и храбрость в боях орденов и медалей были удостоены Василий Хетагуров, Исай Сеоев, Николай Гульдиев, Михаил Алдатов, Моисей и Даниил Гажеевы, Андрей Галаев, Темирбулат Тхапсаев, Дзибо Алдатов и другие всадники Терского эскадрона⁴⁵. Моисей Гажеев получил золотые часы и медаль «За храбрость от князя Николая Черногорского». Исай Сеоев был награжден медалью «Виртути милитари» и прусским орденом, а Андрей Галаев медалью «Виртути Милитари».

История русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. изобилует конкретными и яркими примерами дружбы и взаимовыручки русского и кавказских народов. За время войны русские, осетины, ингуши, представители других народов, сражавшиеся за интересы России, неоднократно рисковали жизнью, выручали друг друга в критические моменты кровопролитных боев. Эти

⁴² Санакоев М.П. Указ. соч. С.117.

⁴³ В долинах и на высях Болгарии. Воспоминания бывшего командира 30-го Донского казачьего полка М. Грекова. СПб., 1900. С. 37.

⁴⁴ Терские ведомости. 1879. № 36; Санакоев М.П. Указ. соч. С. 117.

⁴⁵ Санакоев М.П. Указ. соч. С. 118.

тяжелые военные испытания сближали людей разных национальностей и были настоящей школой не только патриотизма, но и интернационализма. Образцы мужества, героизма и отваги показали также многие добровольцы из Ингушского дивизиона, который по просьбам всадников-ингушей в октябре 1877 г. был переведен в Болгарию для участия в боевых действиях против турок⁴⁶. Ингушский дивизион был зачислен в XIII армейский корпус и уже 12 октября 1877 г. он принял участие в боях у деревни Сисово, затем при р. Ак-Лом, Кара-Лом и в других сражениях. Ингуши отличились в боях за село Кацелево, о чем писал командующий XIII армейским корпусом генерал-адъютант А.М. Дондуков-Корсаков. «Поведение ингушей и гусар в этой стычке с неприятельскою пехотою выше похвалы, – писал он. – Они с безответною храбростью и настойчивостью бросались на неприятеля, осыпавшего их пулями... Ингуши, поддержанные 3-м эскадроном гусар, смело атаковали пехотные части в ложементках (старинное название небольшого стрелкового или оружейного окопа. – *Авт.*). По всеобщему отзыву, героями дня были всадники Терско-Горского полка»⁴⁷. За проявленное мужество и героизм в боях за село Кацелево были награждены командир Ингушского дивизиона Банухо Базоркин – орденом св. Анны 2-й степени, ротмистр Николай Альдиев – орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, прапорщик Артаган Мальсагов – орденом св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», подпоручик Маги Новрузов был произведен в поручики. Кроме того, еще 22 ингушских всадника получили знаки отличия военного ордена (Генардуко Алиев, Чалдыр Гойгов, Бати Мальсагов, Парго Темирсултанов и другие)⁴⁸. Заметим, что Ингушский дивизион участвовал в боях за Церцевец, Констанце, Огарчин и т.д. Командование отмечало храбрость и мужество ингушей-всадников подпоручика Батако Ужахова, прапорщика Доха Мальсагова, рядового Дуда Мацилгова и др.⁴⁹

⁴⁶ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917), М., 1988. С. 292.

⁴⁷ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878. Вып.4. СПб., 1889, с.104-105.

⁴⁸ ЦГА РСО-А, ф.83, оп.1, д.8, л.103; д.27, л.27; д.32, л.34,40.

⁴⁹ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917). М., 1988, с.292.

Осетинский дивизион в составе войск легендарного русского генерала И.В. Гурко (Ромейко-Гурко) принимал активное участие в боевых операциях у Горного, Дубняка, Дальнего Дубняка, Телиши, Правек и др., показывая образцы служения интересам России, российского боевого искусства. Так, например, в боях «за Правец Осетинский дивизион пленил 2 османских офицеров и 41 солдата»⁵⁰. Очевидцы и свидетели этих сражений, как правило, давали высокую оценку военной подготовке, сноровке и храбрости не только Терско-Горского конного иррегулярного полка, но и всем представителям Осетии, сражавшимся на Балканах. Так, например, весьма высокую оценку всадникам Осетинского дивизиона давал полковник лейб-гвардии Преображенского полка А.А. Берс, который писал: «Лучшей кавалерии для горной службы нельзя себе вообразить, их лошади в горах как у себя дома, и нет никакой такой горы, на которую не мог бы забраться осетин, частью верхом, а где ведя лошадь в поводу. Осетин ловок, глаз у него зоркий, любит свою лошадь, редко натрет ей спину и сам довольствуется малым, но всегда молчалив, не хвастлив»⁵¹.

Представители Осетии были непосредственными участниками блестящих побед над турками, одержанные под командованием генерала И.В. Гурко под Плевной, Горного Дубняка, Телиша, Этрополя т.д. Командуя семидесятитысячным отрядом, генерал И.В. Гурко «совершил труднейший переход через Балканы, считавшиеся недоступными зимой, и в конце декабря 1877 г. занял Софию и разбил турецкие войска под Ташкисеном»⁵². В этих ожесточенных боях принимали участие и представители Осетии.

В следующем 1878 г. Терско-Горский конно-иррегулярный полк, как и другие представители Осетии, участвовал в боях у Татар-Базарджика за освобождение Филиппополя (Пловдива), в сражениях у селения Чатак, Чепеляр, Дердери и др. За проявленные мужество и героизм на поле боя были отмечены наградами поручик Г. Есенов, корнет К. Абисалов, есаул И. Гайтов, майор А. Кубатиев, полковник Г. Абисалов, сотник И. Шанаев, прапор-

⁵⁰ Там же, с.292-293.

⁵¹ Воспоминание офицера лейб-гвардии Преображенского полка о походе в Турцию в 1877-1878 гг. А. Берса. СПб., 1899. С. 74.

⁵² Советская историческая энциклопедия. Т. 4. М., 1963. С. 898.

щик К. Абисалов, ротмистр А. Есенов и многие др.⁵³. Кроме того, рядовым Терско-Горского полка одновременно было выдано свыше двухсот Георгиевских крестов⁵⁴, которых были удостоены сорок шесть рядовых всадников Осетинского дивизиона (Б. Мильдзихов, Э. Доев, К. Туриев и др.). Осетинский и Ингушский дивизионы были награждены Георгиевскими знаменами с надписью «За отличие в Турецкой войне 1877 – 1878 гг.»⁵⁵

Кроме всадников-добровольцев из Осетинского дивизиона, участие в боях с турками на балканском театре русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. приняли, как подчеркивалось выше, и другие воины из Осетии, находившиеся в регулярных частях российской армии, в казачьих частях и болгарском ополчении. Так, например, в болгарском ополчении героически сражались Данилбек Цаликов и Дудар Караев, награжденные многими боевыми наградами. В лейб-гвардии Атаманском полку служил Николай Колиев, также награжденный многими боевыми наградами⁵⁶. А в регулярной российской армии служили прапорщик Дударов, подпоручик Кантемиров, майоры Кануков, Тлатов и др.⁵⁷

Успешные действия российской армии, где достойное место занимали представители Осетии, привели к тому, что 9 января 1878 г. турецкие войска Вессель-Паши (35 тыс. человек и 103 орудий), оборонявшие Шипкинский перевал, были разбиты. Капитуляцию Вессель-Паши описал в своих воспоминаниях (записанные русским писателем и журналистом А.А. Гиляровским) ординарец генерал-адъютанта Михаила Дмитриевича Скобелева Дзамбулат Абациев, ставший впоследствии генерал-лейтенантом. В воспоминаниях говорится, как плененный Весеель-Паша отдал свою саблю Дз. Абациеву⁵⁸.

На Балканском театре военных действий русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. неоднократно отличались представители Осетии Дзамбулат Абациев, Данилбек Цаликов и Созруко Харанов, ставшие впоследствии известными генералами, а также Га-

⁵³ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). С. 293.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Воспоминание офицера лейб-гвардии Преображенского полка о походе в Турцию в 1877-1878 гг. А. Берса. СПб., 1899. С. 74.

⁵⁶ Санакоев М.П. Указ. соч. С. 118.

⁵⁷ Там же. С. 119.

⁵⁸ Там же. С. 122.

нардуко Есенов, Кубати Абисалов, Исай Гайтов, Индрис Шанаев (который был активным участником народнического движения в Осетии), Асланбек Кубатиев, Генарадуко Абисалов, Дзамбулат Цереков, Александр Дзугаев, Тотраз Зембатов, Асламурза Есиев, Агубекир Дударов, Александр Газданов, Мисирби Гутиев, Татаркан Каргиев, Бицко Дзаболов, Гуда Бекузаров, Эльбиздуко Кулаев, Николай Колиев, Андрей Галаев, Исай Сеоев, Николай Гульдиев, Моисей и Даниил Гажеевы и многие другие. Почти все они получили за проявленную храбрость и отвагу в боях ордена и медали. Многие из них получили по две и более медали, а некоторые из них, например, Индрис Шанаев, Асламурза Есиев, Исай Гайтов, Кубати Абисалов удостоились еще и «Румынского железного креста», учрежденного в память перехода русских войск через Дунай в 1877 – 1878 гг.

Терско-Горский конно-иррегулярный полк, выполнив с честью возложенные на него обязанности на Балканском театре боевых операций русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг., с большими почестями вернулся 21 октября 1878 г. во Владикавказ. 22 октября 1878 г. в сел. Ольгинское был устроен торжественный обед в честь прибывших из Балкан всадников-осетин и ингушей. На обеде всадники вспоминали погибших друзей, боевые эпизоды, образцы патриотизма и интернационализма, прославленных русских генералов И.В. Гурко, М.Д. Скобелева, И.Ф. Тутолмина, П.Д. Паренсцова, А.И. Куропаткина и др.

Участие представителей Осетии на Кавказском театре русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. Боевые действия на Кавказе, по сравнению с Балканами, имели второстепенное значение в ходе русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. Конечно, одержанные российской армией победы в боях на Кавказском театре способствовали укреплению бесспорных успехов русских войск на Балканах. Осетины и другие представители Осетии принимали активное участие и в «Кавказской части» войны. Они сражались с турецкими войсками в составе частей регулярной армии, казачьих соединениях и иррегулярных частей (милиции). Представители Осетии, вместе с русскими и другими народами России успешно сражались с турками в кровопролитных боях Эрзеруме, Ардагане, Карсе, Баязете и в других местах. Осетины

служили в различных частях регулярной российской армии, дислоцированных на Кавказском театре военных действий, в казачьих войсках, а также в Александропольском, Ахалцихском, Чеченском, Кабардино-Кумыкском и в других конно-иррегулярных (милицейских) полках.

Перед русско-турецкой войной 1877 – 1878 гг. Кавказская армия России насчитывала около 100 тыс. человек и 276 орудий⁵⁹. Одной из особенностей Кавказской армии было то, что в ней офицеров из числа кавказских народов, например, грузин, осетин, армян, азербайджанцев и др. было много. Видимо в Петербурге император и его ближайшее окружение считали, что на Кавказском театре боевых действий максимальное число офицеров российской армии, этнически принадлежащие к кавказским народам, будет способствовать решению нескольких важных задач: 1) привлечь к службе в российской армии как можно больше грузин, армян, азербайджанцев и др., чтобы они, с помощью других народов, внесли максимальный вклад не только в общую победу России над Турцией, но и в освобождении значительной части Западной Армении и Грузии от турецкого господства; 2) привлекая к войне с турками максимальное количество офицеров и рядовых из числа кавказских народов, в Петербурге, видимо, рассчитывали таким образом «разгрузить» русский народ, который понес большие потери на Балканском театре русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг.; 3) высокий процент представителей местных народов в Кавказской армии должен был способствовать укреплению содружества русского и кавказских народов, тем более, что представители последних на Балканах показали себя в целом с наилучшей стороны. Этими причинами можно объяснить то, что много представителей народов Кавказа, в том числе осетин, служило в 84-м пехотном Ширванском полку, 15-м драгунском Терском полку, 156-м Елисаветпольском полку, 15-м Тифлиссском гренадерском полку, Нижегородском драгунском полку и т.д. В этой связи любопытно отметить, что командир Кавказской гренадерской дивизии писал военному министру Д.А. Милютину, что в 43-м драгун-

⁵⁹ Там же. С. 127.

ском полку среди офицеров было всего 7 русских⁶⁰.

Кавказская армия начала наступление на турецкие позиции 24 апреля 1877 г. по трем направлениям, ведущим к Эрзеруму (через Ардаган, Карс и Баязет), а также по берегу моря к Батуми. Кавказский театр боевых действий условно можно разделить на три периода: 1) наступательный (с 24 апреля до 27 июня 1877 г.), когда российская армия одержала ряд побед, например, в Ардагане, в крепости Баязет и в других местах⁶¹; 2) оборонительный (с 27 июня по 15 октября 1877 г.), когда российские войска после поражения под Зивином сняли осаду Карса, начали отступать и занялись обороной Закавказья⁶²; 3) новое (второе) наступление российской армии (с 15 октября 1877 г. по 31 января 1878 г.) против турок, в результате чего были одержаны победы под Авлиаром – Аладжой, в Карсе, Драмдаге, Деве-бойну, Даяре и других местах. Эти локальные победы, в которых участвовали представители Осетии, во многом способствовали общей победе российской армии на Балканах. Осетинские иррегулярные (милицейские) части приняли участие во многих важнейших боевых операциях русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. на Балканском и Кавказском направлениях. Настоящими героями на Кавказском театре войны показали себя всадники-осетины Александропольского конно-иррегулярного полка Хусейн Алдатов, Артемий Огоев, Бибол Газданов, Есма Дудаев, Дачо Дзигоев, Индрис Цолоев, Бибоц Дзасохов, Бембулат Хестанов, Дахчико Ходов, Сосланбек Кубатиев, Герасим Кундухов, Андрей Колиев, Дзибо Акоев, Михаил Аликов, Казбек Дзиев, Акберди Козырев, Мисост Кусов, Иосиф Газданов, Каурбек Бигаев, Туган Кастуев, Елисей Хадарцев, Гобце Дударов, Георгий Колиев⁶³ и многие другие.

Многие осетины показали образцы мужества и героизма, сражаясь с турками в составе Ахалцихского конно-иррегулярного полка. Среди них Николай Цховребов, Иван Засеев, Зураб Тибилов, Шамел Козаев, Яков Кундухов, Тембулат Томаев, Малхаз

⁶⁰ *Зайончковский А.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX – XX столетий. М., 1973. С. 200.

⁶¹ *Мегрелидзе Ш.В.* Закавказье в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Тбилиси, 1972. С. 21-22.

⁶² Там же. С. 150-151.

⁶³ *Санакоев М.П.* Указ. соч. С. 131.

Кокоев, Григорий Томаев, Давид Плиев, Бабе Ханикаев, Кавдин Галаванов, Михаил и Шакро Санакоевы, Антон Хетагуров, Григорий Плиев, Пидо Кокоев, Михаил Санакоев⁶⁴ и многие другие. Профессор М.П. Санакоев подчеркивает, что «две сотни южных осетин, входившие в Ахалцихский полк, отличились почти во всех сражениях. Прапорщик Яссе Газзаев из Ахалцихского полка был награжден серебряной медалью «За храбрость»». Имя Яссе Газзаева неоднократно отмечалось в приказах по Кавказской армии. В его наградном листе говорится, что более всего Газзаев обратил на себя особенное внимание своею «храбростью, доказанной им неоднократно... во время бытности его на службе в Ахалцихском конно-иррегулярном полку»⁶⁵. На кавказском направлении русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. сражались с турками 1-й и 2-й Горско-Моздокские, 1-й и 2-й Кизлярско-Гребенские, 2-й Владикавказский, 1-й и 2-й Волжские казачьи полки, где служило немало представителей Осетии. Таким образом, осетины и как милиционеры-добровольцы, и как казаки, и как солдаты и офицеры регулярных частей российской армии принимали активное участие и на Балканском, и на Кавказском театре военных действий. Следует отметить, что немало русских, украинцев, евреев и других народов также представляли Осетию, на территории которой они жили и служили в воинских частях в мирное время. Представители Осетии, служившие в различных частях российской армии демонстрировали на поле боя с турками храбрость, верность Отечеству, смелость и отвагу. Так, например, настоящим героем показал себя всадник Ахалцихского конно-иррегулярного полка Батраз Тедеев, который при переправе через Куру взял в плен турецкого офицера⁶⁶. А в кровопролитных боях за Ардаган, где русские одержали блестящую победу, героизм и мужество показали Александр Агоев, Иосиф Собиев, Петр Тинаев, Егор Бузаров и другие, которые были награждены орденами и медалями⁶⁷. Боевых орденов были также удостоены поручики Т. Козырев, А. Алданов, юнкер Е. Хадарцев, прапорщик Б. Туриев, майоры И. Кусов, И. Тхостов, есаул

⁶⁴ Там же. С. 132.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

М. Кубатиев, хорунжий К. Жукаев, сотник П. Баев, рядовые Д. Дзодзиев, Т. Кантемиров Х. Дзиев, Т. Бегиев, А. Мистулов, Г. Гулуев, Т. Чочиев, К. Санакоев, С. Дарчиев, И. Кокоев, П. Битаров, Н. Габараев, Т. Мистулов, С. Тибилев, Георгий и Габе Гайтовы и др. Таким образом, представители Осетии, принимавшие активное участие в русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг. вместе с русским и с другими народами России, внесли свой вклад в освобождение балканских народов от многовековой вассальной зависимости от Оттоманской Порты.

Русско-турецкая война 1877 – 1878 гг. имела огромное значение и для российских народов Закавказья – грузин, армян и др. Многие грузины, армяне и другие народы Южной Грузии и Западной Армении с помощью России освободились от турецкого ига.

СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

О милиции, как и о других органах государственной власти «силового блока», пишут много, охотно и разнообразно, что чрезвычайно важно в условиях демократии. Деятельность органов правопорядка является одним из центров общественного внимания в России. Такое положение дел определяется высокой социальной значимостью деятельности по обеспечению общественной безопасности, а также сохранением ряда проблем взаимодействия силовых структур и гражданского общества.

Исследование связей с общественностью органов внутренних дел с использованием средств массовой информации (СМИ) позволяет выявить эффективные методики формирования положительного имиджа сотрудника милиции. В свою очередь, это важно для повышения уровня доверия к милиции как государственному институту со стороны граждан. Решение новых задач обеспечения безопасности без содействия общественности становится все более сложной задачей, что определяет актуальность данной темы.

Краснодарский край является одним из удачных объектов исследования в силу большой численности населения и подразделений Главного управления внутренних дел, активностью процессов их взаимодействия, сложностью задач, решаемых кубанской милицией.

Рассматривая публикации по работе органов внутренних дел в печатных СМИ края, классифицируем их по следующим направлениям: уголовная хроника; статьи, посвященные раскрытию социально-значимых преступлений, такие как преступления против личности; материалы, касающиеся работы БЭП, наркотиков; освещение спецопераций («Вихрь», «Анти-террор», «Путина», «Урожай», «Курорт» и т.д.); резонансные преступления, включая те, которые были совершены за пределами Краснодар-

ского края; мероприятия, проводимые ГУВД по Краснодарскому краю (брифинги, пресс-конференции, спортивные мероприятия, профилактические материалы, включающие интервью с руководителями служб и подразделений ГУВД, критические статьи). Можно констатировать необходимость активизации ГУВД в создании информационных поводов, связанных с повседневной деятельностью его подразделений.

В настоящее время из средств массовой информации жители Краснодарского края и города Краснодара все больше узнают не только о задержании опасного преступника или пресечении деятельности организованной бандитской группы, но и процессах, которые идут в органах внутренних дел, недостатках, решаемых проблемах. В газетных и журнальных материалах, радио- и телесюжетах можно найти немало достоверных сведений о реальных результатах правоохранительной работы, о тех, чья служба «на первый взгляд как будто не видна». За этим всем стоит труд конкретных людей. Сегодня журналисты «в погонах» – именно так называют сотрудников пресс-службы УВД г. Краснодара – готовят специальные радио- и телепрограммы, газетные полосы по правоохранительной тематике, где гражданам предоставляются сведения из первых уст. В последние годы одним из основных критериев оценки деятельности органов внутренних дел считается общественное мнение. Немаловажную роль в формировании отношения граждан к милиции играют СМИ.

Чтобы правильно охарактеризовать вклад пресс-службы в выполнение задач, стоящих перед органами внутренних дел, следует вернуться на десять лет назад. Тогда авторитет милиции в обществе упал до очень низкого уровня. Скоротечные политические перемены, резкое снижение финансирования правоохранительной системы, материальное расслоение населения и другие факторы привели к тому, что резко возросла преступность, усилились негативные тенденции в самой милиции, что естественным образом отразилось на отношении к ней населения. Серьезно изменился и кадровый состав, служба в органах правопорядка утратила свою привлекательность для большинства молодых людей, практически распалась система подбора кадров, при которой трудовые коллективы направляли лучших своих представителей.

В последние годы ситуация объективно трансформируется к лучшему, одновременно изменяется отношение населения к людям в милицейской форме. В первую очередь, население оценивает конкретные результаты оперативно-служебной деятельности, видны реальные успехи органов внутренних дел в обеспечении безопасности граждан. Но довольно трудно объективно оценивать эффективность мер, принимаемых государством для защиты прав и свобод граждан, вклад той или иной службы, конкретных сотрудников, не имея полной информации, которую регулярно доносят до читателей газет, радиослушателей, телезрителей сотрудники информационных служб.

В современных условиях пресс-службы управлений внутренних дел по Краснодарскому краю и УВД г. Краснодара занимают активную позицию в вопросах взаимодействия со СМИ с целью информационного обеспечения своей деятельности. Это направление деятельности именуется как информационно-пропагандистская работа, осуществляемая с позиции наступления, активности, направленной на оперативное, всестороннее информирование граждан о деятельности ОВД с целью формирования объективного общественного мнения о работе милиции и позитивного имиджа сотрудника милиции. Рейтинг многих телепрограмм, газетно-журнальных изданий поддерживается благодаря остросюжетным детективным сообщениям. Криминальные события в силу их разнообразия, эмоциональности и непредсказуемости интересны широкой аудитории. Только на территории г. Краснодара осуществляют свою деятельность четыре местные телекомпании (ГТРК «СТС-Кубань», ГТРК «Кубань», МТРК «Краснодар +», ТРК «РБК-Кубань») и четыре представительства центральных телеканалов (Первый канал, РТР, НТВ, ТВ-Центр). Практически каждый видеосюжет сопровождается оперативной съемкой, произведенной отделением. Помимо этого все СМИ, как электронные, так и печатные, постоянно обращаются за консультативной помощью в отделы информации управлений внутренних дел. Ежедневно передается оперативная информация о положении в городе в региональные и федеральные СМИ. В печать выходит восемь краевых и городских газет. В краевом центре расположены корреспондентские пункты та-

ких изданий, как «Российская газета», «Известия», «Трибуна», «Труд», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты» и ряд других центральных изданий. Особое внимание ГУВД по Краснодарскому краю в УВД г. Краснодара уделяется организации работы по разъяснению правил приема заявлений о готовящихся или совершенных преступлениях, о порядке функционирования «Телефона доверия», ежемесячно в электронных или печатных СМИ данная информация доводится до населения.

Можно вспомнить упомянутый исторический период, когда со страниц печатных изданий, экранов телевизоров звучала исключительно критика в адрес органов внутренних дел. Обругать милицию в журналистской среде считалось хорошим тоном. Сейчас картина заметно изменилась. Все больше статей и передач посвящаются работе милиции. Появилось множество материалов, где главный герой – добросовестный и профессиональный оперативник, участковый, следователь.

Прежде всего эти изменения можно отнести к добросовестной работе сотрудников подразделений МВД России. Если нет реальных результатов в борьбе с преступностью, то создание подобных проектов не будет иметь под собой как фактурной базы, так и морально-этических оснований. Что же касается работы Отделения информации и общественных связей, то здесь начат переход к приданию системного характера работе со СМИ и общественностью. Одним из практических шагов в этом направлении стала практическая реализация Концепции развития взаимодействия Министерства внутренних дел Российской Федерации со средствами массовой информации и общественными объединениями на 2005 – 2008 годы.

Стратегической целью работы по информационному обеспечению деятельности и взаимодействию со СМИ является формирование благоприятной общественно-политической атмосферы для реализации задач, поставленных перед системой МВД России. Ее основными принципами следует рассматривать принципы государственности (приоритет общегосударственных интересов); демократичности (ориентация на общесоциальные интересы); социального партнерства (активное сотрудничество с учреждениями массовой информации, с общественностью, тес-

ный контакт с политическими, религиозными, общественными движениями, выражающими интересы различных социальных групп и слоев населения); открытости информационной политики (доступность контролю общественности); активности в процессе построения благоприятных отношений с населением.

Задачу данного направления работы можно сформулировать следующим образом: систематическое и широкомасштабное распространение информации, представляющей общественный интерес и направленной на:

- повышение правовой культуры общества, ограничение и постепенное преодоление правового нигилизма населения;
- обеспечение осведомленности населения о криминогенной ситуации и мерах, предпринимаемых системой МВД России по поддержанию правопорядка и борьбе с преступностью;
- формирование позитивного общественного мнения о деятельности органов внутренних дел и убежденности в их необходимости, профессионализме их работы, создание благоприятной социально-психологической атмосферы и позитивного имиджа системы МВД России, сотрудника органов внутренних дел;
- привлечение населения к решению оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных задач в борьбе с преступностью;
- информационное противодействие криминогенному потенциалу и негативному влиянию СМИ на общественное правосознание, опровержение диффамационных материалов и недостоверной информации.

В настоящее время реализуется несколько информационно-пропагандистских проектов, способствующих популяризации и привлечению общественности к участию в важнейших направлениях работы кубанской милиции, среди них профилактика беспорядочности, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, пресечение экономических и налоговых преступлений, создание благоприятных условий для развития малого и среднего бизнеса, участие в восстановлении мирной жизни в Чеченской Республике, укрепление безопасности дорожного движения и др.

Также активно внедряются современные информационные технологии. В частности, идет работа над созданием «Правоо-

хранительного портала Российской Федерации», ключевую роль в работе над которым играет МВД России. Всего в проекте задействованы тринадцать федеральных министерств и ведомств. В его рамках будут функционировать несколько интерактивных сервисов, позволяющих пользователям, в том числе журналистам, получать в свободном доступе сведения о найденных детях, разыскиваемых гражданах, похищенных художественных ценностях, разнообразные справочные данные.

Ежегодно проводятся совещания-семинары руководителей подразделений информации и общественных связей органов внутренних дел субъектов Российской Федерации. В них принимают участие руководители информационных подразделений органов внутренних дел и внутренних войск. Обсуждаются вопросы, с которыми приходится сталкиваться при организации информационно-пропагандистской работы, совместными усилиями вырабатываются пути их решения и основные направления дальнейшего развития информационной политики ведомства, обмениваются передовым опытом.

Тем не менее, сегодня в рейтинге доверия милиция находится на одном из последних мест среди государственных и общественных институтов. Причиной этого в первую очередь являются невнимание и равнодушие к людям со стороны некоторых сотрудников милиции, низкий профессионализм, другие недостатки. Действительно, утраченное доверие граждан возвращается крайне медленно.

Анализ деятельности ряда региональных информационных подразделений показывает, что некоторые руководители все еще видят свою задачу только в подготовке сообщений для СМИ по ежедневным сводкам, по результатам каких-либо оперативно-розыскных и профилактических мероприятий. Однако реализация этих направлений не должна ставиться во главу угла при организации информационно-пропагандистской деятельности. Эти сообщения лишь поддерживают общее информационное поле, при этом не всегда несут пропагандистскую нагрузку.

Стоит отметить, что пресс-службам управлений внутренних дел по Краснодарскому краю в целом удалось сформировать и активно поддерживать необходимое информационное наполне-

ние СМИ. Но работа по формированию системы открытости ведомства этим не ограничивается, потому что открытость в свою очередь приводит к доверию. Соответствующий уровень доверия формирует уважение. Когда будет уважение, граждане начнут стремиться всячески содействовать милиции, оказывать поддержку. Именно наличие уважения и поддержки обуславливает формирование положительного имиджа.

Известны примеры, когда через СМИ подразделение информации и общественных связей весьма эффективно сотрудничает с населением в розыске без вести пропавших людей, преступников. Не редки случаи, когда граждане, ставшие жертвами преступных посягательств, но по каким-либо причинам не сообщившие об этом в органы внутренних дел, посмотрев тот или иной сюжет по телевидению, прочитав заметку в газете, все-таки обращаются в милицию. Это позволяет принять соответствующие меры и предотвратить подобные деяния впредь. Помогают СМИ правоохранительным органам и в розыске свидетелей.

Чем конкретно могут способствовать подразделения информации и общественных связей повышению результативности оперативно-служебной деятельности? Как показывает практика, без опоры на население, на институты гражданского общества нельзя решить столь значимую задачу, как профилактика преступности. Тем более в настоящее время, когда повсеместно внедряется многоуровневая система профилактики преступлений и правонарушений. Для того чтобы она функционировала эффективно, Министерству внутренних дел и информационным подразделениям, в частности, необходимо активнее работать над привлечением общественности к участию в обеспечении правопорядка, повышением уровня правосознания и воспитанием правовой культуры у населения. Особенно – в молодежной среде.

Можно справедливо заметить, что в эфире местных каналов телевидения больше стали показывать вклад конкретных сотрудников милиции в раскрытие преступлений, появились передачи и телесюжеты профилактической направленности. Однако низкий социологический показатель уровня доверия граждан к МВД России значительно затрудняет не только проведение информационно-пропагандистской работы, но и ска-

зывается на повседневных служебных буднях.

Все это свидетельствует о том, что деятельность информационной службы управлений внутренних дел реально способствует изменению общественного мнения о милиции в положительном направлении. Однако говорить о возвращении доверия к органам внутренних дел со стороны населения преждевременно.

Основными направлениями деятельности пресс-службы являются:

- изучение общественного мнения о работе милиции;
- создание собственных телерадиопроектов;
- взаимодействие с редакциями СМИ;
- подготовка аудио-, видеоматериалов для информационных программ областных редакций ТВ и радио, актуальных сюжетов для центральных, эфирных каналов;
- подготовка собственных материалов для областных и центральных печатных изданий о деятельности милиции по борьбе с преступностью, охране общественного порядка;
- организация и проведение брифингов, пресс-конференций для журналистов с участием руководящего состава УВД, отраслевых служб;
- подготовка и проведение «линий прямой связи» руководства УВД через СМИ;
- организационное сопровождение подготовки материалов на правоохранительную тематику для СМИ;
- мониторинг Интернет-изданий и размещение материалов о милиции в сети Интернет;
- организационное сопровождение подготовки материалов на правоохранительную тематику для СМИ;
- проведение ежегодных творческих конкурсов на лучшее освещение в СМИ деятельности органов внутренних дел края.

Реализация задач информационного взаимодействия со СМИ сотрудники пресс-служб управлений внутренних дел рассматривают через призму решения проблемы создания привлекательного имиджа органов внутренних дел (имидж – образ, который наделяет объект дополнительными ценностями, ценностями, обладающими социальной значимостью и создающими специфическую социально-психологическую установку для его восприя-

тия и взаимодействия с ним), поскольку на уровне обыденного сознания существуют вполне определенные, негативно окрашенные и обладающие относительной устойчивостью стереотипы о системе МВД России. Создание имиджа системы МВД России как необходимого социального института и привлекательного образа сотрудника милиции, который является носителем ценностей не только данной организации, но и духовных ценностей общества, является приоритетным направлением деятельности.

Особенности сложившегося к настоящему моменту имиджа системы МВД России определили следующие ориентиры информационного взаимодействия: постепенное вытеснение из общественного мнения негативных оценок органов внутренних дел как структуры, обеспечивающей безопасность только политической и государственной элиты общества; нейтрализация негативных сторон имиджа системы МВД России; достижение такого качества информационного взаимодействия системы МВД с общественным мнением, которое позволит перейти от тактики «Текущей обороны» к опережающему управлению процессом формирования установок и оценок населения; преодоление преимущественно критического, сенсационно-обличительного отношения к системе МВД со стороны СМИ; снятие с ведомства «налета» идеологической структуры, перевод имиджа системы МВД в сферу правового сознания.

В качестве основы имиджа МВД пропагандируется идея о данной структуре как:

- необходимом институте государства, который востребован при любом режиме и в любое время;
- основном гаранте поддержания правопорядка в стране, контролирующем все входящие в его компетенцию сферы;
- защитнике общества, стоящем на страже установленных законов и правил.

Разработанная имиджевая программа предполагает активизацию работы по трем направлениям:

- имидж системы МВД в целом и территориального органа внутренних дел;
- имидж руководителя органа внутренних дел;
- имидж сотрудника органов внутренних дел.

Развитие имиджа органа внутренних дел связано с набором основных идей по данному направлению: «Корни роста преступности находятся вне органов внутренних дел». Культивируется идея несвязанности системы МВД с причинами роста числа преступлений. Она актуализируется в следующих тезисах: «Главная причина имеющегося роста преступности обусловлена самой сущностью переходного периода в российском обществе». Прослеживается необходимость активной демонстрации изменения структуры совершенных преступлений, акцент на то, что рост их числа приходится главным образом на новые сферы деятельности, одновременно демонстрируется мобильность служб МВД в реагировании на такие изменения; «Уровень преступности по многим показателям и ранее был весьма высок». Акцент делается на примеры, иллюстрирующие саму идею, поскольку, с одной стороны, иллюстрация конкретных примеров преступлений всегда более показательна, а интерес общественности к таким примерам велик независимо от срока давности, с другой стороны, частные примеры из прошлого никогда не должны рассматриваться как оправдание нынешних неудач; «Органы внутренних дел являются, по сути, единственной преградой росту преступности».

Необходима демонстрация решимости и способности системы МВД и конкретного органа внутренних дел бороться с преступностью, которая в настоящее время меняет свое лицо и проникает в новые сферы общества. При этом особенно активно подчеркивается социальная значимость данной деятельности. Презентация и популяризация заслуг органов внутренних дел, которые в реальности значительнее, нежели их представляют СМИ, данный способ призван изменить их оценку как несостоятельной структуры. Фокусирование общественного мнения даже не на самом факте пресечения или предупреждения противоправной деятельности, а на его общественных последствиях. Население должно понять, что подобная рутинная работа приносит большой эффект с позиции интересов рядового гражданина.

Для реализации идеи «Исторические корни современной работы органов правопорядка» предлагается максимально использовать богатый исторический опыт российских правоохра-

нительных органов, который повышает престиж системы и обосновывает тезис о ее необходимости. В конечном итоге это будет способствовать восстановлению в сознании людей образа сотрудника органов внутренних дел как представителя сильной власти, всегда стоящего на страже интересов общества и каждого гражданина. Необходимо дополнять общие экскурсы в историю архивными материалами об опыте лучших российских и советских сыщиков, наиболее громких преступлениях прошлого, методах и подходах борьбы с криминалом. Все это позволит выстроить историческую вертикаль к сегодняшней работе и подчеркнуть преемственность традиций органов внутренних дел нашей страны. Именно преемственность традиций, без некоего мифологического уклона.

Ориентация журналистов на поиск сенсационных фактов и отсутствие серьезного интереса к повседневной милицейской практике породили у населения негативно окрашенный, искаженный образ сотрудника органов внутренних дел. Предлагается существенно активизировать показ ежедневной текущей работы сотрудников различных служб и подразделений системы МВД, которая по сути своей ближе к конкретным людям и в ходе которой органы внутренних дел нередко добиваются немалых успехов. Акцент делается на распространении позитивного опыта общения граждан с представителями органов внутренних дел.

В глазах значительной части населения милиция не только неэффективно выполняет свою функцию гаранта безопасности и защитника прав гражданина, но и сама зачастую выступает нарушителем этих прав. Не вызывает сомнения, что восстановление авторитета милиции среди населения невозможно без жесткой и бескомпромиссной борьбы с нарушениями законности, преступностью и коррупцией внутри системы МВД. Отсюда и значение данного тезиса в развитии отношений милиции и населения. Исходным положением в разработке данного тезиса является положение о необходимости информационного опережения по отношению к СМИ либо своевременного реагирования при распространении информации о фактах нарушения законности сотрудниками органов внутренних дел и мерах, принятых в их отношении. Такие факты следует преподносить как единичные,

исключительные случаи, связанные с индивидуальными особенностями конкретных сотрудников.

Автор полагает необходимым формировать имидж руководителя как относительно самостоятельный элемент имиджа организации. Следует ориентироваться на то, что, во-первых, руководитель не должен восприниматься как один из многих рядовых чиновников; во-вторых, в его образе можно использовать некоторые специфические черты, которые позволят представлять его в более выигрышном свете.

Основными составляющими имиджа руководителя органа внутренних дел как фигуры, реально владеющей ситуацией и одновременно влияющей на нее, могут быть следующие черты: повседневная информационная закрытость (частое появление руководителя с комментариями текущих частных вопросов может отрицательно сказаться на его имидже); способность единолично изменять ситуацию (в неординарных ситуациях публичные действия руководителя органа внутренних дел следует выстраивать таким образом, чтобы он мог внести перелом в развитие событий); общая таинственность образа и значимость руководителя как информационного источника (достигается за счет сочетания общей закрытости с распространением некоторого объема важной информации непосредственно первым лицом органа внутренних дел).

Реализация данных составляющих во многом связана с механизмом дистанционирования во взаимоотношениях со СМИ, суть которого сводится к одному – доступность населения к получению полной информации от руководителя органа внутренних дел при ограничении степени информационной доступности конкретного журналиста к конкретному руководителю. Это обеспечит информационное взаимодействие с населением и поможет покончить с обвинениями в закрытости и пренебрежении в удовлетворении информационных запросов общества. С другой стороны, оградит систему МВД от злоупотреблений журналистов своими профессиональными правами.

Пресс-службами УВД ряда городов и районов Краснодарского края активно используются такие формы общения со СМИ, как брифинги, пресс-конференции. Регулярно проводятся опросы об-

публичного мнения, результаты исследований направляются во все милицейские службы города. Особое внимание отделения информации УВД уделяют работе с общественно-политическими, религиозными организациями, различными некоммерческими фондами и движениями, в том числе экстремистской направленности. Например, в отделении информации и общественных связей УВД Краснодара формируется единая база данных, проводится мониторинг деятельности данных организаций, что позволит своевременно прогнозировать развитие складывающейся ситуации и принимать профилактические меры.

Для работы в обычном режиме существует ряд классических форм такого общения, наиболее распространенными являются пресс-конференция, брифинг. Однако их проведение осуществляется исключительно в случаях, когда речь идет о наиболее существенных проблемах деятельности органов внутренних дел. Вопросы повседневного характера комментируются пресс-секретарем УВД. Заранее планируются темы выступлений и интервью первых лиц органа внутренних дел, исходя из задач правоохранительной деятельности, а не из интересов издания или программы. Информационным поводом таких выступлений являются достаточно значительные события, в том числе чрезвычайные, громкие преступления, вызвавшие общественный резонанс, внутренние проблемы органа внутренних дел, требующие комментария первого лица и т.д.

В информационной работе должны быть задействованы все без исключения службы и подразделения органов внутренних дел. Именно при этом условии информационно-пропагандистская работа позволит успешно решать основные задачи по формированию объективного отношения населения к деятельности ОВД и развитию положительного имиджа сотрудника милиции.

Средства массовой информации все еще распространяют материалы, способствующие формированию негативного образа сотрудника правоохранительных органов. Для исправления ситуации необходимо проводить широкомасштабные информационные кампании по пропаганде правоохранительной деятельности, содействия органам внутренних дел и активного участия общественности в обеспечении правопорядка. Разработка таких

кампаний должна осуществляться в региональных информационных отделах с учетом специфики каждого региона. В настоящее время подобные мероприятия разрабатываются в Главном Управлении Общественных связей МВД РФ, что является малоэффективным и не приносит должных результатов.

Важно отметить, что руководство МВД видит в сотрудниках подразделений информации своих надежных помощников в достижении стоящих перед органами целей и задач. Сегодня информационно-пропагандистская деятельность является одним из важнейших направлений работы всего ведомства, что является свидетельством понимания важности и значимости этого участка работы по формированию положительного имиджа министерства.

Современная Россия отличается большим количеством нерешенных социальных, экономических, культурных и демографических проблем. Продолжающийся оставаться низким уровень жизни, безработица, отсутствие уверенности в завтрашнем дне вызваны переходным состоянием российской социально-экономической системы. Только-только начав жить в условиях политической свободы, российское общество, включая многих «властителей дум», и российские власти еще не научились распознавать, где кончается свободное распространение идей и начинается экстремизм как покушение на эту самую свободу, как разрушение государственности. Для страны, где недавно слово «инакомыслие» означало репрессии, тема политического экстремизма относится к разряду политически острых, когда любое должностное лицо или политик рискует сам прослыть «экстремистом», «гонителем свободы слова»¹. В совокупности с отсутствием традиций социально ответственного поведения такое положение дел создает предпосылки для относительно высокой социально-политической нестабильности.

В течение всего 2008 г. состояние информационного поля Краснодарского края оставалось стабильным. В указанный период времени органы и подразделения внутренних дел края взаимодействовали со СМИ в режиме делового партнерства.

¹ Доклад о целях и средствах противодействия политическому экстремизму в России. М.: Фонд ИНДЕМ, 1998. С. 3.

В центральных и краевых СМИ в течение 2008 г. размещено 1523 материала (из них 690 печатных, 424 видео и 359 аудиоматериалов) по следующим направлениям работы органов внутренних дел:

- борьба с терроризмом и экстремизмом – 26;
- обеспечение личной и имущественной безопасности граждан – 114;
- обеспечение экономической безопасности – 117;
- борьба с организованной преступностью – 21;
- борьба с незаконным оборотом наркотиков – 17;
- борьба с незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ – 18;
- профилактика преступлений несовершеннолетних – 30;
- осуществление миграционной политики – 13;
- обеспечение общественного порядка – 53;
- имиджевые материалы (о сотрудниках ОВД, культурных, спортивных мероприятиях с участием сотрудников ОВД и другие) – 113;
- материалы о раскрытии преступлений общеуголовной направленности и на прочие темы – 801.

В городских и районных СМИ размещено 4473 материала о деятельности и сотрудниках органов внутренних дел Краснодарского края.

Отдел информации и общественных связей ГУВД по Краснодарскому краю осуществляет ежедневное направление информации о состоянии криминогенной обстановки, раскрытии сотрудниками милиции преступлений, зарегистрированных на территории края собственным корреспондентам информационных агентств «ИТАР-ТАСС», «Интерфакс», «РИА-Новости», редакциям центральных и краевых СМИ.

Информация о деятельности УВД, ОВД Краснодарского края еженедельно размещается на официальном сайте ГУВД края www.guvd-kuban.ru. Сайт ГУВД по Краснодарскому краю создан в марте 2007 г. Основными разделами сайта являются: кубанская милиция; мой участковый; правовой ликбез; справочник милиционера; курорт; Общественный совет; ведомственные СМИ; совет ветеранов; УВД-ОВД края. На сегодняшний день,

на наш взгляд, самыми разработанными и действующими разделами сайта являются: Общественный совет (Совет при ГУВД по Краснодарскому краю), УВД-ОВД края (освещается работа всех УВД-ОВД по Краснодарскому краю с представлением руководящего состава), кубанская милиция (раздел, в котором представляются новости по Краснодарскому краю), – данные разделы сайта ежедневно пополняются новой информацией, представляются события, происходящие как в городе Краснодаре, так и по всем регионам Краснодарского края.

В средствах массовой информации освещаются материалы, направленные как на раскрытие положительных сторон органов внутренних дел, так и зачастую не обходится без критических замечаний заинтересованных подразделений. Так, в ГУВД по Краснодарскому краю проводятся мероприятия по формированию положительного имиджа сотрудников органов внутренних дел. В целях формирования положительного имиджа органов внутренних дел Краснодарского края организовано информационное обеспечение культурно-массовых, спортивных мероприятий, проводимых ГУВД края, а также торжественных мероприятий по награждению сотрудников ОВД государственными и ведомственными наградами. В СМИ размещено 113 материалов указанной тематики.

Формированию положительного имиджа сотрудника милиции способствует выпуск телевизионных программ, в которых принимали участие сотрудники отделения по взаимодействию со СМИ ОИ и ОС ГУВД края – «Дежурная часть», «Человек года» (ГТРК «Кубань»), «Эхо недели», «Человек дня» (МТРК «Краснодар»), «Факты» (СТС «Кубань»), тематические очерки в печатных СМИ.

В Краснодарском крае ведется работа по развитию системы воспитательной работы с личным составом органов и подразделений внутренних дел. Основной целью этой программы является приведение в соответствие с требованиями времени организации работы, содержания, структуры и технологии нашей системы.

Повышение внимания со стороны милицейских коллективов к вопросам культуры, этики, включение их служебную деятель-

ность нашло положительный отклик в обществе. Необходимо найти способы и методы общения сотрудников ОВД с населением. В наше время еще имеют место факты бескультурья в общении с гражданами, невнимательности и бездушия к людям, пострадавшим от правонарушений и преступлений, низкого профессионализма, нарушения дисциплины и законности при исполнении служебных обязанностей².

Центральное место в развитии движения за крепкую служебную дисциплину, подлинный милицейский профессионализм и высокую культуру в органах внутренних дел отводится командно-начальствующему составу от руководителей ГУВД до командиров отделений, и здесь перед нами стоит задача сломать психологическую установку у многих руководителей среднего звена, принижающих свою роль в воспитании личного состава. Все начальники и командиры сами обязаны стать примером для своих подчиненных в деле повышения уровня профессионального мастерства, законности и служебной дисциплины, культуры и этики в служебной деятельности.

В своем интервью «Милицейской газете Кубани» министр Р. Нургалиев подчеркнул: «Кубанская милиция всегда отличалась своей организованностью. Положительные результаты достигаются тесным взаимодействием администрации края и непосредственно подразделениями милиции, что, естественно, отражается на стабилизации межнациональных отношений в городе и субъекте федерации в целом»³. В интервью другому изданию министр обозначил, что необходимо последовательно, задействовав все институты гражданского общества, обеспечить наступательную борьбу с организованной преступностью и коррупцией, создать непреодолимый заслон на пути терроризма и экстремизма, выбить финансовую основу всех этих явлений и разорвать их связь с незаконной миграцией⁴. По словам министра, речь идет в первую очередь о тех криминальных процессах, которые разру-

² Доклад о целях и средствах противодействия политическому экстремизму в России. С. 9.

³ Фисун А. Кубанская милиция всегда отличалась организованностью. Интервью с Р.Г. Нургалиевым // Милицейская газета Кубани. 2008. № 24 (435). 10 июля.

⁴ Интервью Рашида Нургалиева // Щит и меч. 2008. № 26 (994). 14-20 июля.

шают стабильность экономики России, нарушают спокойствие и безопасность граждан, подрывают здоровье и потенциал нации, навязывают обществу чужую идеологию. Было также отмечено, что эффективное противодействие криминалу возможно только при объединении усилий государства и гражданского общества.

СМИ участвуют в формировании установок работников милиции по отношению к межнациональным конфликтам и одновременно демонстрируют существующие в настоящее время среди работников милиции установки. Для более эффективного воздействия на общественное мнение необходимо: освещать данную проблему более детально, в том числе на конкретных примерах предотвращенных конфликтов; чаще использовать такие динамичные формы подачи материалов, как интервью с руководителями разных уровней, «круглые столы» с привлечением к обсуждению вопросов межнациональных отношений представителей других силовых структур, органов власти, общественных организаций; осуществлять в аналитических материалах сравнительный анализ различных регионов России по состоянию указанных проблем. Практическая деятельность ОВД Краснодарского края дает широкие возможности для показа в СМИ социальной значимости усилий милиции в деле минимизации рисков миграции и в профилактике межэтнических конфликтов. Для реализации этих возможностей необходима дальнейшая профессионализация и специализация подразделений по связям с общественностью в системе ОВД.

Обеспечение безопасности государства и граждан является одной из основных задач, стоящих перед правоохранительными органами и обществом в целом. Соответственно, освещение деятельности ОВД в средствах массовой коммуникации, в том числе печатных СМИ, является одним из важнейших направлений. Печатные СМИ Краснодарского края, как и других субъектов Российской Федерации, уделяют большое внимание правоохранительной тематике. Это определяется главным образом тем, что криминальная хроника поставляет большое количество фактов, вызывающих общественный интерес.

В тематике публикаций краевых СМИ о милиции могут быть выделены следующие элементы, начиная с наиболее значимых:

-
- выполнение ОВД края задач антитеррористического характера;
 - обеспечение личной и имущественной безопасности граждан;
 - обеспечение экономической безопасности;
 - борьба с организованной преступностью;
 - борьба с незаконным оборотом наркотиков;
 - борьба с незаконным оборотом оружия;
 - профилактика правонарушений несовершеннолетних;
 - меры по стабилизации миграционной ситуации;
 - рейдовые мероприятия;
 - создание положительного образа сотрудника милиции;
 - раскрытие преступлений общеуголовной направленности.

В заключение хотелось бы отметить, что, несмотря на многообразие публикаций в печатных СМИ Краснодарского края, освещающих деятельность органов внутренних дел, в прессе недостаточно материалов, направленных на формирование на основании достоверных фактов положительного имиджа сотрудника милиции в обществе. Краевое профессиональное издание «Милицейская газета Кубани» в настоящее время не является массовым и не оказывает сколько-нибудь существенного влияния на общественное мнение. Необходимо констатировать необходимость активизации ГУВД в создании информационных поводов, связанных с повседневной деятельностью его подразделений.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ В РОССИИ

Миграционные процессы являются неотъемлемой составляющей современных социальных процессов. Использование труда мигрантов из других государств, как правило, играет важную роль в экономике многих развитых стран. Вместе с тем, при перемещении людей между государствами могут быть нарушены нормы международного и внутригосударственного права соответствующих стран и в различных сферах общества нанесен ущерб. В связи с этим особое значение приобретает налаживание международного сотрудничества в области регулирования, предупреждения и пресечения незаконной миграции, а также создание продуманной миграционной стратегии на государственном уровне.

Межгосударственная миграция, являясь ресурсом экономического развития, в то же время представляет собой проблему, в решении которой особая роль принадлежит силовым государственным структурам. Бесконтрольные миграционные потоки осложняют оперативную обстановку на территории многих субъектов Российской Федерации, приводят к росту социальной напряженности, повышению криминальной активности лиц, мигрирующих на территорию России. Кроме того, наличие незаконных мигрантов на рынке труда несет в себе угрозу экономическим основам национальной безопасности страны. В результате формирования теневого рынка труда значительные финансовые потоки циркулируют вне контроля государства, не только нанося финансовый ущерб, но и создавая социальную напряженность в обществе. Очевидно, что решение миграционных проблем возможно только при организующей роли государства на всех стадиях миграционного процесса – от въезда мигрантов в Россию до их обустройства и социальной адаптации.

В связи с тем, что на сегодняшний день отсутствует официальное юридическое толкование терминов «незаконная миграция» и «незаконный мигрант», следует установить, какое содер-

жание вкладывается в эти понятия в источниках российского и международного права, а также в исследованиях, посвященных проблемам миграции.

Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности¹, говорит о незаконном ввозе мигрантов, под которым понимается обеспечение, с целью получения, прямо или косвенно, какой-либо финансовой или иной материальной выгоды, незаконного въезда в какое-либо государство-участник любого лица, которое не является его гражданином или не проживает постоянно на его территории. При этом «незаконный въезд» означает пересечение границ без соблюдения необходимых требований для законного въезда в принимающее государство. Следовательно, ввезенные таким образом лица попадают на территорию принимающего государства без его разрешения и являются незаконными мигрантами.

В Федеральной миграционной программе было дано следующее определение незаконной миграции: «незаконная миграция – это въезд в Российскую Федерацию, пребывание и выезд с ее территории иностранных граждан и лиц без гражданства с нарушением законодательства Российской Федерации, регулирующего порядок въезда, пребывания, транзитного проезда и выезда иностранных граждан, а также произвольного изменения ими своего правового положения в период нахождения на территории Российской Федерации»². Однако и это определение не является полным. По мнению автора, данным понятием должен охватываться и незаконный выезд российских граждан, поскольку в этой же программе они указаны в качестве субъектов незаконной миграции.

Г. Витковская, ссылаясь на российскую правоприменительную практику, считает незаконными (нелегальными) мигранта-

¹ Десятый Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями: Сборник документов. М., 2001. С. 478–493.

² Федеральная миграционная программа на 1998–2000 гг., утверждена Постановлением Правительства от 10.11.1997. №1414 // Комментарий законодательства о вынужденных переселенцах и беженцах. М., 1998..

ми лиц, нарушивших правила въезда на территорию страны либо правила пребывания на ее территории. К этой категории причисляют также тех, кто занимается в России незаконной (нелегальной) трудовой деятельностью³. Очевидно, что при таком подходе в одну группу оказываются включенными как сознательные нарушители закона, так и люди, оказавшиеся на нелегальном положении из-за чрезмерно усложненной процедуры регистрации, получения разрешения на работу, вида на жительство. Данное обстоятельство существенно затрудняет эффективное противодействие незаконной миграции.

Е.С. Красинец, Е.С. Кубишин, Е.В. Тюрюканова относят к незаконным мигрантам лиц, незаконно въехавших на территорию государства (пересекших границу в неположенных местах, по недействительным или поддельным документам или без таковых), незаконно пребывающих в нем (не оформленное должным образом пребывание), и лиц, ведущих нелегальную экономическую активность (в том числе совершающих «около экономические» преступления, например, торговля оружием)⁴. Представляется все же, что порядок осуществления предпринимательской и иной подобной деятельности относится к порядку пребывания в государстве.

Таким образом, незаконная (нелегальная) миграция представляет собой одну из форм территориального перемещения населения, специфика которой заключается в том, что в процессе такого перемещения или пребывания мигрантов (иностранных граждан и лиц без гражданства) в принимающем государстве нарушаются нормы международного права и (или) внутргосударственного права соответствующих стран. В частности, нарушенными могут быть нормы, устанавливающие порядок, во-первых, въезда и выезда из соответствующей страны или группы стран, в том числе визовый режим; во-вторых, пребывания на территории иностранного государства; в-третьих, порядок занятия трудовой, предпринимательской деятельностью и другие нормы.

На наш взгляд, более полным будет следующее определение.

Незаконная (внешняя) миграция – это въезд в определенную

³ *Витковская Г.* Нелегальная миграция // Отечественные записки. 2004. № 4.

⁴ *Красинец Е.С., Кубишин Е.С., Тюрюканова Е.В.* Нелегальная миграция в Россию. М., 2000. С. 29–36.

страну, пребывание на ее территории и выезд с ее территории иностранных граждан и лиц без гражданства с нарушением законодательства, регулирующего порядок въезда, пребывания, транзитного проезда и выезда иностранных граждан; произвольное изменение ими своего правового положения в период нахождения на ее территории, а также выезд с территории страны ее граждан с нарушением законодательства, регулирующего порядок их выезда.

Достаточно аргументирована точка зрения С.Е. Метелева, который выделяет такое понятие, как криминальная миграция. По его мнению, криминальная миграция – это социальное, относительно массовое, общественно опасное явление, проявляющееся в территориальном перемещении лиц в целях совершения преступлений, а также перемещение криминальных технологий⁵. Характер криминальной миграции определяет субъективный фактор: стремление совершить преступление, ряд преступлений или осуществлять преступную деятельность на профессиональной постоянной основе. Мотивы таких перемещений могут быть самыми разными. Среди них, например, корысть, месть, политические соображения, стремление расширить сферы криминального бизнеса, обеспечить собственную безнаказанность при совершении преступлений, наладить организационные связи с преступными формированиями и др. Однако криминальный мигрант сознает, что его постоянная или временная смена места жительства напрямую связана с преступной деятельностью, что он перемещается в пространстве, нарушая уголовно-правовые нормы или с намерением совершить это в скором будущем. По мнению С.Е. Метелева, не следует относить к криминальной миграции и перемещения людей, связанные с передвижением различных лиц с целью устройства на работу в более экономически развитых странах, если эти перемещения происходят по воле самих мигрантов и осуществляются самостоятельно.

Разграничение трудовой или экономической и криминальной миграции чрезвычайно важно, однако полностью согласиться с мнением исследователя нельзя, так как бесконтрольная трудовая миграция, изначально лишённая каких-либо криминальных на-

⁵ Метелев С.Е. Криминальная миграция. Омск, 1996. С. 19.

мерений, создает очевидные угрозы как в экономической, так и в социальной сферах. Кроме того, вряд ли, например, можно говорить о «некриминальном» нелегальном переходе государственной границы.

Таким образом, незаконная миграция, вне зависимости от намерений мигранта – это всегда незаконное действие. Лицо осознает, что нарушает закон, когда готовится пересекать или пересекает границу, когда отказывается вернуться или самостоятельно меняет свой правовой статус. Однако в одних случаях это нарушение связано с уголовно наказуемым деянием (тогда можно говорить о криминальной миграции). В других случаях нарушаются иные законы (например, Кодекс об административных правонарушениях).

На наш взгляд, незаконная миграция не может считаться преступлением самостоятельным. Видимо, следует утверждать, что, говоря о незаконной миграции, подразумевают преступность мигрантов либо преступления, совершаемые с использованием каналов незаконной миграции. Возможно, поэтому ни в международных, ни в российских законодательных нормативных актах до недавнего времени не было статей, содержащих объективную сторону данного состава преступления. Обычно речь шла о незаконном переходе государственной границы, торговле людьми, контрабанде товаров, подделке документов. Ситуация несколько изменилась только в последнее время. Федеральным законом от 28 декабря 2004 г. № 187-ФЗ Государственная Дума одобрила изменения и дополнения в Уголовный кодекс Российской Федерации. Были добавлена статья 322 «Организация незаконной миграции». Регулирование миграционных процессов УК РФ – важный этап в разработке миграционной стратегии государства.

Деятельность по обеспечению прав и свобод человека в России перестает быть только национальным делом и в последнее время основывается на нормах международного права. В Российской Федерации «признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией» (ч. 1 ст. 17 Конституции РФ). Признание юридически обязательной силы за нормами международного права

нашло отражение в ст. 1 УК РФ, согласно которой установление уголовной ответственности должно быть основано на «...обще-признанных принципах и нормах международного права».

Несмотря на то, что до недавнего времени Уголовный кодекс РФ специальной ответственности за незаконную миграцию прямо не устанавливал, вряд ли можно согласиться с утверждениями некоторых исследователей о том, что «современная правовая база РФ, направленная на борьбу с этим явлением, более чем ограничена». Так, для борьбы с незаконной миграцией в российском уголовном законодательстве предусмотрена ответственность в рамках таких статей УК, как ст. 322 (незаконное пересечение Государственной границы РФ), ст. 327 (подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков). Ответственности подлежат также лица, использующие заведомо подложные документы (ст. 327 ч. 3 УК РФ). В соответствии со ст. 322 УК РФ, уголовную ответственность влекут действия по пересечению Государственной границы РФ, совершенные без установленных документов и надлежащего разрешения. Ст. 322 предусматривает ответственность за создание организованной группы в целях незаконной миграции. Внесены уточнения в статью, определяющую ответственность за незаконное пересечение границы Российской Федерации. Если ранее преступлением считалось только незаконное пересечение охраняемой границы, то Федеральный закон от 04.07.2003 г. № 98-ФЗ внес изменения в УК РФ, и в настоящее время из ст. 322 исключено уточнение «охраняемой», а значит, преступлением считается незаконное пересечение границы Российской Федерации вне зависимости от того, охраняемая она или нет. Преступление считается оконченным с момента пересечения Государственной границы любым способом – пешком, с использованием транспорта, вплавь, на воздушном шаре и в любую сторону, т.е. на территорию РФ без установленных документов и надлежащего разрешения. Мотивы и цели пересечения значения не имеют, но могут учитываться как отягчающие или смягчающие обстоятельства.

Вопросы незаконной миграции регулируются также административным законодательством России. Так, в Кодексе РФ об

административных правонарушений от 30 декабря 2001 г. выделена целая глава: Административные правонарушения в области защиты Государственной границы Российской Федерации и обеспечения режима пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории Российской Федерации (гл. 18 КоАП). Ст. 18.1 устанавливает ответственность за нарушение режима Государственной границы Российской Федерации, что подразумевает нарушение правил пересечения Государственной границы РФ лицами и (или) транспортными средствами либо нарушение порядка следования таких лиц и (или) транспортных средств от Государственной границы РФ до пунктов пропуска через Государственную границу РФ и в обратном направлении. Ст. 18.8 регламентирует нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства режима пребывания в РФ, т.е. несоблюдение установленного порядка регистрации либо передвижения или порядка выбора места жительства, уклонение от выезда из Российской Федерации по истечении определенного срока пребывания, а равно несоблюдение правил транзитного проезда через территорию РФ.

Согласно ст. 18.9, ответственности подлежит должностное лицо организации (независимо от формы собственности), принимающей в Российской Федерации иностранного гражданина или лицо без гражданства, обеспечивающей их обслуживание или выполняющей обязанности, связанные с соблюдением условий пребывания в Российской Федерации и транзитного проезда через территорию Российской Федерации иностранных граждан или лиц без гражданства, за нарушение установленного порядка их регистрации, оформления документов на право их пребывания, проживания, передвижения, изменения места жительства в Российской Федерации и выезда за ее пределы.

Помимо этого в КоАП РФ 2001 г. появились некоторые новые статьи, которые могут использоваться для борьбы с незаконной миграцией. Например, ст. 18.10 устанавливает ответственность за нарушение правил привлечения и использования в Российской Федерации иностранной рабочей силы. В новой редакции ст. 18.11 и 18.12 расширяются основания привлечения к ответственности за нарушение иммиграционных правил, а также на-

рушение беженцем или вынужденным переселенцем правил проживания в Российской Федерации. Ст. 18.14 дополнена ч. 2, устанавливающей ответственность транспортной или иной организации, осуществляющей международные перевозки, за доставку в Российскую Федерацию иностранного гражданина или лица без гражданства без установленных документов на право въезда в Российскую Федерацию.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что несмотря на разнообразие возможных негативных последствий незаконной миграции, это явление может иметь и существенный положительный эффект для принимающего государства, прежде всего для его экономики. Занятость мигрантов на рынке труда в областях, в которых по тем или иным причинам граждане страны предпочитают не работать, может оказать существенное положительное воздействие на социальную ситуацию. Однако такие выгоды могут быть скорее получены тогда, когда нелегальный мигрант приобретет законные возможности для занятия экономической деятельностью. Возможность легализовать мигрантам свой статус в порядке и на условиях, определяемых компетентными органами государства, появилась с принятием Федерального закона от 18.07.2006 г. № 109 ФЗ (ред. от 01.12.2007 г.) «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ», направленного на упрощение порядка пребывания мигрантов на территории России. Вместе с тем, до сегодняшнего дня регистрация остается долгим и сложным процессом, который является основной причиной роста числа незарегистрированных мигрантов и, как следствие, потери контроля над массовыми перемещениями и снижения управляемости процессами миграции. Кроме того, существующие барьеры порождают и поддерживают коррупционный климат, начиная с мелкого вымогательства на местах и заканчивая крупными «сделками» с работодателями, которым выгоден нелегальный труд.

Следовательно, процедура регистрации по месту жительства должна быть максимально упрощена и сведена к той форме, когда мигрантам будет проще, если речь идет о потенциальных гражданах, и выгоднее в случае экономических мигрантов зарегистрировать свое пребывание, чем не регистрировать. Наряду

с этим необходимо ужесточение мер, предъявляемых к нарушителям порядка регистрации, в том числе повышение ответственности работодателей за привлечение к труду нелегальных мигрантов.

Что касается конкретных мероприятий, направленных на борьбу с незаконной миграцией, то прежде всего хотелось бы еще раз отметить, что добиться положительных результатов возможно только при комплексном подходе к этой сложной проблеме. Наиболее важными направлениями деятельности, на наш взгляд, являются:

- мероприятия, направленные на улучшение качества мониторинга миграционной ситуации в целом по стране и в отдельных субъектах Федерации в частности. При этом в ходе мониторинга необходимо отслеживать не только количественный состав, но также этническую и конфессиональную принадлежность мигрантов;

- сокращение протяженности неохраняемых границ Российской Федерации;

- обустройство дополнительных пунктов иммиграционного контроля;

- проведение контрольных мероприятий на предприятиях преимущественно тех сфер деятельности, в которых традиционно широко используется труд незаконных мигрантов;

- проведение мероприятий по борьбе с коррупцией в сфере регулирования миграции.

ВОЕННО-СЛУЖИЛАЯ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ
ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА :
ИСТОРИКО-РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Казачество – это исторически сложившаяся социальная группа, которая не может быть рассмотрена только как результат социально-экономических отношений российского общества. Значительную роль в истории донского казачества всегда играл военный фактор развития, делая военно-корпоративные отношения существенным элементом казачьей повседневности. Казачья военная корпорация постоянно продуцировала себя саму, и, не уничтожив ее носителей, нельзя было прекратить существование этой корпорации, любое ограничение только подспудно рождало желание вернуться к традиционным военным занятиям. Стирание же социальной памяти о традиционном образе жизни не происходит одномоментно, чего так и не поняли большевиком-коллективизаторы, пытаясь казаков превратить в советских колхозников. Тяга донских казаков к военной службе сохранилась и до настоящего времени. Сегодня общая численность казаков Войска Донского, не считая членов их семей, составляет около 140 тыс. казаков.

В пределах своей компетенции ныне действующие войсковые структуры успешно решают в регионе вопросы охраны общественной безопасности, культурного наследия, значимых объектов инфраструктуры области, рыбоохраны, егерской службы.

Совокупность вопросов функционирования казачьих формирований в настоящее время является действительно значимой с научной и практической точек зрения проблемой. Естественно, немаловажным сюжетом сегодня остается вопрос о военно-служилой деятельности казачества. Мы стремимся в настоящей работе обстоятельно проанализировать социально-политический механизм выбора оптимальной модели деятельности современного казачества в региональном политическом процессе и ответить на вопрос: какие сферы деятельности донского казачества отвечают его архетипическим чертам как военной корпорации?

Важно понять, является ли качественной сознательная самоидентификация, проводимая современными казаками (и прежде всего донскими), с военно-служебными отношениями, и не относится ли она исключительно к разряду вероятностных мифознаковых пожеланий?! Конечно же, возрождение казачества в южнороссийских регионах постсоветской России является ответом на современные социально-политические вызовы, но надо отчетливо понимать: казачество имеет качественно иную, чем 100 лет назад, социальную базу и идентичность, социальные практики и правовые нормы деятельности. Исследование военно-политической роли современного казачества помогает решить важную теоретическую проблему – соотношение традиций и инноваций в казачьих регионах России.

5 декабря 2005 г. Президентом Российской Федерации был подписан Федеральный закон № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества». В нем подчеркивается, что «российское казачество в установленном порядке» организует «вневойсковую подготовку членов казачьих обществ во время их пребывания в запасе».

Начнем с того, что в связи с недавними событиями в Южной Осетии началось формирование 429-го отдельного казачьего полка. Зачисление в состав полка велось через военкоматы по месту жительства. ВКО ВВД в своей мобилизационной работе ориентируется прежде всего на тех казаков, которые прошли горячие точки, служили в армии и служили достойно. При этом речь идет не о всеобщей мобилизации, а личном желании стать на защиту братского народа и России в целом.

Безусловно, что Федеральный Закон «О государственной службе российского казачества» обеспечивает законодательную базу для организации военной службы казачества. На наших глазах сегодня отрабатывается социально-политический механизм реализации этого закона. Основной проблемой здесь является сочетание непосредственной военной службы и службы в резерве Вооруженных сил РФ. Причем, казаки формирования не выступают в качестве самостоятельной военной структуры. Они вписываются в ныне действующую военную организацию страны. В этом плане уже существует положительный опыт функ-

ционирования Буденновской моторизованной бригады с тремя батальонами, где целенаправленно несут службу донские, кубанские и терские казаки.

Военно-мобилизационный ресурс донского казачества сегодня формируется целенаправленно и достаточно активно, начиная с развернутой военной подготовки казачьей молодежи. Ныне существуют казачьи кадетские корпуса, которые осуществляют и довольно успешно военную подготовку. В Ростовской области насчитывается 6 таких корпусов, это Аксайский Данилы Ефремова казачий кадетский корпус (п. Рассвет Аксайского района), Белокалитвинский Матвея Платова кадетский корпус (пос. Заречный Белокалитвинского района), Морозовский кадетский корпус (г. Морозовск), Донской Императора Александра III кадетский корпус (г. Новочеркасск), Второй Донской Императора Николая II кадетский корпус (г. Ростов-на-Дону), Шахтинский кадетский корпус (пос. Аютинский г. Шахты). Еще два кадетских корпуса функционируют в Волгоградской области.

В 6 казачьих кадетских образовательных учреждениях, находящихся в ведении департамента по делам казачества и кадетских учебных заведений Администрации Ростовской области, в 2007 г. обучалась 1640 кадет, среди которых 94 детей-сирот и опекаемых, 558 детей из неполных семей, 577 – из малообеспеченных семей, 202 ребенка из неблагополучных семей. Кадетские корпуса, тем самым, заняли свою образовательную нишу в системе народного образования Ростовской области. Сегодня отношение к кадетским корпусам совершенно иное, нежели в 1991 г., когда появился Донской Императора Александра III кадетский корпус (г. Новочеркасск). Тогда это воспринималось как эксперимент, как некий эксклюзив, как видение из довольно позабытого прошлого, перспективы которого весьма призрачны и туманны. Первые рождественские балы кадетов в Крытом дворе Новочеркасского политехнического института были как возрождение мечты.

Первый урок истории казачества для первых российских кадет провел активный участник Великой Отечественной войны, ветеран 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса, потомственный казак, полковник Олег Николаевич

Лобов. Вначале это были занятия в выходные дни. На занятиях ребята изучали Закон Божий, историю государства Российского, историю родного края и казачества, курс военного разведчика и т.д. Не забывали о строевой и физической подготовке, о правилах хорошего тона. Воспитанники посещали воинские части в Новочеркасске, знакомились с бытом солдат, боевой техникой и т.д.

Первые годы возрождающийся Донской кадетский корпус (директор Георгий Вячеславович Писарев) действовал на энтузиазме бесплатно работающих преподавателей и воспитателей, при отсутствии собственной учебной и материальной базы. И, как нередко бывает в реальной жизни, возрождающийся Донской корпус вначале заметили и поддержали за рубежом, а затем уже в России. Первым откликнулся на возрождение Донского корпуса его бывший воспитанник Алексей Михайлович Ермаков, Председатель Центра кадетской связи объединения кадетских корпусов за рубежом. Так начиналась история возрожденных казачьих кадетских корпусов в современной России.

Сегодня – это уже выверенный образовательный процесс, имеющий знаковые результаты. К апрелю 2009 г. численность кадетов перевалила за 3000 человек. Свыше 95 % выпускников казачьих кадетских корпусов продолжают свое образование в самых престижных вузах страны, из них ежегодно более 70 % поступает в высшие военные учебные заведения и около 30 % – в гражданские вузы. Кадетские корпуса прочно заняли свой сегмент общественной жизни, с которым ассоциируются положительные социальные настроения в отношении возрождения донского казачества.

Позитивная общественная атмосфера непосредственно влияет на общественную ценность кадетского образования. Намечилась отчетливая тенденция повышения социального спроса на казачье кадетское образование. На одно свободное место в кадетский корпус подается более 20 заявлений от претендентов. И это ни у кого не вызывает никакого удивления, как бывало прежде. В казачьих кадетских корпусах сегодня дают качественное среднее общее и профессиональное образование, помноженное на коллективную сплоченность, воспитание гражданской ответственности и личностной целостности. Говоря обыденным языком, из

неуклюжего подростка в казачьем кадетском корпусе «человека делают».

Как и в дореволюционные годы, сегодня главная цель Донского Императора Александра III кадетского корпуса (г. Новочеркасск) – подготовка к будущей службе Отечеству на военном и гражданском поприще так, чтобы выпускники жили по принципу: «Жизнь – Родине, честь – никому». Здесь у маленьких казачат все, как во взрослой жизни. У воспитанников корпуса, как и у их предков-казаков, есть право выбирать на кадетском круге выкриками «Любо!» своего атамана и его помощников. Учатся здесь в основном дети военных и казаков. Почти половина из них – местные, остальные приехали в Новочеркасск из разных уголков страны.

В Ростовской области казачьи кадетские образовательные учреждения доказали свою эффективность в решении проблем безнадзорности и профилактики правонарушений среди несовершеннолетних. Эта очень важная социальная функция казачьих кадетских образовательных учреждений была отмечена на заседании Государственного совета Российской Федерации, которое проходило в г. Ростове-на-Дону 29 июня 2007 г. Казачата со сложной человеческой судьбой нуждаются в постоянной социальной поддержке и помощи. Казачье заступничество и государственное финансирование кадетских образовательных учреждений позволяет, тем самым, решать не только образовательные проблемы, но и обеспечивать благополучную жизненную перспективу для сотен детей, будущее которых становится гораздо более предсказуемым. Каждый кадет получает не только казачью военную выправку, но и твердую жизненную позицию, что его в беде не оставят, что он сможет в своей стране реализовать как воин, как профессионал, как человек. Именно это и придает социальный динамизм казачьим кадетским корпусам.

Конечно же, открытие казачьих кадетских корпусов требует соответствующих и немалых финансовых затрат. Однако если содержание 1 кадета в год обходится государственному бюджету в 98,3 тыс. руб., лечение 1 подростка, страдающего от наркологической зависимости – 192,3 тыс. руб. в год, а содержание одного обучающегося в специальном учебно-воспитательном учрежде-

нии для детей и подростков с общественно-опасным (девиантным) поведением более 326,7 тыс. руб. в год. Тем самым, финансовое обеспечение содержания одного подростка с общественно-опасным поведением в год превосходит годовое содержание трех кадет. Казалось бы, произведенные подсчеты свидетельствуют в пользу развития казачьих кадетских корпусов, но проблем здесь хватает.

Из трех кадет, как показывает статистика, два, непременно, избирают профессию «Родину защищать», а третий поступает в высшее учебное заведение, чтобы проявить себя служению Отечеству на гражданском поприще. Как дальше складывается их судьба?! Не во всех случаях на этот вопрос есть ответы. Вопрос интеграции бывших кадетов в донские казачьи сообщества и/или поддержание связи между двумя сторонами пока остается открытым.

Тем не менее, большая социальная значимость и осязаемые результаты деятельности казачьих кадетских корпусов не вызывают сомнений. Это еще раз было подтверждено в ходе посещения в начале 2008 г. Президентом РФ В.В. Путиным и избранным Президентом РФ Д.А. Медведевым государственного общеобразовательного учреждения Ростовской области – кадетской школы-интерната «Аксайский Данилы Ефремова казачий кадетский корпус». На примере этого казачьего кадетского корпуса видно, как в Ростовской области разворачивается достаточно знаковый эксперимент по внедрению кадетского образования в систему начального профессионального образования. С 2009 г. казачьи кадетские корпуса будут соревноваться за получение переходящего знамени Президента Российской Федерации, которое будет вручаться лидирующему казачьему кадетскому корпусу.

Благодаря целенаправленной политике Администрации Ростовской области и правления Всевеликого Войска Донского, сложилась и успешно развивается цельная система казачьего образования. Она в начале 2008 г. включала в себя 157 учреждений (6 казачьих кадетских корпусов, 6 казачьих кадетских профессиональных училищ, 105 муниципальных общеобразовательных учреждений с областным статусом «казачьи», 15 казачьих центров дополнительного образования, 24 казачьих детских сада и

одно государственное образовательное учреждение начального профессионального образования). Общая численность обучающихся в казачьих образовательных учреждениях составила более 28 тыс. человек. Причем, количество казачьих образовательных учреждений постоянно растет. К апрелю 2009 г. оно достигло 170 учреждений, и это, очевидно, не предел.

Краеугольным камнем у основания этой системы казачьего образования является использование в учебно-воспитательном процессе культурно-исторических традиций донского казачества и региональных особенностей Донского края, основанных на военно-патриотическом, физическом, духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения, подготовке молодежи к служению Отечеству. Скажем, в учебные программы казачьих кадетских корпусов ныне включено 7 специальных дисциплин, выходящих за рамки общеобразовательного цикла. В их числе: история и культура донского казачества и закон Божий.

В развитии системы казачьего образования наметилось две существенные тенденции. Во-первых, она шагнула в детские сады, где приучение детей к определенным половозрастным ролям является одной из существенных сторон дошкольного воспитания. В игровой форме дети усваивают мальчишескую роль «родину защищать и девочек не обижать», а для девочек привычной становится мысль содержать свое жилище в чистоте и порядке и маме помогать в домашних делах. Во-вторых, появление казачьих профессионально-технических училищ, развитие дополнительной профессиональной подготовки в казачьих кадетских корпусах позволяет ориентировать подростков и юношей на получение профессиональной подготовки, когда окончание казачьего образовательного учреждения предоставляет стартовый профессиональный капитал на трудоустройство. При этом военная составляющая остается как одна из реальных жизненных перспектив.

Казачьи общества ведут подготовку к военной службе призывников и организуют их военно-патриотическое воспитание. На территории Ростовской области организовано уже семь казачьих молодежных центров военно-патриотического воспитания молодежи. Например, в Новочеркасском казачьем округе ВКО

ВВД действует молодежный клуб «Донцы», где сотни будущих призывников нашли себе дело по душе.

Благодаря реализации мероприятий Областной целевой программы поддержки казачьих обществ на 2007 – 2011 гг., в 2007 г. передан компьютерный класс в государственное общеобразовательное учреждение Ростовской области кадетскую школу-интернат «Шахтинский Я.П. Бакланова казачий кадетский корпус». В этом казачьем кадетском корпусе значительно пополнен учебно-методической и художественной литературой библиотечный фонд, приобретены казачья форма, спортивная форма, сценические и парадные костюмы, учебные кабинеты оснащаются техническими средствами обучения и наглядными пособиями. Так, еще один кадетский корпус на Дону получил необходимый импульс для развития.

Оснащение спортивным инвентарем и формой казачьих образовательных учреждений позволило увеличить количество учащихся, регулярно занимающихся спортом, и поднять на более высокий уровень их физическую подготовку и спортивные результаты, что подтверждается итогами выступлений учащихся и кадетов в соревнованиях Южного федерального округа и во Всероссийских соревнованиях. В казачьих кадетских корпусах развиваются такие виды спорта, как бокс, казачий рукопашный бой, кик-боксинг, парашютная и конная подготовки, плавание и др.

Всего в мероприятиях, предусмотренных целевой программой поддержки казачьих обществ на 2007 – 2011 гг., в 2007 г. приняли участие около 26 тыс. подростков и детей. Количество участников мероприятий выросло более чем на 2 тыс. человек за счет увеличения числа учащихся государственных и муниципальных общеобразовательных учреждений, реализующих в своей деятельности региональный казачий компонент. Так, постепенно наращивается потенциал военно-служебной активности казачьих обществ, привлекающих к себе молодежь.

ВКО ВВД в рамках программы по военно-патриотическому воспитанию молодежи постоянно проводятся турниры по кик-боксингу, дзюдо, вольной борьбе, рукопашному бою и другим видам спорта. Особо следует выделить спортивные мероприятия среди воспитанников казачьих кадетских корпусов, которые

с каждым годом охватывают все большее количество учащихся. Так, организован постоянно действующий турнир по футболу на приз Войскового атамана среди казачьих кадетских корпусов. В нем ежегодно принимают участие не менее 300 воспитанников кадетских корпусов Ростовской области.

Конечно же, казачество сложно представить без кавалерийской выучки. Эта казачья военно-спортивная традиция сохраняется и в наши дни. Здесь приходится решать массу вопросов. В частности, нужны автомобили-коневозы, надо содержать конюшни, иметь седла и другую амуницию, не говоря о подготовке самих всадников. Тем не менее, ежегодно проходят конноспортивные соревнования, одни из которых приурочены к Всероссийскому фестивалю «Шолоховская весна».

Участниками конноспортивных соревнований являются прежде всего дружинники конных взводов муниципальных казачьих дружин.

Однако пока еще не осуществляется целенаправленно подготовка казачьих офицеров, не сложилось специализированных структур для прохождения службы в резерве, хотя функционируют более сотни муниципальных казачьих дружин, осуществляющих охрану общественного порядка. Существует оргнабор из числа призывников Ростовской и Волгоградской областей в Президентский полк. Все это – отдельные сюжеты одно и того же явления современной действительности. Тем не менее, все эти элементы пока не завязаны в общую систему государственной военной службы казачества. Думается, в системе подготовки казачьих офицеров могли бы сыграть свою роль военно-учебные центры при высших учебных заведениях Ростовской области, которые готовят офицерские кадры. Такую социально полезную ношу мог бы взять на себя военный факультет (институт) Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Однако многолетнее обсуждение этого вопроса пока ни к чему не привело. А ведь можно было организовать в Новочеркасске на этой базе казачий учебный полк (эскадрон, сотню) для подготовки казаков к службе в казачьих муниципальных дружинах. Тем более, если бы удалось сложить усилия с Донским Императора Александра

III кадетским корпусом, которому надо развивать свою конно-спортивную базу, тогда связь поколений и военно-служебных отношений стала бы ощутимее.

Первые попытки несения донскими казаками государственной службы были предприняты еще в 1991 г. Тогда для обеспечения правового статуса казачьих дружин по охране общественного порядка исполкомом Ростовского областного совета народных депутатов было принято решение от 27 августа 1991 г. «О создании добровольных казачьих дружин по охране общественного порядка». Однако общественный характер работы дружинников не позволял в полной степени использовать потенциал казачества. Со временем в Ростовской области был принят закон от 29.09.1999 г. № 47-ЗС «О муниципальных казачьих дружинах». Этот областной закон положил начало систематической работе донских казаков в части обеспечения общественного порядка.

Сегодня это направление деятельности вписывается в рамки областной целевой программы поддержки казачьих обществ на 2007 – 2011 гг., где четко прописаны мероприятия по обеспечению несения государственной и иной службы казачьими обществами. Областная программа включает в себя целевые расходы, направленные на содержание муниципальных казачьих дружин (МКД), а также на реализацию мероприятий, связанных с конкретной деятельностью МКД. Общий объем финансирования в 2007 г. составил 95987,1 тыс. руб., в том числе расходы на содержание МКД – 94693,7 тыс. руб., участие дружинников в ежегодном губернаторском смотре – 196,4 тыс. руб., проведение весенних и осенних учебно-полевых сборов МКД – 1097 тыс. руб. Тем самым, деятельность муниципальных казачьих дружин является достаточно продуманным и обеспеченным направлением деятельности казачьих обществ.

О высокой степени организованности свидетельствуют регулярные учебно-полевые сборы муниципальных казачьих дружин. На этих, ставших уже традиционными, военизированных мероприятиях происходит обучение порядку организации несения службы МКД по охране общественного порядка. Казаки отрабатывают специальные навыки и умения в целях обеспечения защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан, а также охраны

различных форм собственности, интересов личности, общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств. Дружинники учатся профессиональным приемам работы в рамках действующего российского законодательства, чтобы выполнять свои функции на благо всех донских жителей. В частности, в учебно-полевых сборах 2007 г. приняло участие более 430 дружинников муниципальных казачьих дружин. При этом интерес к учебно-полевым сборам МКД постоянно растет.

О значимости деятельности муниципальных казачьих дружин по охране общественного порядка свидетельствует тот факт, что участие в военно-полевых сборах принимают представители ГУВД, прокуратур и Управления Федеральной службы наркоконтроля. На таких совместных мероприятиях рассматривается широкий спектр вопросов по взаимодействию членов муниципальных казачьих дружин с силовыми ведомствами. Причем, проводятся не только теоретические занятия, но и спортивные соревнования по казачьему многоборью.

Муниципальные казачьи дружины уже вписались в систему правоохранительных органов донского региона. На них возлагаются немалые надежды властными структурами, которые оказывают МКД всемерную помощь. Так, при поддержке Администрации Ростовской области личный состав муниципальных казачьих дружин полностью обеспечен летней и зимней полевой форменной одеждой. С другой стороны, работа МКД контролируется на самом высоком уровне. Проводится ежегодный губернаторский смотр 14 октября в г. Новочеркасске, причем в нем принимают участие более 1000 дружинников МКД.

Сегодня работа муниципальных казачьих дружин организована в 54 муниципальных образованиях Ростовской области. Общая численность казаков в МКД достигает 1208 человек. Выполнение обязанностей по охране общественного порядка часть казаков осуществляет в традиционной форме на лошадях. В свое время в большинстве российских городов такие же обязанности выполняли особые казачьи сотни. Ныне в восьми городах и районах Ростовской области несут службу 8 конных взводов МКД, общая численность которых составляет 145 человек.

Для повышения правового уровня дружинников проходят

ежемесячные семинары-совещания, регулярно проводятся совещания с командирами МКД. Руководители правоохранительных органов, прокуратуры, ФСБ и других структур серьезно относятся к работе с муниципальными казачьими дружинами. Разработаны и применяются в работе «Памятка казака-дружинника», методическое пособие «Организация работы МКД по охране общественного порядка», методические рекомендации по проведению совместных с правоохранительными органами рейдовых мероприятий, взаимодействию с органом наркоконтроля.

Дружинники муниципальных казачих дружин участвуют в рейдах и спецмероприятиях по выявлению и изъятию оружия, боеприпасов, наркотических веществ, выявлению притонов, по предупреждению рецидивной преступности, в подворных и поквартирных обходах в населенных пунктах с целью регламентации режима пребывания иностранцев и вынужденных переселенцев-беженцев, неблагополучных семей, мест концентрации антиобщественного элемента.

Военно-служебная интенциональность донского казачества нашла свое отражение и в подходе самого государства к месту казаков в решении общегосударственных задач. Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 апреля 1994 г. № 355 была утверждена Концепция государственной политики по отношению к казачеству. Концепция провозгласила возрождение государственной службы казачества, определила ее виды и формы:

- служба в Вооруженных Силах Российской Федерации; служба по охране государственной границы;
- таможенная служба;
- служба в оперативных частях Внутренних войск МВД России;
- служба по охране общественного порядка;
- охранный служба по сопровождению грузов и объектов государственного и важного народно-хозяйственного значения;
- егерская и иная природоохранная служба.

В рамках определенных государством приоритетов постепенно налаживается взаимодействие казачества с различными федеральными и региональными структурами. Сегодня успешно действует областная казачья экологическая дружина. Организована

охрана лесных угодий и рыбоохрана. Более 30 тыс. гектаров земли в области передано в целевой земельный фонд для предоставления земель казачьим обществам. Для юридического обеспечения несения государственной и иной службы казачества ВКО ВВД заключены соглашения с рядом федеральных и региональных ведомств. В частности, договоренности существуют с Министерством РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий; Федеральным агентством лесного хозяйства; Министерством внутренних дел РФ; Федеральным агентством водных ресурсов; Федеральной службой по технологическому и экологическому надзору.

Договорные обязательства связывают сегодня ВКО «Всевиликое Войско Донское» с управлением Федеральной почтовой службы области, Ростовстатом, агентством лесного хозяйства, с областными военкоматами, областными организациями РОСТО. Не первый год действуют ежегодно обновляемые договоры между казачьими округами ВКО ВВД и лесхозами. Поле деятельности практически для всех казачьих округов в этом направлении весьма обширное: например, из 21 лесхоза Ростовской области договоры заключены только с 11. Здесь еще многое предстоит сделать, чтобы вклад казаков был настолько же ощутим, как и в случае с МКД по охране общественного порядка.

Работа по призыву и прохождению военной службы молодыми казаками строится на основании договоров между ВКО ВВД, штабом СКВО и военного комиссариата Ростовской области. Из донских казаков комплектуются 22-я отдельная бригада спецназа и отдельный мотострелковый батальон 205 Мотострелковой бригады Северо-Кавказского военного округа. Донские казаки также служат на больших десантных кораблях Черноморского Флота «Азов» и «Новочеркасск». Целенаправленно призываются выходцы Дона в подразделения Президентского полка службы коменданта Московского Кремля Федеральной службы охраны России.

Казачьими обществами поддерживается постоянная связь с призванными на службу казаками. ВКО ВВД осуществляют посещения казачьих подразделений, целью которых является укрепление шефских связей, организация встреч родственни-

ков с солдатами. Проводятся также встречи с командованием частей. Такая практика работы казачьих структур стала уже традиционной.

Военно-служебная деятельность донских казачьих обществ полностью вписывается в рамки действующего российского законодательства. Ст. 5 п. 2 Федерального закона «О государственной службе российского казачества» гласит: «Российское казачество проходит военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских (специальных) формированиях и органах в соответствии с федеральным законодательством. Для прохождения военной службы российское казачество направляется, как правило, в соединения и воинские части Вооруженных Сил Российской Федерации, которым присвоены традиционные казачьи наименования, во внутренние войска Министерства внутренних дел Российской Федерации, в пограничные органы». Однако, п. 4.1 той же ст. 5 Федерального закона определяет в качестве одной из первоочередных обязанностей казачьих организаций «содействие государственным органам в организации и ведении воинского учета членов казачьих обществ, организует военно-патриотическое воспитание призывников, их подготовку к военной службе и вневоинскую подготовку членов казачьих обществ во время их пребывания в запасе».

В данном случае прежде всего имеется в виду та часть казаков, относящихся к категории военнообязанных в запасе, которых, в сущности, уже можно рассматривать в составе Всевеликого войска Донского как резерв Вооруженных Сил РФ. Потребность в обученном резерве по видам войск в границах военных округов не вызывает сомнения. Резерв формируется в мирное время из военнообязанных, отслуживших установленный срок в армии, и предназначен для быстрого мобилизационного развертывания на случай войны.

Сегодня проблемой продолжает оставаться слабая мобилизационная готовность гражданского населения военнообязанных возрастов. Не касаясь причин такого положения с мобилизационной готовностью обычного населения, следует отметить, что у казаков такая готовность выше. Казаки – это самый организованный по военному образу мобилизационный состав населения в

районах их компактного проживания. Казаки спаяны принципами братства и патриотизма, обмундированы в единую военную форму, введено ношение характерных погон, знаков различия, введены звания (чины) и с учетом специфики казачьих организаций казаки являются наиболее организованными для подготовки и состояния в резерве постоянной и мобилизационной готовности. К тому же донские казачьи общества имеют отлаженную структуру повседневного управления (штабы, станичные и хуторские правления, штатный состав офицеров и т.д.). Это позволяет с объявлением государственными органами военного (чрезвычайного) положения оказывать помощь военным комиссариатам в проведении мобилизации и в короткие сроки от мобилизовать самих казаков в воинские части Вооруженных Сил РФ.

Так что для государства казаки могут стать самым надежным и организованным территориальным резервом усиления войск в период их мобилизационного развертывания в любом регионе, где возникнет со стороны международного терроризма угроза безопасности России. Поэтому, состояние в резерве могло бы быть полнокровным видом государственной службы, осуществляемой в составе государственных военных структур. Все, что связано с предполагаемым видом деятельности казаков, должно быть определено российским законодательством. В этой связи, кроме закона «О государственной службе российского казачества», еще потребуется внесение дополнений о казачестве в Федеральные законы «Об обороне» и «О воинской обязанности и военной службе».

Одним словом, чтобы государственная служба казаков состоялась в полном объеме, необходимо подготовить и внести конкретные предложения по дополнениям в действующее военное законодательство РФ, касающиеся казачества. Сама идея о государственной службе в резерве может быть реализована и по отдельным принимаемым Положениям в рамках названных законов, где был бы четко прописан порядок прохождения казаками службы, в том числе в резерве.

Тем самым, совмещая гражданскую трудовую деятельность с военной подготовкой, казаки-резервисты находятся в состоянии периодического выполнения военно-служебных обязанностей и

всегда в режиме постоянной готовности к от мобилизации в воинские части по предназначению или в случае стихийных бедствий. С другой стороны, приведение в систему государственной военной службы казачества способно повлиять на упрочение кадрового потенциала Вооруженных Сил РФ и усиление их боеготовности к защите нашего государства.

Итак, военно-служебная деятельность донского казачества в настоящее время опирается на военные традиции, строится строго в соответствии с действующим российским законодательством, имеет целый ряд специфических сфер для своей реализации, приобретает ясную системную направленность и служит задачам упрочения российской государственности. Система казачьего образования в Ростовской области постепенно восстанавливает живительную связь поколений и исторических времен, что делает возрождение донского казачества вполне осязаемым историческим процессом. В целом конструктивная деятельность казачьих организаций способствует формированию будущего потенциала и укреплению настоящих позиций в региональном сообществе донского казачества. Об этом свидетельствует и широко развернутая работа с казачьей молодежью. Расширение возможностей для реального приложения сил казачьими обществами дает гарантии для стабилизации движения за возрождение казачества и делает этот процесс необратимым. Признание за казаками современным российским государством своего достойного места остро ставит задачу развития военно-служебных отношений во взаимоприемлемых вариантах. Казачество однозначно поддержано в плане формирования вертикальных структур управления вплоть до Президента РФ, ношения единой традиционной военной формы, выполнения обязанностей государственной и муниципальной службы. Эти сюжеты вполне вписываются в исторически существовавшие военные традиции казачества. Тем самым, военно-служебная интенциональность казачества получает желаемый и достойный импульс для своего развития на благо современного российского государства, в интересах укрепляющегося гражданского общества. Причем, одним из ведущих локомотивов этого процесса сегодня становятся донские казаки.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ РОССИЙСКОГО
ОБЩЕСТВА И СОЦИАЛЬНО-МОБИЛЬНЫЕ
РЕСУРСЫ СЕМЬИ ОФИЦЕРА

Развитие российского общества характеризуется доминированием процесса социальной дезинтеграции, становлением новых социальных групп и упадком позиций традиционных социально-профессиональных слоев. Российский исследователь М.Ф. Черныш подчеркивает, что социальная мобильность связана с возможностями доступа к власти, а также материальным ресурсам. Ему принадлежит мысль о том, что военнослужащие являются группой, которой присуща восходящая мобильность. Однако для подавляющего большинства из них годы реформ были годами тяжелых испытаний при нисходящей социальной мобильности, переходе в непрестижную, связанную с риском маргинализации, группу¹. Военнослужащим приходится испытывать состояние перемены статуса при переходе из гражданского общества в военную корпорацию, и по завершению военной службы из военно-корпоративного сословия – в гражданскую сферу. Ясно, что выводы М.Ф. Черныша в общей степени относятся к гражданскому обществу, связанному с гражданским этапом, с завершением военной службы. Как известно, социальная мобильность семьи офицера включает два уровня:

- внутривидовая мобильность, связанная с определенным профессиональным занятием супругов;
- социальная мобильность, связанная с положением семьи офицера в структуре современного российского общества.

Изменения в отношениях армии и общества обусловили и изменения статуса семьи офицера, которая больше подпадает под влияние социально-дезинтеграционных процессов формирования ситуации, в которой воспроизводится дилемма профессионального и социального статусов и адаптивности мобильности.

Семья офицера вынуждена в условиях потери тыла в виде

¹ Черныш М.Ф. Социальная мобильность и массовое сознание // Социс. 1995. № 1. С. 135.

военной организации полагаться только на собственные силы и индивидуализацию социально-мобильных стратегий в соответствии с правилами новой социальной среды. Весьма примечательно, что социально-профессиональный потенциал семьи офицера включает в большей степени рутинные, нежели инновационные практики, что связано с самим характером военной службы и, следовательно, не может исходить из приращения ресурсов, заимствованных из теневых социальных практик.

Офицерский корпус, как и большинство населения России, оказался психологически не готов к резкому падению уровня жизни и ухудшению ее основных показателей. Закономерно, что социальное самочувствие офицерской семьи не направлено на социальный протест, и, в большей степени, замыкается на установках социального конформизма. Это выражается в согласовании потребностей и интересов семьи с ее реальными возможностями, реформировании установок ценностных ориентаций и стимулов социальной мобильности к скорому нахождению дополнительных источников существования, ожидании перемен в отношении общества к военной организации, а также в заимствовании навыков адаптации у других социальных слоев российского общества. В контексте социально-культурных преобразований семья офицера ориентируется на сохранение социальных позиций, о чем свидетельствуют объективные показатели уровня жизни семей офицеров в 2001 – 2007 гг.

Изменение структуры расходов показывает, что большинство офицерских семей ориентированы на простое социальное воспроизводство, сохранение социально-статусных позиций, что связано с поиском более доходной работы или повышением заработной платы по основному месту работы.

Но при этом необходимо отметить, что офицерские семьи исходят из данного образовательного и профессионального статусов и не ориентированы на их кардинальное изменение (рис. 1²).

² Социальный портрет личного состава ВС РФ // Ракурс. 2006. № 2. С. 15.

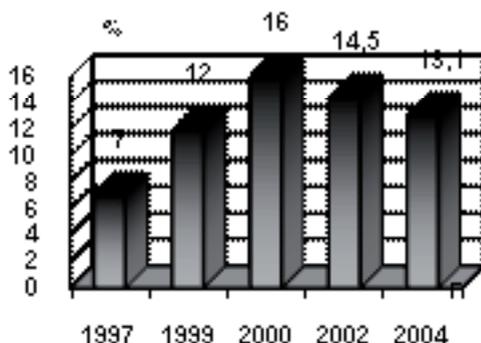

Рис. 1. Динамика отказа офицеров от получения дополнительного образования (в %)

Проведенные в рамках самостоятельного исследования социологические замеры фиксируют падение престижа профессионально-образовательного статуса, особенно в условиях жизни в крупных и средних городах, когда основным условием материального успеха выступает не столько профессиональная квалификация, сколько место работы. Подтверждается тривиальная мысль, что не важно, где работает человек, главное, кем он работает. В 24 % случаев респонденты ссылаются на негативные последствия падения профессионального престижа, таким образом, выявляется связь социальной мобильности с внутривидовой. Потребность в восходящей профессиональной мобильности уменьшается в связи с нарастанием социально-бытовых проблем и неадекватности оплаты труда профессиональному статусу. Только 22 % респондентов заявляют о необходимости профессионального роста при том, что 75 % ориентированы на высокодоходную работу. Образовательный статус также теряет свои позиции в связи с тем, что становится

значимым только в соединении с высокими доходами, что не обнаруживает консистентности в социально-статусных позициях семьи офицера. К тому же военное образование в настоящий момент не относится к престижным, дающим право на вхождение в элитные слои общества. В связи с этим прослеживается ориентация членов семей офицеров на функциональное, способное обеспечить высокие доходы образование. По результатам авторского исследования выявлено, что 44 % жен офицеров закончили или проходят курсы переподготовки, получают второе образование. Будущие профессиональные занятия распределены следующим образом: 36 % – бухгалтер-экономист, 18 % – работники сферы услуг, 15 % – новые технологические специальности, 29 % – менеджмент. Отсюда возникает несоответствие между социально-профессиональной активностью офицеров и их жен. 43 % офицеров не намерены менять свою профессиональную квалификацию внутри Вооруженных сил, так как считают, что горизонтальная мобильность мало, что обещает для повышения доходов или улучшения условий службы. Характерно, что наиболее неудовлетворенными сферой своей деятельности являются жены офицеров, занятые в традиционных сферах: образование – 34 %, здравоохранение – 21 %, ИТР – 18 %. Наблюдается корреляция между неудовлетворенностью собственной работой и доходами мужа.

В семьях с равными доходами супругов 39 % респондентов считают, что, в принципе, семья достигла удовлетворительных социальных позиций. 32 % офицеров высказывают недовольство низкими зарплатами жен.

Таким образом, можно сделать вывод, что социально-мобильный потенциал семьи испытывает регрессионную зависимость от социально-профессионального статуса мужа, что показывает непреодоленность организационной модели социально-мобильных стратегий. Характерно, что офицерские семьи при адекватном социальном самочувствии испытывают страх перед бедностью или синдромом бедности. В 52 % случаев респонденты признают, что им стыдно было бы быть бедными, 46 % говорят об ухудшении материальных условий по сравнению с советским периодом, но заявляют, что жизнь в их семье складывается

более или менее благополучно, 23 % признают, что офицеры живут хуже по сравнению с бизнесменами и чиновниками.

В соответствии с этим намерение офицеров продолжить службу в Вооруженных силах РФ демонстрирует коррелируемость показателей удовлетворенности военной службой с социально-статусными позициями. Более высокий уровень удовлетворенности демонстрируют старшие офицеры, у которых либо решены основные социально-бытовые проблемы, либо они настроены на дослуживание до пенсии, либо имеют возможность использования должностного ресурса в целях семьи, либо они отдают дань военному корпоративизму. Старшие офицеры демонстрируют дистанцию от социальной депривации и воспринимают жизнь такой, какая она есть (66 %).

Что же касается младших офицеров, то у них стремление продолжить военную службу связано с решением основных семейных проблем, прежде всего жилищной. Они готовы к продолжению военной службы на условиях улучшения их материального положения. Вероятно, семейный фактор становится все более определяющим в установках офицеров на продолжение военной службы. Однако в целом намерения старших офицеров не поднимаются выше среднего уровня. Единственный всплеск, который был зафиксирован в 2001 г., основывался на завышенных ожиданиях резкого повышения статуса и престижности военной службы. Однако затем произошел возврат к среднему уровню, что было связано с тем, что хотя негативная динамика доходов и престижности замедлилась, она, тем не менее, присутствует в отношении общества и офицерского корпуса. На настроение офицерского корпуса влияет меркантилизация социальных отношений, зависимость военной службы от социально-статусных и материальных позиций.

Так как социальная стратификация российского общества определяется различием доходов и использованием ресурсов власти, а образовательный и профессиональный статусы занимают периферийные позиции, офицерские семьи невольно попадают под давление меркантилизма. Поскольку образование и профессиональный статус имеют вторичный характер, постольку они перестают быть основанием социально-мобильного по-

тенциала семьи офицера. По нашему мнению, адекватность такого предположения подтверждается и дифференциацией внутри офицерского корпуса. Для старших офицеров, как выявлено в результате самостоятельного социологического исследования, приоритетными являются корпоративные интересы, для младших – материальные и служебные. Но ни в одном, ни в другом случае образовательный и профессиональный рост не ставятся на место лидирующих позиций. Хотя неравенство внутри офицерского корпуса основывается на доступе к должностным ресурсам, в то же время необходимо отметить, что данный тип неравенства смягчается иерархизированными отношениями и приобретает более болезненный характер по завершению военной службы. Ответы респондентов на вопрос: «Какие перспективы по трудоустройству вы видите после завершения военной службы?» (табл. 1³), показали, что старшие офицеры демонстрируют больший социальный оптимизм, нежели младшие, что связано не только с определенным накопленным социальным капиталом, но и с перспективами нахождения достойной работы.

Таблица 1

Мнение офицеров по перспективам их трудоустройства после завершения военной службы (в %)

Позиции	2001 г.		2004 г.		2006 г.	
	Старшие офицеры	Младшие офицеры	Старшие офицеры	Младшие офицеры	Старшие офицеры	Младшие офицеры
Хорошие	39	14	34	15	36	14

³

Удовлетворительные	41	34	49	24	35	31
Неопределенные	11	30	7	40	17	33
Плохие	9	22	10	21	12	22

Если младшим офицерам после ухода со службы часто приходится осваивать гражданские позиции заново, то старшие офицеры уверены в возможности найти соответствующую социально-профессиональную нишу, пользуясь репутационным капиталом или своими знакомствами.

Таким образом, можно сказать, что существует дифференциация в определении референтной группы для младших и старших офицеров. Результаты самостоятельного исследования выявили закономерность, согласно которой, старшие офицеры ориентируются преимущественно на офицерский корпус, а для младших офицеров привлекательными являются предпринимательские слои населения. В то же время 24 % младших офицеров и 36 % старших офицеров не определились с референтными группами и надеются только на себя. Более того, возросло число респондентов, считающих недопустимым какое-либо вмешательство со стороны вышестоящих руководителей, военной организации, государства в семейную жизнь: 47 % считают, что это не допустимо ни при каких условиях, 10 % – допустимо, но только в экстремальных ситуациях, связанных с нарушением социальных и гражданских прав или с опасностью для жизни.

Сужение профессиональной мобильности до критериев высоких доходов приводит, с одной стороны, к совпадению мобильных стратегий внутри семьи между супругами, с другой – к возможности конфликтных ситуаций в случае невозможности достижения искомых социально-статусных позиций по доходам. Только в 41 % случаев мнения респондентов-супругов совпадают в оценке удовлетворительного социального статуса семьи, в 59 % наблюдается резкое несогласие с оценкой положения семьи.

Мужчины демонстрируют большую удовлетворенность доходами семьи, чем женщины. Это, возможно, происходит от того, что потребности мужчин более умеренны, а женщины-респонденты ориентированы в большей степени на потребительские ценности. В позициях респондентов фиксируется не только расхождение между социальным и профессиональным статусом, но и отношение к приоритетам социальной мобильности.

Таким образом, во-первых, семья предъявляет все более возрастающие требования к устройству личной жизни, что согласуется с тенденцией на индивидуализацию и идентификацию на уровне социальной микросреды в российском обществе; во-вторых, в условиях профессионального дилетантизма, массовой перемены профессий, дискредитации традиционных профессиональных ценностей в большей степени позитивно оцениваются предприимчивость, энергичность, склонность к неординарным решениям, нежели стабильность и гарантированность. Хотя, как мы отмечали, офицерские семьи в целом придерживаются легальных способов социальной мобильности, нельзя не отметить и влияние девиантных тенденций; в-третьих, занятие более высоких социальных позиций, как правило, сопряжено с неформальной социальной активностью, с деятельностью внутри военной организации. Поэтому, требования социальной мобильности перестраиваются в соответствии с логикой достижения актуального успеха, а не связаны с долгосрочными инвестициями в будущее.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алмазов Исса Геннадьевич – главный специалист Государственной Архивной службы Республики Ингушетия

Бурцев Юрий Дмитриевич – соискатель СГУ (г. Ставрополь)

Васьков Максим Александрович – к.и.н., докторант ИППК ЮФУ

Гребеньков Валерий Николаевич – к.ф.н., начальник отдела управления лицензирования, аккредитации и надзора в образовании Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки

Дегтярев Александр Константинович – д.ф.н., профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин НВВКУС (НВИС) (г. Новочеркасск)

Дзидзоев Валерий Дударович – д.и.н., профессор, зав. кафедрой политологии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова (г. Владикавказ)

Каспарова Элина Арменовна – к.полит.н., преподаватель Краснодарского университета МВД России, капитан милиции (г. Краснодар)

Савченко Андрей Андреевич – соискатель кафедры теории и истории государства и права Краснодарского университета МВД России, старший лейтенант юстиции (г. Краснодар)

Скорик Александр Петрович – д.ф.н., профессор, зав. кафедрой ТГПиОИ Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасский политехнический институт) (г. Новочеркасск)

Тараник Сергей Анатольевич – к.с.н., ст. преподаватель Новочеркасского высшего военного командного училища связи (г. Новочеркасск)

Предисловие	3
<i>Гребеньков В.Н.</i>	
Военная культура и политика: точки соприкосновения	7
<i>И.Г. Алмазов</i>	
К вопросу формирования иррегулярных милиционных частей в русской императорской армии из ингушей (вторая половина XVIII – начало XX вв.)	15
<i>Ю.Д. Бурцев</i>	
Силовой компонент стабилизации этнополитических процессов в Северо-Кавказском регионе	20
<i>М.А. Васьков</i>	
Российская армия в вооруженных конфликтах в кавказском ре- гионе (исторический контекст и современные тенденции)	31
<i>А.К. Дегтярев</i>	
Армия в контексте идеологии национализма	55
<i>В.Д. Дзидзоев</i>	
Осетины на военной службе в русской армии в годы русско- турецкой войны 1877 – 1878 гг.	62
<i>Э.А. Каспарова</i>	
Связи с общественностью органов внутренних дел с использо- ванием средств массовой информации	84
<i>А.А. Савченко</i>	103
Противодействие незаконной миграции в России	103
<i>А.П. Скорик</i>	
Военно-служилая интенциональность донского казачества: историко-ретроспективный анализ	112
<i>С.А. Тараник</i>	
Социальная стратификация российского общества и социально- мобильные ресурсы семьи офицера	129
Сведения об авторах	137

СЕРИЯ «ЮЖНОРОССИЙСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ»
ЦЕНТРА СИСТЕМНЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ
ИППК ЮФУ И ИСПИ РАН

2001

Вып. 1. Ислам и политика на Северном Кавказе. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 188 с.

Вып. 2. Русские на Северном Кавказе: вызовы XXI века. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 215 с.

Вып. 3. Добаев И.П. Политические институты исламского мира: идеология и практика / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 80 с.

Вып. 4. Современное положение Чечни: социально-политический аспект. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 156 с.

Вып. 5. Современные проблемы геополитики Кавказа. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 196 с.

2002

Вып. 6. Ксенофобия на Юге России: сепаратизм, конфликты и пути их преодоления. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 230 с.

Вып. 7. Добаев И.П. Исламский радикализм / Отв. ред. А.В. Малашенко. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 120 с.

Вып. 8. Кукса В.П., Кислицын С.А. Государственное регулирование вынужденной миграции на Северном Кавказе (на материалах Республики Ингушетия). Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 126 с.

Вып. 9. Консерватизм и традиционализм на Юге России. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 194 с.

Вып. 10. Русские на Северном Кавказе: вызовы XXI века. Изд. 2-е, доп. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 230 с.

Вып. 11. Бережной С.Е., Добаев И.П., Крайнюченко П.В. Ислам в современных республиках Северного Кавказа. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 167 с.

Вып. 12. Силовые структуры в этнополитических процессах на Юге России. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 168 с.

Вып. 13. Международная безопасность и проблемы террориз-

ма (учебное пособие / Отв. ред. А.Г. Володин, В.Н. Коновалов. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 167 с.

2003

Вып. 14. Национальная и региональная безопасность на Юге России: новые вызовы. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 160 с.

Вып. 15. Петров М.К. Избранные труды по теоретической и прикладной регионалистике / Сост. Г.Д. Петрова. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 140 с.

Вып. 16. Православие в исторических судьбах Юга России. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 264 с.

Вып. 17. Бережной С.Е., Добаев И.П., Крайнюченко П.В. Ислам и исламизм на Юге России / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 230с.

Вып. 18. Ладыженский А.М. Адагы горцев Северного Кавказа. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 219 с

Вып. 19. СМИ в этнополитических процессах на Юге России. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 160 с

2004

Вып. 20. Православие в исторических судьбах Юга России. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 288 с

Вып. 21. Басханова Л.С.-Э. Чечня: общественное мнение в условиях этнополитического конфликта. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 150 с.

Вып. 22. Иранский мир и Юг России: прошлое и современные перспективы. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 260 с.

Вып. 23. Традиционализм и модернизация на Северном Кавказе. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 276 с.

Вып. 24. Политическая мифология и историческая наука на Северном Кавказе. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 210 с.

Вып. 25. Герасимов Г.И., Черноус В.В., Блинова М.С., Галкин М.Н., Головченко Л.В. Корпоративная ответственность в системе ценностей студенческой молодежи Дона и Юга России (к проблеме разработки модели воспитательной системы вуза). Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 153 с.

2005

Вып. 26. Факторы конфликтогенности на Северном Кавказе. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 240 с.

Вып. 27. Прилепский В.В. Становление субъекта Российской Федерации в системе федеративных отношений (на примере Краснодарского Края). Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 204 с.

Вып. 28. Лубский А.В. Конфликтогенные факторы на Северном Кавказе. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 197 с.

Вып. 29. Непризнанные государства Южного Кавказа и этнополитические процессы на Юге России. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 228 с.

Вып. 30. Евразийский проект: кавказский вектор. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 2005. 220 с.

Вып. 31. Молодежь Юга России: положение, проблемы, перспективы. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 215 с.

Вып. 32. Петров М.К. Регион как объект системного исследования / Публикация Г.Д. Петровой. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 200 с.

2006

Вып. 33. Раздольский С.А. Монастыри Кавказской епархии и их роль в культурном развитии Северного Кавказа / Науч. ред. Г.В. Драч. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 160 с.

Вып. 34. Сетевые стратегии Запада на Юге России / Под ред. И.П. Добаева. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. 179 с.

Вып. 35. Факторы стабилизации ситуации на Северном Кавказе / Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. 200 с.

Вып. 36. Патеев Р.Ф. Политические аспекты мусульманского образования в России: история и современность / Отв. ред. И.П. Добаев. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. 172 с.

Вып. 37. Этноэтатизм и этнократии на Юге России / Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. 200 с.

Вып. 38. Акопян С.Ю. Геноцид армян в период Первой мировой войны и его современные этнополитические и международно-правовые последствия / Отв. ред. С.А. Кислицын. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. 160 с.

2007

Вып. 39. Эбзеев А.А. Западный Кавказ: проблемы политической реинтеграции / Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 144 с.

Вып. 40. Юг России и Украина в геополитическом контексте / Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 255 с.

Вып. 41. Махулова З.А. Современная региональная геополитика России (на материалах республики Дагестан) / Отв. ред. И.П. Добаев. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 169 с.

Вып. 42. Магарамов Э.М. Современная геополитическая ситуация на Северном Кавказе: проблемы региональной геостратегии России / Отв. ред. И.П. Добаев. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 161 с.

Вып. 43. Исаев Э.А. Этические воззрения в системе традиционной культуры вайнахов / Отв. ред. В.Х. Акаев. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007. 120 с.

Вып. 44. Керимов М.М. Ислам в контексте традиционной культуры чеченцев / Отв. ред. В.Х. Акаев. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007. 92 с.

Вып. 45. Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007. 200 с.

Вып. 46. Рябцев О.В. Крымско-татарское национальное движение: современное состояние и перспективы развития / Отв. ред. И.П. Добаев. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ. 163 с.

Вып. 47. Этнократии на Юге России в экспертном измерении / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007. 282 с.

2008

Вып. 48. Шарафутдинова Э.Ф. Чеченский конфликт: конфессиональный аспект / Отв. ред. И.П. Добаев. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ. 168 с.

Вып. 49. Православные епархии Юга России в постсоветский период / Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ. 161 с.

Вып. 50. Современные проблемы экономической безопасно-

сти на Юге России / Отв. ред. И.П. Добаев. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ. 164 с.

Вып. 51. Солтамурадов М. Суфизм в культуре народов Северо-Восточного Кавказа. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ. 150 с.

Вып. 52. Добаев А.И. Экономическая безопасность и терроризм в эпоху глобализации. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ. 210. С.

2009

Вып. 53. Современные политические процессы на Украине / Отв. ред. И.П. Добаев, Э.А. Попов. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ. 196 с.

Вып. 54. Добаев И.П. Современный терроризм: региональное измерение. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ. 167 с.

Вып. 55. Габунщин С.В. Экологическая безопасность России на региональном уровне (на материалах Республики Калмыкия). Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ. 191 с.

Вып. 56. Барков Ф.А., Ляшова С.А., Черноус В.В. Религиозный фактор в межкультурной коммуникации на Северном Кавказе / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. 204 с.

Вып. 57. Петров М.К. Системный подход к организации регионального научного центра / Публикация Г.Д. Петровой / Отв. ред. В.В. Черноус / Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ. 2009. 224 с.

ЦЕНТР СИСТЕМНЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ
ИНСТИТУТА ПО ПЕРЕПОДГОТОВКЕ
И ПОВЫШЕНИЮ КВАЛИФИКАЦИИ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ГУМАНИТАРНЫХ
И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА И
ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ЦСРИИП ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН)

Центр является структурным подразделением ИППК ЮФУ, включает совместные с ИСПИ РАН и ИС РАН Лаборатории.

Центр создан с целью оказания информационных, научно-исследовательских и образовательных услуг органам власти и управления, общественным организациям, предприятиям и населению региона.

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ

Разработка научно-исследовательских проектов и программ, и проведение фундаментальных и прикладных региональных научных исследований.

Проведение научно-прикладных конференций и семинаров по регионалистике.

Разработка образовательных проектов и программ, организация и реализация дополнительных профессиональных образовательных услуг населению региона.

ФУНКЦИИ

Проведение маркетинговых исследований; оказание информационных, научно-исследовательских и образовательных услуг.

Выявление внебюджетных источников финансирования информационных, научно-исследовательских и образовательных проектов и программ.

Организация и реализация информационных, научно-исследовательских и образовательных проектов и программ по регионоведению.

Сотрудничество с отечественными и зарубежными научными центрами, фондами и организациями в плане разработки и реализации информационных научно-исследовательских и образовательных проектов и программ по регионоведению.

Приглашаем к сотрудничеству специалистов-кавказоведов.

Выполняем заказы на проведение исследований по гуманитарной и социальной проблематике Северного Кавказа.

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Адрес: 344006, Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, к. 208

Телефон: +7 (863) 264-34-66 **Факс:** +7 (863) 264-19-12

E-mail: kavkazdon@mail.ru , nauka.ippk@sfedu.ru

Сайт: <http://www.ippk.rsu.ru>

Научное издание

Южнороссийское обозрение
Выпуск 58

**ПОЛИТИКА И СИЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ НА ЮГЕ
РОССИИ**

Ответственный редактор
В.В. Черноус

Сдано в набор 11.05.09 г. Подписано в печать 18.05.09 г.

Формат 60x84 1/16 Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.п.л. 10,33. Уч.-изд.л. 9,8

Тираж 500 экз.

Издательство Северо-Кавказского научного центра высшей школы
344006, Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, к. 208. тел. 264-34-66

